
Научный журнал

Основан в ноябре 2018 г.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

г. Калуга

Редакционный совет

Анспока З., доктор педагогических наук, профессор (Рига, Латвия);
Вереш П., доктор психологических наук, профессор (Будапешт, Венгрия);
Волкова Е.В., доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия);
Длиббетова Г.К., доктор педагогических наук, профессор (Астана, Казахстан);
Капцов А.В., доктор психологических наук, доцент (Самара, Россия);
Кашапов М.М., доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия);
Матяш Н.В., доктор психологических наук, профессор (Брянск, Россия);
Меньшиков В.М., доктор педагогических наук, профессор (Курск, Россия);
Моросанова В.И., доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия);
Мухаметзянова Ф.Г., доктор педагогических наук, профессор (Казань, Россия);
Пазухина С.В., доктор психологических наук, доцент (Тула, Россия);
Панов В.И., доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия);
Селиванов В.В., доктор психологических наук, профессор (Смоленск, Россия);
Сережникова Р.К., доктор педагогических наук, профессор (Орехово-Зуево, Россия);
Тюмасева З.И., доктор педагогических наук, профессор (Челябинск, Россия).

Редакционная коллегия

Краснощеченко И.П., доктор психологических наук, доцент (главный редактор);
Исаева Н.А., доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора);
Доможир В.В., кандидат экономических наук (ответственный секретарь);
Васильев Л.Г., доктор филологических наук, профессор;
Горбачева Е.И., доктор психологических наук, профессор;
Енгальчев В.Ф., доктор психологических наук, профессор;
Леонова Е.В., доктор психологических наук, доцент;
Лыткин В.В., доктор философских наук, профессор;
Макарова В.А., доктор педагогических наук, профессор;
Фомин А.Е., доктор психологических наук, доцент;
Хачикян Е.И., доктор педагогических наук, профессор;
Штрекер Н.Ю., доктор педагогических наук, профессор;
Коненкова Н.В. (технический редактор).

Адрес редакции и издательства: 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48.

Тел.: (4842) 50-30-21; **E-mail:** krasnoshhechenko_ip@tksu.ru.

Адрес типографии: Отпечатано «Наша Полиграфия», 248600, г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126.

Учредитель: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ <i>Алексеева Л.В.</i> О ЗНАЧИМОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В ОБЪЯСНЕНИИ КОНКРЕТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	4
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СКУЛШУТИНГА И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ <i>Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В., Енгальчев В.Ф.</i> РАЗРАБОТКА И АНАЛИЗ МОДЕЛИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И.Р. ГАЛЯВИЕВА.....	18
<i>Кузнецов А.Ю., Кравченко А.В.</i> МЕТОДИКА РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СКУЛШУТЕРОВ.....	26
<i>Орлов В.В.</i> О КРИТЕРИЯХ ПРИЗНАНИЯ ВООРУЖЁННОГО НАПАДЕНИЯ НА УЧЕБНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ АКТОМ «СКУЛШУТИНГА».....	32
<i>Замышевская Е.А., Казанцева И.Л.</i> ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЛИЧНОСТИ СОЗДАТЕЛЯ (АДМИНИСТРАТОРА) ДЕСТРУКТИВНОГО СООБЩЕСТВА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЗВАНИЙ ТАКОВЫХ СООБЩЕСТВ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВ СУБКУЛЬТУРЫ СКУЛШУТЕРОВ)....	39
<i>Махмудова Х.Т.</i> ЗНАЧЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНТЕРНЕТЕ КАК ФАКТОРА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	48
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ <i>Абакумов Д.А., Бочарова О.С.</i> ЗАВИСИМОСТЬ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ПОКОЛЕНИЯ Z ОТ ИХ МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ.....	56
<i>Бегунова Л.А.</i> ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ.....	62
<i>Гут Ю.Н., Левцук Ю.Н.</i> К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	78
МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ И ПОИСК ПУТЕЙ ИХ СНИЖЕНИЯ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЁЖИ <i>Хащенко Т.Г.</i> НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОДРОСТКОВ К ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ.....	85
<i>Казарян Г.А., Тер-Степанян А.Г., Егиазарян А.А.</i> СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ... ..	94
<i>Круглова М.С., Шуванова В.П., Шуванов И.Б., Шаповалов В.И.</i> ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕНИЯ МЕДИААКТИВНОСТИ И МЕДИАГРАМОТНОСТИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ШУМА.....	102
<i>Миняров В.М., Сазонова С.Д.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ АДАПТАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ АДАПТИВНЫЕ УСТАНОВКИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛЕ.....	112
<i>Седин В.И., Авдейчик А.А.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЗДАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	117
<i>Белодед Д.Р.</i> ВЛИЯНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА.....	122
<i>Седенкова И.С.</i> ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ.....	129
<i>Соломатина Ю.Е., Гут Ю.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА И КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ВИКТИМНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	135
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	143

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

УДК 159.9.016.5

DOI 10.54072/26586568_2022_5_2_4

Л.В. Алексеева
**О ЗНАЧИМОСТИ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
В ОБЪЯСНЕНИИ КОНКРЕТНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Аннотация: Рассматривается значимость культурно-исторической идеи в развитии отечественной психологии советского и постсоветского поколения. Интегрируются разные теоретические подходы, схемы и модели психики, значимые для объяснения разнообразия конкретных деяний человека, в том числе в психолого-правовом аспекте. Используется метод теоретического анализа и моделирования. Предлагается краткое описание авторской модели психики как психической организации. Рассматривается культурно-историческая парадигма в русле идеи, «как история делает человека, и как человек делает историю». Методология исследования складывается из диалектического, полифункционального, интегрального и герменевтического подходов. Результаты показывают, что выделенный системо-комплекс схем и моделей психики позволяет осуществлять анализ проявлений психики по визуальным признакам, а также глубоко и основательно их интерпретировать. Что важно для экспертной деятельности психологов и развития разнообразия судебных экспертиз с их участием. Рассматриваются характеристики аномалий просоциальной субъектности человека в условиях вечно противоречивой социально-общественной обстановки, усиливающейся в условиях кризисов, а также стихийной и небезопасной цифровизации общества. Предлагается повысить культурно-исторический вклад психологов в разработку программ тренингов, развивающих просоциальную субъектность современников разного возраста.

Ключевые слова: Культурно-историческая парадигма; интегративный подход к психике; теоретические схемы и модели психики; непосредственное, опосредованное и опосредствованное проявления психики; произвольное, непроизвольное и волевое проявления психики; психика как процесс, деяние и деятельность; 13-ти звеньевая модель психической организации (ПО); психолого-правовой аспект рассмотрения; норма и аномалии поведения; просоциальная субъектность человека как гражданина.

Для того, чтобы в соответствии с тематикой симпозиума «Выявление и профилактика агрессивного поведения несовершеннолетних, обусловленного коммуникацией в медийно-информационной среде», обсуждать осмысление перспектив фундаментальных исследований, а также возможности перспектив прикладных экспертных исследований, мне прежде всего придется расширить не только предмет рассмотрения, но и объект. Это необходимо для достижения поставленной цели: выделения теоретических схем и моделей психики, пригодных для объяснения конкретного поведения человека в разном контексте.

Исследование опирается на методологию диалектического, полифункционального, интегрального и герменевтического подходов. Используется метод теоретического анализа и моделирования путём интеграции ряда теорий и положений, выраженных в обобщенных идеях, моделях и схемах психики.

Начну с базовой модели функциониро-

вания психики, заданной культурно-исторической теорией Л.С. Выготского и блестящей плеядой выдающихся советских психологов, его соратников, а также их учеников и последователей. Они должны быть известны всем психологам в нашей стране, получившим базовое образование, поскольку входят в программу основательной профессиональной подготовки. Их работы опубликованы, в том числе, в такой серии книг, как «Труды действительных членов и член-корреспондентов АПН СССР» и «Избранные психологические труды» в 70-ти томах в серии «Психологи Отечества». Они были первопроходцами, чем вызывают безмерное уважение, поскольку любили науку в себе, а не себя в науке. Среди научных открытий есть те, которые связаны с тяжёлыми ранениями наших военных во время Великой Отечественной войны и возможностью их реабилитации.

Результаты исследований 40-80-х гг. были получены и внедрены в процесс обучения и воспитания детей, производство, клинику,

юриспруденцию, а также использовались при подготовке специалистов-психологов. Так, например, в 1980 году в МГУ им. М.В. Ломоносова на факультете психологии вышла книга М.М. Коченова, стоявшего у истоков развития судебно-психологической экспертизы в нашей стране «Введение в судебно-психологическую экспертизу». Однако, вернемся к истокам культурно-исторической парадигмы.

Базовое значение этой модели заложено в разнообразных советских исследованиях. С одной стороны, активности ребёнка при вхождении в культуру, с другой, его зависимости от влияния извне (Л.С. Выготский), идеи единства бытия и сознания (С.Л. Рубинштейн), в целом, интегративного подхода к человеку (Б.Г. Ананьев, Б.С. Ломов), теориях деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) и отношений (А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев), социально-психологического взаимодействия (Г.М. Андреева), роли и специфики общения (Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев), связи языка, общения и сознания (А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев), рассмотрения социализации в единстве деятельности, сознания, личности, изучения развития психики (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин), формирования умственных действий и понятий (П.Я. Гальперин), управления процессом усвоения знаний (Н.Ф. Талызина), а также развивающего обучения (В.В. Давыдов), специфики организации движений (А.Н. Бернштейн) и функциональной системы организма (П.К. Анохин), механизмов осознанной регуляции деятельности (О.А. Конопкин), включая мотивационно-эмоциональные аспекты (Л.В. Благоннадежина, П.В. Симонов, А.Н. Леонтьев, В.Г. Асеев, В.К. Виллюнас, Ф.Е. Василюк), изучения способностей (Т.И. Артемьева, В.А. Крутецкий, В.Н. Дружинин, В.Д. Шадриков), особенностей произвольных, произвольных и волевых проявлений (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Е.Н. Соколов, А.А. Смирнов, П.И. Зинченко, В.К. Котырло, О.К. Тихомиров, В.А. Иванников), значимости человека как личности и человека развивающегося (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анциферова, В.П. Зинченко, В.В. Знаков), изучение индивидуальности (Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин, Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, А.Г. Асмолов), соотношения личностного и субъектного в онтогенезе психики ребёнка (Л.И. Божович, В.И. Слободчиков), специфики самосознания (А.Г. Спиркин, В.В. Столин), выделения значимости человека как субъекта (М.Я. Басов, А.В. Брушлинский, В.А. Петровский), его продуктивных и проблемных проявлений, отклонений от психологической нормы

(Б.В. Зейгарник, М.М. Коченов, В.В. Лебединский, Б.С. Братусь), но также и его человеческого духовного становления (Л.И. Анциферова, Л.В. Благоннадежина, В.Э. Чудновский).

Благодаря этой когорте психологов, всех их перечислить невозможно, «не только история делала человека, но и человек – историю», в том числе, историю научной психологии в СССР. Благодаря А.В. Петровскому и М.Г. Ярошевскому, сложилась прекрасная традиция: издавать обобщенную аналитику положения дел в советской психологии, включая анализ того, какие предметы изучения выделялись в ней. Психология начала XXI века [14] просто обречена была интегрировать разработанные схемы и модели, чтобы продолжать углублять и уточнять знание о том, как функционирует психика человека, и как эти знания можно использовать на практике.

И хотя психология в 80-90-е годы получила дополнительный импульс для разработки проблем отдельного человека и расцвета проблематики личности и индивидуальности, а затем человека-субъекта, а в новом веке – человека свободного, со всеми вытекающими последствиями, но также и человека нравственного, духовного, роль культурно-исторической идеи только возросла. Диалектика развития основывается на единстве и борьбе противоположностей. Именно затяжной период 90-х годов стал неожиданно переломным и лихим, с ломкой прежних устоев, переделкой страны социализма в капитализм, перехода жизни огромной уникальной страны в водоворот глобализации. Сразу стали заметны обострения противоречий. Внешняя среда и так нечасто давала однозначно позитивные примеры для социализации. Но наступившее время стало просто токсичным испытанием для традиционных правил, эталонов, ценностей, возможностей государства проявить обязанность защитить от беспредела себя, страну и её жителей.

Если Запад явно, или неявно ставился в пример нам тем, что строил уклад в правовом государстве, то есть, жил, ориентируясь «на право», то наш, как российский, так впоследствии и советский уклад строился на системообразующей роли «совести» [5]. Некоторую абстракцию любой научный подход допускает. Глобальность кризиса заключалась в том, что совесть вдруг стала рудиментом, мешающим адаптироваться к капитализму, а право ещё долго надо было разрабатывать. Однако жить по нему, тот, кто совесть потерял, не собирался, поскольку крепко держал в руках жирный кусок и с наслаждением озирался, сколько

возможностей ещё надо не упустить.

Выдающийся композитор Георгий Свиридов, народный артист СССР, творчество которого отмечено самобытностью, глубочайшей духовностью и одновременно изысканной простотой, говорил в интервью в 1988 году. «Для меня Россия – страна просторов, страна чести, страна печали, страна Христа... Русский народ – не замечательный, а родной... Раньше церкви были центрами образования и нравственности... Потеряем культуру и нацию потеряем... Искусство объединяет, если оно – великое, вокруг великих идей и задач. Если, увы, вокруг обыденности, для этого не нужно искусство. Есть желтая пресса с её сплетнями, есть низкопошибные телепередачи».

Но о возможности такого падения культуры в стране предположить никто не мог. Кроме всех прочих, разросся тип людей (из наших и варягов), желающих использовать страну, а также других людей, как средство обогащения. Россию заполонили проповедники чужой веры, желтая пресса пестрела объявлениями специалистов по потустороннему миру, обещавших гарантированное решение всех проблем. Центральный канал телевидения в нарушение норм медицины показывал оздоровительные сеансы отечественных экстрасенсов. И у всех них не было недостатка в клиентах и почитателях.

Однако, стоит отдать должное тому, что и в катастрофических условиях войны, терроризма, разгула преступности, излома ценностей, в условиях стиля жизни, направленного на выживание, люди всё же могли противодействовать разрушительным воздействиям, противостоять цинизму и потере национальной идентичности за счёт внутренней стойкой убежденности, что «так жить нельзя», а также веры, что выход будет найден, нужно набраться терпения и делать то, что должен, сохраняя свой внутренний мир и хотя бы образовательный и семейный уклад. Центрами развития психологии в регионах стали кафедры психологии в вузах, именно через них развивалась экспертная деятельность психологов.

В кризисный период продолжалось развитие самой психологии. Процесс глобализации отразился на усилении контактов с зарубежными психологами и их публикациями. Видимый прогресс проявился, в том числе, в развитии психодиагностики, судебно-психологической экспертизы, распространении психологического консультирования, развития технологии научно обоснованных тренингов. Но баццлла обогащения за счет других коснулась психологической практики.

Появились псевдопсихологи, не гнушающиеся прикрываться технологией психологических тренингов, создавать, благодаря чарующей рекламе, а затем интенсивно используя Интернет, группы, так называемого «Личностного роста», скрытно содержательно работающих по типу сект, а по форме – технологии финансовых пирамид. Такого типа группы показали свою непотопляемость до настоящего времени, благодаря специальной подготовке коучей (некоторые сейчас «в бегах», однако тренинги ведут онлайн), тугоподвижности не только законодателей, но и правоприменителей. Хотя были вскрыты факты противоправных технологий воздействия на участников, а также признаки психологического вреда и реальных расстройств, приводящих сильных, благополучных людей, проходящих или прошедших тренинг, не к гармонизации и раскрытию их позитивных возможностей, а к слому личности, к расстройствам и суициду.

А. Дворкин – известный эксперт-религиовед, – жестко высказывался в СМИ о таких деструктивных тренингах: «Развитие духа за вполне реальные деньги... Если не деньги, то однозначно – власть...». По сути, «коучинг», «марафоны» – это погружение организаторов в круговорот «власть – деньги – власть», это разнообразные кормушки для циничных коучей. В общем, «поле чудес в стране дураков». Опасно, к тому же, что вместо личностного роста у клиентов формируется зависимость, так необходимая для пролонгирования этого вида антигуманного и противозаконного бизнеса. Заключая своё мнение, А. Дворкин подчеркнул своё неприятие виртуальных тренеров без образования и квалификации, и тех, кто с помощью помпезной рекламы несёт нам из цивилизованного мира живительную поддержку. Близко к тексту: все они – социопаты, злокачественные нарциссисты, любители бабла.

Несмотря на некоторую специализацию групп такого рода «Личностного роста», этот пример прекрасно демонстрирует, что признаки агрессии – нанесения вреда, ущерба, проявление разрушения и уничтожения – не всегда имеют явный характер. И за громкой и яркой картинкой рекламы успешного и богатого коуча, не видя сути, не всякий взрослый вовремя поймет не только то, что в обертке нет конфетки, но что в обертке – яд, и успеет включить защиту, а также сумеет её проявить. Надо отметить, что организаторы тренингов «Личностного роста» стараются профессионально юридически с помощью договоров себя защитить. Более того, у них, как и при крахе пирамиды МММ, как

и при запрещении различных сект, всегда найдутся защитники среди их адептов.

Как показал обсуждаемый пример, очевидно общественная потребность развивать и использовать практические и прикладные области психологии, в том числе, интенсивно развивать юридическую психологию, а также судебно-психологическую экспертизу. Этот процесс действительно шёл за счет деятельности её основателей (М.М. Коченов, А.Р. Ратинов, В.Л. Васильев и другие), а также их одаренных учеников и последователей (О.Д. Ситковская, С.Н. Ениколопов, Ф.С. Сафуанов, И.А. Горьковая, В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин, А.Л. Южанинова, Е.Н. Холопова, Е.В. Конева, Н.В. Потлчук и многие другие). В регионах судебно-психологическая экспертиза развивалась на вузовских кафедрах пединститутов и университетов. Так, мне повезло стать ученицей М.М. Коченова.

В 1970 году под руководством профессора Б.В. Зейгарник М.М. Коченов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Нарушение смыслообразования при шизофрении», а уже с 1968 года работал сотрудником Всероссийского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре СССР, переименованного в дальнейшем в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, в 1992-1997 гг. возглавлял Отдел правовой психологии этого института.

Интересно, что на научно-практической конференции в Уфе-1991 по теме «Применение психологических знаний в юридической практике» он рассматривал «Социально-психологическую атмосферу как предмет судебно-психологической экспертизы». Получилось использование культурно-исторического подхода в миниатюре для экспертизы одного общественного случая.

Некоторые перерывы и трудности в организации научных конференций были преодолены. Всё больше и больше в сфере юридической психологии появлялись не специалисты с юридическим образованием, а психологи-профессионалы.

Новый век ознаменовался значительными успехами. Появились новые традиции проводить памятные конференции: «Коченовские чтения» (МГППУ), «Васильевские чтения» (СПбУ МВД России). Тематика научных обсуждений расширилась «на злобу дня» от проблем разжигания вражды и ненависти и методологии экспертизы материалов с признаками экстремизма до проблем, порожденных спецификой коммуникации в медийно-информационной среде.

Развитие исследований и экспертиз качественно изменилось с развитием высоких технологий фиксации и обработки данных, использовании специальной аппаратуры. Расширился возможный список предметов однородной и комплексной экспертиз с участием психолога.

И на этом этапе возникли новые противоречия в развитии экспертной деятельности психологов и горячие дискуссии, что только подчеркивало актуальность движения вперед за границы познанного и устоявшегося. Возросла роль методологии экспертного исследования и обоснования методик обследования и предъявления результатов как обоснованного доказательства. В силу расширения необходимости этих специальных познаний экспертиза с участием психолога, наряду со специальными государственными Центрами и университетскими кафедрами стала выполняться также в негосударственных Центрах, возникших при университетах и автономно. Например, в Калуге (руководитель В.Ф. Енгальчев), Волгограде (руководитель В.П. Кисляков), Санкт-Петербурге (руководитель Н.В. Потлчук).

Отдельно отмечу форпост развития и его двигатель, в таком городе, как Калуга и такого человека, как профессиональный психолог, судебно-психологический эксперт и разработчик экспертиз с участием психолога, В.Ф. Енгальчев, в КГПУ им. К.Э. Циолковского, сейчас КГУ. Ему принадлежат идеи многих научных конференций по юридической психологии, инициатива создания Межрегиональной Коллегии юридических психологов, выпуска Межвузовского научно-практического сборника «Юридическая психология». Я не берусь быть летописцем-историком, поскольку буду субъективна и многого не знаю. Но надеюсь, что замечательная деятельность моего друга, прекрасного специалиста и организатора будет отражена в современных публикациях, отражающих положение дел в юридической психологии и судебно-психологической экспертизе.

Подчеркну, культурно-историческая парадигма значима для психологии в возможности изучать человеческое в человеке, не отбрасывая его природного происхождения и проявления бессознательного, не зачеркивая многоуровневость и сложность строения психики и индивидуального сознания, а также сложность и противоречивость их функционирования в субъективном исполнении. В частности, юридическая психология и судебно-психологическая экспертиза не могли обойтись без разработок различных отраслей психологии. Но прежде всего, фундаментальных теоретических моделей психики,

разрабатываемых общей психологией.

Преимущество моих изысканий заключалась в том, что я, знакомясь с блестящими работами О.Д. Ситковской по теме судебно-психологической экспертизы аффекта [15], а также работами других экспертов, в процессе стажировки в ГНЦ СиСЭ им. Сербского и собственной экспертной практики встретила со случаями, не похожими на варианты, предусмотренные моделью классического аффекта. Изучение литературы, связанной с психологией эмоций не давали возможностей составить интегративную модель. Требовались серьезные общепсихологические разработки, которые были примерно в то же время осуществлены Ф.Е. Василюком в работах 1984-1995 гг., особенно [6]. Получилось так, что по эмпирически установленной и обобщенной системе признаков было подтверждено предположение, что благодаря выделению 2-х типов юридически значимых состояний (среди них 5 обобщенных общепсихологических видов) получено их соответствие юридическим понятиям внезапно возникшего сильного душевного волнения и сильного душевного волнения. Не перестаешь удивляться мудрости законодателя! Кроме того, данное диссертационное исследование [1] позволило не только раскрыть научную тему, но и поставить более значимую для решения проблемы: создавать модель психологических характеристик, релевантных пониманию содержания в уголовном праве понятия субъекта преступления.

И снова проявилась общая связь с О.Д. Ситковской, потому что к этому времени она разработала проблему психологии уголовной ответственности [16]. Для разработки психологических характеристик субъекта преступления, пришлось разрабатывать общепсихологические модели, характеризующие человека, как субъекта. К сожалению, в 1999 году Михаил Михайлович ушел из жизни. И опубликованной монографией [2], и защищенной в Санкт-Петербурге в 2006 году диссертацией по 2-м специальностям – общей психологии и юридической психологии [3], мне порадовать его не удалось.

Надо отметить, что в предлагаемой модели были обобщены схема деятельности А.Н. Леонтьева, модель организации движений Н.А. Бернштейна, модель функциональной системы организма П.К. Анохина, модель осознанного механизма регуляции деятельности О.А. Конопкина. Суть авторской модели психики, заключалась в оригинальном понимании психики как особого вида организации. Её интегративные возможности позволяли объединить все предлагаемые в культурно-исторической

парадигме предметы психологии: образ, поведение, деятельность, отношение, сознание, установку, переживание и пр.

Следует отметить поборникам компиляции. Созданная модель не могла быть компилятивной потому, что все выше обозначенные модели были созданы под конкретные исследовательские и практические задачи. Авторская модель представляла собой попытку создания универсальной модели, описывающей и объясняющей функционирование психики человека в любой юридически значимой ситуации, каждая из которых, по сути, была одной из житейских ситуаций, получившей криминальное развитие. Кроме того, пришлось отказаться от решений, считающихся мною ошибочными. В целом, получилась 13-ти звеньевая модель, звенья которой отличались порождением при функционировании специфического результата. Определялась психика как организация – целенаправленная система, работающая по принципу обратной связи и коррекции. Однако от создания схемы, отображающей модель в кибернетическом виде «блоков со стрелочками», принципиально пришлось отказаться. Для осуществления анализа поведения человека в любой ситуации, а также для проведения судебно-психологической экспертизы достаточно было установить особенности функционирования организации в целом и реальный вклад в это каждого из звеньев. Важно, что для обобщенного понимания каждое звено представлялось в виде базовой психологической функции.

Ни в одной из выделенных для интеграции моделей нет полного и четкого представлений блоков модели как базовых функций. Более того, в культурно-исторической парадигме настороженно относились к функционализму, ведь значимым человеческим проявлением считалась деятельность. Поскольку А.Н. Леонтьев отмечал, что деятельность должна быть организована, схема деятельности и модель психической организации интегрированы таким образом: каждое из звеньев может работать как операция или действие, и одна из них, по необходимости, особенно если это звено требует отладки – выступать в роли деятельности.

Например, если теряется смысл жизни, в виде деятельности для отладки становится звено отношения, остальные звенья должны работать на создание таких результатов, которые скорректируют предыдущее функционирование и снимут проблему с повестки дня. Это делается не только самостоятельно, но и с помощью других людей, а также специалистов-психологов, психотерапевтов, возможно, и психиатров. Если

происходит отладка работы собственной психики, своего состояния, или поведения, психическая организация преобразуется в самоуправление. Характер *субъектного социального самоуправления* предполагает проявление человека как хозяина самоуправления и то. Что оно происходит с учётом социальных знаний, норм и ценностей.

Итак, для краткости описания обозначу базовые функции (звенья) модели психики как организации: 1) ориентирующая (отражения); 2) побудительная; 3) целевая; 4) программирующая; 5) отношения; 6) интегрирующая; 7) осознания; 8) регулирующая; 9) результирующая; 10) контролирующая; 11) оценивающая; 12) прогнозирующая; 13) корректирующая.

В общем, психика как организация характеризуется целостной и интегрированной работой на воплощение принятого решения. Но, как известно, бывает и дезинтеграция, проявляемая, как непонимание происходящего; пребывание в апатии; незнание, чего хочешь и нерешительность; неумение; отсутствие смысла, переживание потери отношений со значимым человеком; растерянность и отчуждение; непонимание себя; привычки вначале делать, потом думать; не замечать позитив в полученном результате; проявлять установку сравнивать себя с другими, выделять преимущества других и испытывать зависть; пессимистично видеть будущее, постоянно критиковать других, придирается к близким. Как видно, я отметила примеры «сбоев» в каждом звене, приводящим к аномалии (отклонению) функционирования психики от психологической нормы, приводящей к дискомфорту, переживанию несчастливости, или доставлению проблем другим.

Универсальность модели психической организации была продемонстрирована в разных аспектах психологического исследования и опубликована в учебных пособиях «Мотивация и эмоции» (2011), «Психология индивидуальных различий» (2011), «Юридическая психология» (2012).

В настоящее время в русле культурно-исторической идеи заложены основы понимания психологии уголовной ответственности [16] и психологических характеристик субъекта и субъекта преступления [2], культурно-исторической психологии волевого действия [8], а также цифровой социализации в культурно-исторической парадигме [17]. Причём, для проведения судебно-психологических экспертиз могут оказаться актуальными и другие, самые разные аспекты психологии человека: психология индивидуального и группового субъекта, уровни

переживания, человек и ситуация, жизненный мир и кризис, психология смысла, субъективного мира, духовности, а также психология воздействия, лжи, различного рода отклонений от нормы, а также справедливости наказания.

Итак, перейдем к обсуждению обобщенных научных схем и моделей, рожденных в русле культурно-исторической парадигмы. Прежде всего, она дала возможность различать *непосредственное, опосредованное и опосредствованное* проявления психики человека. Очевидно, что корни у этих терминов происходят от разных слов: «среда» и «средство». На первый взгляд, акцент в теории делается на *опосредованном проявлении*: о влиянии социума (культурной среды) на развитие высших психических функций, о влиянии окружающих людей (общества) на ребёнка при формировании его сознания, то есть, его *социализации*.

Но суть всё же в факте *опосредствованного проявления* психики, поскольку именно оно обеспечивает социализацию подрастающего поколения, формирование личности, благодаря усвоению и использованию в языке социальных значений рукотворно созданного, *культурного*, контекста жизни людей. Процессы взаимодействия ребёнка с компетентными взрослыми, воспитание, обучение, активное взаимодействие и общение с окружающими людьми, как стихийно, так и целенаправленно обеспечивают усвоение социальных значений. *Предметность* организованных видов *человеческой деятельности* также включает активность детей в культурный контекст. Они усваивают *знания* о мире людей, а также осваивают *человеческие способы* взаимодействия в нём и человечность отношений.

Этот контекст (при различии содержания понятий «социальный» и «общественный») включает необходимый набор знаний о мире, о ценностях, нормах, правилах, способах и традициях поведения, о том, «что такое хорошо и что такое плохо», и чем придется заплатить за то, что совершил то самое, что «плохо». Эти знаки и социальные значения, в свою очередь, способствуют развитию *опосредствованных* возможностей, преобразуя *непосредственное* поведение ребёнка в опосредствованное и опосредованное (с учётом условий среды, не только физической, природной, но и общественной).

Кроме того, социально-общественный контекст жизни людей – причина и условие формирования у них сознания (одна из его первых трактовок: «со-знание» – как *совокупность знаний*). Термин «*образование*», включающий обучение и воспитание, больше всего соответствует

такому психическому продукту, который в нём *образован*, который происходит по образу и подобию окружающему. Что может реально передать старшее поколение младшему? Известную им картину мира и способы взаимодействия с ним. По определению, процесс формирования *культурного качества* психики обеспечивает возникновение в ней того, чего нет. «Образование» чего-то, преобразуя форму работы психики, получает новую форму и новое содержание – не природное функционирование человека как особи, а социальное, сознательное – собственно человеческое функционирование. Впрочем, природное функционирование не исчезает. Оно проявится в актуализации витальных потребностей: в пище, безопасности, сексе. Витальный вид потребностей – это тот рудимент, который остался после исчезновения сложных врожденных форм поведения, названных инстинктами. Человеку не надо перестраивать инстинкт. Инстинкт и сознание, по определению, несовместимые антиподы: наличие инстинкта разрешает жизненные проблемы без участия сознания. Поэтому там, где инстинкт – нет культуры, есть дрессура. Человеку достаточно трудно совладать всего лишь с актуализированной витальной потребностью, ведь сила её энергии может быть очень велика, особенно если поддержана энергией страсти, порождаемой эмоциями и поддержанной чувствами. В таких случаях проявляется то, что в житейской психологии получило название «звериный голод», «животный страх», «страстное влечение». Если бы к ним природа человека приложила технологию осуществления жестко закрепленного инстинкта, возникновение сознания было бы не нужным и человечество на жизненной арене не появилось.

Социализация не только расширяет возможности человека, но и принуждает его ограничивать себя. Общественные традиции сохраняют и передают проверенный на опыте поколений приемлемый уклад жизни, систему ценностей и отношений. Правила и законы ограждают безопасность государства, общества и каждого его члена от причинения им вреда. Однако, в настоящее время появился изощренный приём мошенников, построенный на цифровых технологиях и знании психологии людей советской закалки, то есть, противоречия старых традиций и новых правил, осуществляемые с помощью телефонного звонка гражданам. Причём, при необходимости на телефоне абонента высвечивается короткий номер Сбербанка – 900. Нарушение современных правил, в угоду прежних (оказывать помощь правоохранительным органам, доверять

печатному слову и телепередачам, а также официальным представителям банков, УВД, газовых и электро- организаций), однозначно превращали доверчивого человека (не только из пожилых людей) в жертву мошенников.

Общественно-социальные ограничения вступают в противоречие с ощущением и пониманием индивидуальной свободы, которая может привести человека к истокам своих возможностей – непосредственному проявлению, осуществляемому по схеме: хочу – делаю, или, согласно крылатому выражению, «если очень хочется, то можно». Либо вариантом опосредованного поведения, которое, по сути, проявится не как произвольное, а как реактивное. Его схема больше известна, как схема из теории бихевиоризма: реакция в ответ на стимул (S – R).

Если объединяются произвольное и реактивное проявления, получаем, например, поведение гипертимного ребёнка/подростка, освобождающего в движении излишнюю энергию в условиях окружающего «поля». Из наблюдений за участниками игротек. К ним растёт интерес современных родителей и детей. Ведь групповые настольные игры со специалистом-ведущим не только отвлекают подрастающее поколение от виртуальной реальности, но и дают им пример новых приятных моментов реального взаимодействия со сверстниками. Нередко случается, что, несмотря на предупреждение ведущего и невозможность держать всех игроков под контролем, розданные для игры карточки в руках у такого игрока будут частично, или все изломаны.

«Реактивное и произвольное» стоит соотносить с другими видами классификаций психических проявлений, если меняется её основание. Например, «реактивное – активное», где первый вариант – проявление элементарной ответной реакции психики, а второй – инициативного акта. Причём, элементарная произвольность, как таковая, имеет отношение к ещё одной классификации проявлений психических возможностей: «произвольное – произвольное – волевое». Произвольное проявление выше описано. Поэтому добавлю, что в этой схеме идёт усложнение работы психики, связанной с возможностями *регуляции – собственно исполнения задуманного (планируемого)*.

Произвольное беспрепятственно запускается актуализированной потребностью, произвольное – поставленной целью. С волевым проявлением всё гораздо сложнее, оно связано не с регуляцией как-таковой, а с *саморегуляцией*. Саморегуляция включается в проблемной ситуации при необходимости запустить *деяние*,

но при отсутствии актуализированной потребности, желания принимать решение и достигать цель, то есть получать нужный результат. Либо отсутствия смысла тратить свою энергию и получать дополнительные психические и физические издержки. Ведь достигая результат, человек тратит время, энергию, кто-то – нервы и др. Волевое проявление – это отладка внутреннего настроя: перестроить себя, работу своей психики, когда «надо, но не хочется», «когда пора, но нет сил», «когда должен, но не понимаешь, зачем» и пр. Это очень большой и интересный вопрос для обсуждения [8]. Моя задача рассмотреть проблему обобщенно и схематично.

Кроме активизации (отладки) возбуждения, волевая регуляция (как часть механизма самоуправления) связана с отладкой проявления торможения. В этом случае, воля как самообладание и саморегуляция, способствует избеганию нежелательного результата от произвольности и реактивности, то есть, от воздействия сильного желания, или эмоционального возбуждения, раздражения, нетерпимости, эмоционального срыва. Этому способствуют и ряд психологических черт, как автоматизированных и типичных для человека форм проявления. Это динамические свойства, характерологические и личностные черты. Таких много. Особенно, в словаре на букву «н». Среди них такие характеристики, как невежественный, некритичный, необузданный, неорганизованный, нервный, несдержанный, нетерпеливый, неудержимый, неуживчивый, неуравновешенный. Впрочем, в списке собранных мною «Психологических свойств, противоположных положительным, сильным, волевым» [4, с. 397-398], есть характеристики практически на все буквы алфавита: апатичный, безвольный, вспыльчивый, злой, мстительный и т.п. Соответственно, положительные черты личности и характера, например, ответственность, дисциплинированность, доброта, нравственность, порядочность, облегчают возникновение элементарной мобилизованности и сосредоточенности на получении нужного результата.

Внутренний запрет в общении на «выход за рамки дозволенного» спасает от разрыва отношений, обусловленных ситуативной эмоцией (проявление тактики общения) в угоду сохранения в конфликте значимых отношений (проявление стратегии общения). Таким образом, здесь *опосредствованность* психического проявления явно связана с такими базовыми функциями психики, как *прогноз* (предвидение будущего), *отношение* (отвечающее за выделение значимости, иерархию ценностей, мотивов, целей, потребностей), а также *осознание* происходящего, без

включения которого нельзя посмотреть на происходящее со стороны. Волевая регуляция не участвует в удовлетворении насущной потребности, она направлена на создание нового, «рукотворного» побуждения. Она также не обслуживается принципом удовольствия, там и непосредственному процессу легко осуществиться. Она же отрегулирует ориентировку на *принцип ценностей*. Таким образом, даже схематичные характеристики воли как саморегуляции показывают её встроенность в творческий характер осознанного самоуправления, где психикой как целенаправленной организацией руководит «Я» человека. А он сам выступает субъектом самоуправления [2, 4].

Подытожим: агрессия, как в реальном, так и в виртуальном пространстве может проявиться в непосредственном, опосредованном и опосредствованном виде, как в реактивной, так и в активной форме деяния. То же самое можно сказать и о психических возможностях, в целом. И это будут разные виды поведения. Поясню, «*деяние* – родовое понятие, включающее в себя содержание понятий активности, реактивности, мотивированной пассивности, деятельности, поступка и пр.» [4, с. 369]. Как известно, этот термин используется в юриспруденции. Мною, как психологом и экспертом-психологом, он используется потому, что не несет правовой нагрузки, но может нести обобщенную психологическую характеристику, в том числе, и о *поведении* – самоорганизации человека в конкретной ситуации, результатом которого является его *поступок*. Такое понимание деяния позволяет обосновать необходимость для юристов специальных познаний в психологии. Если им требуется определить или уточнить, какова психологическая характеристика (психологическая квалификация) деяния, завершившегося нарушением закона. Причём, в так называемом вредоносном или уничтожающем другого человека поступке, очень важен *его смысл*. То есть, *ради чего* он его совершил: чтобы напасть и уничтожить, или осуществить защиту в ответ на чужие действия. Таким образом, анализ смысла совершенного снова выводит нас на базовые характеристики психического проявления: активное – реактивное; непосредственное – опосредованное – опосредствованное; произвольное – произвольное – волевое.

Известно, что травля в школе, или на работе, конфликт в родительском чате, доведший до смерти оппонента, или ссора соседей, закончившаяся также печально, – все такие случаи могут начаться на основании довольно безобидного факта. По социально-психологическим

законам, плюс ещё, если эмоционально, или рационально грамотно ведет себя инициатор, или провокатор, конфликт получает непредсказуемое развитие травмирующим всех результатом. В связи с чем, например, чтобы не дать конфликту набрать силу, по опыту одной из московских школ, возникли группы волонтеров, руководящих разбором конфликтов и примирением сторон. Ведущим становится волонтер – один из сверстников спорщиков, вызывающих у них доверие. Эти «медиаторы» работают под кураторством психологов и социальных педагогов. Позитивные результаты этого опыта, с учётом, что впоследствии заводили травли, могут стать волонтерами-медиаторами, уже рекомендованы во все московские школы.

Несколько отличается по возможностям общественного контроля и пресечения опасного взаимодействия виртуальное пространство. Виртуальное пространство при реальной, или видимой бесконтрольности со стороны общества, других людей, может создавать атмосферу безнаказанности и способствовать *позволению* поступать, как типично, или ситуативно хочется. Отсюда предложение о необходимости снять налет «инкогнито» с пользователей Интернета вполне логично. Человеку вообще полезно осознавать и реально нести ответственность за то, что является результатом его деяний. Несмотря на соблазн, не увлекаться экстрапунитивными реакциями, объясняя всё, что происходит в жизни, связано с влиянием других людей, на худой конец, внешних сил. Воспитание дисциплины, ответственности, трудолюбия, внимания к другим с малых лет полезно для представителей обоих полов.

Другим безответственным типом поведения станет, например, самоотвод собственной ответственности, поскольку «он никого не заставлял», например, рисковать своим здоровьем, или жизнью, а просто предлагал «игру», которая нравилась «партнерам» (респондентам). А когда они осознавали опасность своей жизни и проявляли несогласие совершить суицид, или своё недовольство, приходилось напоминать о санкциях, например, о смерти кого-то из близких. Но это же мелочи жизни: смерть людей, доверившихся тебе из любопытства, или засомневавшихся в смысле своего существования. У тебя цель – властвовать над людьми. И она оправдывает средства, которые, ты уверен, *противоправны, но безнаказанны*.

Пример минутного видео задержания молодого человека, способствовавшего доведению до самоубийства несовершеннолетних, высветил всю мерзость его личности. Хотя

считывались лишь его ситуационное состояние и физические параметры. Круглые от ужаса глаза на одутловатом лице, крупное бесформенное тело. Он явно выбрал не тот образ жизни и способ взаимодействия с другими молодыми людьми для решения собственных проблем. Если отказаться от научных терминов, а перейти на духовную религиозную терминологию, он выбрал стезю мелкого беса. А мог бы остаться в рамках общественной морали, получить помощь священника, или психолога. Тем самым, и себя бы спас, и загубленные им жизни наивных и непосредственных, неподготовленных к встрече с открытой подлостью подростков, были бы сохранены. Однако, каждый из нас осознает, насколько в таком конкретном случае трудно осуществить профилактику, или, по счастью, заметив в подростке, или молодом человеке/девушке неладное, уладить проблему близкого человека. Скорее всего, нужна общая программа безопасности в интернете.

Понятно, что вышеприведенные наблюдения, это не установленные судебно-психологической экспертизой факты, а лишь интерпретация на основе выделенных значимых наблюдаемых признаков. В психологическом *исследовании* и *обследовании*, даже если ты не *профайлинг*, роль *герменевтического подхода* трудно переоценить. Анализ характера воздействия актора на респондента показывает степень его спонтанности, или технологичности, это выплеск энергии ситуационного состояния, или изощренный садизм гиперкомпенсации депривированной потребности, которая преобразовалась в потребность в самоутверждении и власти. Возможно, и нечто иное, экспертиза установит точно. Так, или иначе, для квалификации противоправного деяния будет значима степень способности данного лица к осознанному социальному самоуправлению, которое включает в себя и фактор ответственности – предположительно и реально держать ответ перед другими, даже если их рядом нет, люди живут в обществе, и этот процесс взаимоответственный. Даже, если кажется, что общество, государство тебе «не добавляет», не стоит «манипулировать гирьками» на весах истории своей жизни.

По сравнению с натуральными элементарными психическими возможностями ребёнка первых месяцев жизни, психическая продукция в виде такого «функционального органа», как *самосознание* – результат психического развития, высший пилотаж работы которого проявляется, например, в способности человека к ответственному и продуктивному социальному субъективному самоуправлению в непредсказуемых

ситуациях. То есть, сознание, как и личность (личностное) в психике образуется (формируется, привносится из вне), а его субъектность развивается из энергии собственных потребностей и желания достигать собственные цели, заниматься тем, что ему интересно, не делать того и не быть в связи с теми, кто ему чужд. Вот самоуправление и занимается самосознание. Отсюда и результат различия между знаниями, усвоенными социальными значениями и общественными ценностями, и индивидуальными предпочтениями, оценками, смыслами и убеждениями.

Итак, способность психики к опосредствованному функционированию не перекрывает существующие возможности её непосредственного проявления. Во-первых, такой акт связан с актуализированной потребностью, и чем сильнее энергия потребности, тем прямолинейнее (а не опосредствованно) он может совершиться. Во-вторых, кроме активного, психика непосредственно проявляется и реактивно. Один из видов такого реагирования происходит, благодаря реактивному свойству эмоций. В сравнении со взрослым, ребёнок – существо непосредственное, однако и взрослому такое проявление свойственно. В некоторых ситуациях именно оно для взрослого человека более уместно или предпочтительно, чем другие более поздние и сложные возможности его самоорганизации. Если же говорить об упрочившихся свойствах, таких, как доверчивость, наивность и т.п., их типичное проявление создает питательный контекст для непосредственного поведения, которое может стать базой для зависимости от других людей.

Так, наконец, мы перешли к опосредствованному виду проявления психики. В отличие от непосредственного функционирования, ориентированного на внутреннее ситуативное состояние, опосредствованное преломляется, изменяется, благодаря влиянию внешней среды, строится с учётом её свойств и требований, а также внутренних возможностей им соответствовать.

Таким образом, выделенные 3 вида возможностей по форме проявления психики (в виде поведения, самоорганизации) характеризуются разным потенциалом, который внутри вида может отличаться по содержанию и проявляться отнюдь не идеально:

– непосредственное поведение – субъективностью (отчёт от себя, предвзятость) и зависимостью, естественностью и раскрепощённостью, так называемой «вольной волей», а также эмоциональностью, эмпатийностью;

– опосредствованное – адаптивностью,

разумностью, компромиссностью, конформностью, приспособленчеством, внушаемостью, ведомостью;

– опосредствованное – объективностью, рациональностью, осмысленностью и осознанностью, моральностью, нравственностью, а также субъективностью – способностью проявить себя во взаимоотношениях субъектом, пеленга моментов приложения к себе чьих-то нежелательных воздействий, сопротивление им, преодоление препятствий, совладание с ситуаций, владение собой с привлечением волевой регуляции.

Таким образом, рассмотренные возможности работы психики мы можем отметить, как в организации поведения в реальном обществе, в реальных общественных местах: на улицах, в школах и вузах, на работе, в группах тренинга, или, так называемого, «Личностного роста», в семье и общественных организациях, а также при взрывном накате цифровизации общества в разнообразных вариантах Интернет-возможностей и при взаимодействии со СМИ.

Есть специфика в том, как человек воспитан и образован, и сам решает, как вести себя в общественном пространстве. Когда создается диада «Я и общество», важно, работает ли принцип долженствования, или предпочтителен его неадекватный вариант, который может без стеснения, или даже с бравадой высказываться: «Я никому ничего не должен». Этот отблеск Я-концепции в опосредствованном проявлении снижает качество поведения до непосредственного и реактивного, оправдывая несдержанность, разрушительность, варварство, хамство, агрессивность и саму агрессию. Иногда, это проявляется более невинно, как халатное или легкомысленное над отдельными его составляющими человек не утруждает себя задумывать. Хотя разрушения и ущерб от него не менее ужасен.

Примеры реального самоуправления как причина серьезной тревоги: ДТП с нетрезвыми водителями, запредельное количество штрафов некоторых автолюбителей; количество наездов на пешеходов самокатчиков и велосипедистов, уповающих на скорость и лавирование, но никак на внимательность к пешеходам, учёт их интересов, а также подчинение правилам и торможение проявления собственного эгоцентризма; наконец, катастрофическое количество пожаров, называемых природными, но случившимися по вине человека.

Пожаров с трагическим результатом нескончаемых гектаров сгоревших лесов, а также множеством домов и построек, плачем и причитанием погорельцев, с человеческими

потерями, включая пожарных, с безумно дорогими тратами на тушение и восстановление нормальной жизни людям и окружающей их среде. А ведь из года в год всё тушим и тушим, и из года в год всё непрекращающиеся случаи пала травы. Одни бесконечно объясняют, что нельзя и во всех аспектах вредно сжигать сухой, даже мизерным административным штрафом угрожают, вторые – бесконечно запаливают, третьи – бесконечно тушат. Такая диалектика жизни.

Юристы в борьбе с преступностью уповают на неотвратимость наказания. Однако в психологическом плане не всё так просто. Наказанием, не соответствующим содеянному, обвиняемое лицо развращается, потерпевшее – превращается в тройную жертву. Наказание должно соответствовать политической и экономической ситуации, которой характеризуется государство и страна. Незначительностью наказания за явное вредительство, как и неотвратимостью слабого наказания лишь подкрепляется *правовой нигилизм* в обществе. Правонарушитель может продолжать вести свой образ жизни, не заметив издержек от наказания, возможно, ему в очередной раз «пальчиком погрозили», а потерпевший с изломанной судьбой (результат, вредоносный для страны), униженный, как незначительностью наказания обвиняемому, так и крохами за моральный ущерб, которые у него нет сил дожидаться от увиливающего от издержек правонарушения, осужденного. У него ведь своя субъективная позиция в понимании правды и справедливости.

Порой, юристы, как закоренелые бюрократы, прячут свою немощь за формальностью закона, тогда страдает не изощенный мошенник, сыгравший на том, что правоприменитель потерял чувство собственного и профессионального достоинства, а, к примеру, добросовестный приобретатель квартиры. В делах об обналичивании материнского капитала, когда аферу проводят с покупкой дешевого жилья, непригодного для жизни, судебно-психологическая экспертиза показывает участие в этом потоке оформления документов купли-продажи «хибар» нотариусов, которые по характеру организации оформления документов и количеству клиентов в потоке за день и за «отчетный период», характера взаимоотношения с организатором и клиентами не могут не понимать, что участвуют в противоправных действиях. Однако, на прямой вопрос следователю о характере обвинительного заключения и роли экспертизы, получаешь не менее прямой ответ: «нотариус – это же другое».

Следующий пример на уже прошедшую

«злобу дня». Обсуждение в СМИ и Интернет-пространстве необходимости вакцинации от коронавируса. Самый сильный и однозначный аргумент «за» имели те, кто непривитым оказался на больничной койке и испытал страшные мучения и осознание смертельной опасности. Но в целом, как темп, так и объём вакцинации в нашей стране были ниже требуемого. СМИ заполонила противоречивая информация даже из уст специалистов. На телевидении практически в чрезвычайной ситуации победила свобода мнений. И непосредственно настроенных соотечественников: «как бы хуже ни стало», – при отсутствии дефицита вакцины логичность аргументов отечественных гениев вакцинации не убеждала.

Вес аргументов профессионалов не выдерживал конкуренции с множеством противоположных мнений милых сердцу зрителя актрис и певцов, гурьбы крикливых эмоционально-выразительных блогеров, не верящих в обрушившееся на них счастье возможности выпендриться со своими незатейливыми житейскими мнениями перед многомиллионной аудиторией телезрителей и нескрываемой демонстративной мотивацией – засветиться и приподнять свой рейтинг. Снова встречаемся с признаком аномалии личности, когда человек к другому относится не как к ценности, а как к средству. Скорее всего, на ситуации ЧП подобного типа, специалистам стоит обдумать способы воздействия, однозначно *недезоргирующие* граждан страны. Решить проблему иерархии ценностей: свобода, приводящая к смерти после осложнений, или стонов и мучений «на плоской планете», либо цивилизованное поведение и переживание счастья от продолжения жизни и подтверждения, что «земля круглая»: в путешествие по стране!

Важно понять, какова должна быть программа развития опосредствованной самоорганизации представителей Отечества, чтобы гражданам были ответственны за родную землю, за свою страну.

Наконец, поставим вопрос, будет ли лучше организовано поведение человека, если реальное проявление среди людей меняется на виртуальное. Можно предположить, что отрицательные черты и слабости актора лишь раскрепостятся от бесконтрольности, либо будут маскироваться, чтобы усилить манипулятивный эффект воздействия на пользователей. Если же в этой диаде рассматривать поле Интернета со стороны респондента/адепта – получателя информации, а также подражателя, последователя и ведомого, его безопасность при отключении опосредствования – проблематична.

Вспоминается сюжет, когда группа девочек возрастом младших подростков взволнованно и возбужденно пришли на встречу к своему кумиру, чтобы сделать селфи. Кумир – девушка, которая демонстрировала в Интернете содержимое своей сумочки, косметички, своей тарелки, шкафа и т.д. И этим была им очень интересна. Мальчики, их ровесники, в это время, возможно, скучая и проклиная бессмысленность происходящего, стремились делать вид, что готовят уроки, мечтая в то же время о ярких впечатлениях от компьютерных игр, ради которых они пожертвуют всеми другими видами времяпровождения. Конечно, есть и другие, совершенно прекрасные примеры развития талантов детей. В советские времена было крылатым выражение: «Дети – цветы жизни». Так, какие плоды ожидает получить Отечество от того, что отдало на откуп Интернету воспитание (социализацию) миллионов детей, которые в Центры для одаренных детей себе место не найдут, да и Центры такие не везде уместны.

Ведь, по сути, нужно решить проблему развития разных типов детей и помочь найти себя и в себя поверить. Безотлагательно стоит решить проблему образования, а то общественность постепенно стала адаптироваться к примерам, выраженным в фактах отсутствия базовых знаний о мире и родной стране, о специфике ценностных ориентаций и приоритетов, но явно выраженными амбициями представителей подрастающего и подросткового поколения. Хотя вряд ли можно принять такую оценку преподавателя престижного вуза: «Мы приняли инопланетян».

Итак, пусть образование останется трехуровневым: детский сад, школа, вуз. И на каждом уровне предложение условий для самообразования для разных детей и их семей. И чем старше гражданин Отечества, тем больше и сложнее его посильный вклад в развитие страны. И чтобы весь день занят, как у ребят-пионеров. Что я ещё могу предложить, кроме того прекрасного, через что в школе сама прошла, чувствуя свою значимость для других людей.

Итак, анализируя публикации, отмечаешь такой факт. Рассматривая цифровизацию общества как культурный процесс, способствующий порождению новых форм деятельности, культурных практик, феноменов, значений и смыслов [17], необходимо учитывать наличие больших рисков. В частности, данный процесс

у молодёжи может способствовать формированию негативной социокультурной идентичности, повышению социального конформизма к различным деструктивным идеологиям, включая идеологии экстремизма и терроризма.

Для преодоления негативного воздействия на психологически неустойчивую и социально незрелую когорту подрастающего поколения, исследователи разрабатывают психолого-педагогические технологии преодоления социокультурных угроз, обусловленных деструктивным информационным воздействием. К примеру, установлено, что не все студенты считают важным предупреждение социокультурных угроз цифровой трансформации общества [9]. В очередной раз показано, что для студентов именно в образовательном процессе уместны и полезны не способы доказательства этой ценности в виде готовых знаний и «взрослых мнений», а в виде специальной части программы тренинга [10].

В идеале, подобные программы тренингов, преобразующие способности и ценности, необходимы и полезны для разных групп: детей, подростков, молодёжи, взрослых, пожилых. Чтобы ценностные представления (как нечто социально значимое) в личном опыте трансформировали у участников не только качество оценки получаемой информации как вредоносной, но и в целом гарантировали их негативное отношение к такому жизненному явлению (деструктивное информационное воздействие), а при прежнем (предварительном) нейтральном, или позитивном отношении изменили его, и как следствие, изменили мотивы их поведения, породили новые чувства и личностные смыслы, укрепили их просоциальный характер и, в целом, просоциальность жизненной позиции участников.

Подобное можно отметить и в подготовке специалистов, в частности, юридических психологов и судебных психологических экспертов. С одной стороны, значима фундаментальность основ системы подготовки [7], появление разнообразия учебных пособий и практикумов, программ подготовки экспертов-психологов и повышения их квалификации. С другой, значимо разнообразие активных методов и тренингов [10, 11, 12, 13], которые разрабатывают психологи-профессионалы для различных клиентов, включая решение психолого-юридических проблем.

Список литературы:

1. Алексеева, Л.В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: Дисс. ... канд. психол. наук / Л.В. Алексеева. – Москва, 1996. – 279 с.
2. Алексеева, Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления: Монография / Л.В. Алексеева. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2004. – 520 с.
3. Алексеева, Л.В. Психологическая характеристика субъекта преступления: Дисс. ... докт. психол. наук / Л.В. Алексеева. – Санкт-Петербург, 2006. – 550 с.
4. Алексеева, Л.В. Психология индивидуальных различий: учебное пособие / Л.В. Алексеева. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2011. – 400 с.
5. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – Москва: Мысль, 1988. – 301 с.
6. Василюк, Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27-37.
7. Енгальчев, В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: Дисс. ... докт. психол. наук / В.Ф. Енгальчев. – Санкт-Петербург, 2006. – 530 с.
8. Иванников, В.А. Культурно-историческая психология волевого действия: От прогноза – к поступку. Избранные труды / В.А. Иванников; предисл. А. Асмолов. – Москва: Когито-Центр, 2021. – 508 с.
9. Кисляков, П.А. Восприятие молодёжью социокультурных угроз цифровой трансформации общества / П.А. Кисляков, А.Л. Меерсон, О.А. Силаева, Е.Е. Дмитриева // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № 4. – С. 8.
10. Кисляков, П.А. Психолого-педагогическая технология преодоления студентами социокультурных угроз, обусловленных деструктивным информационным воздействием / П.А. Кисляков, О.А. Силаева // Сборник материалов международного конгресса «Психология XXI столетия» / под ред. В.В. Козлова. – Ярославль: ЯрГУ, ЯГПУ, МАПН, 2021. – С. 123-128.
11. Конева, Е.В. Практические методы оценки компетенций специалистов / Е.В. Конева, Н.Н. Мехтиханова // Вестник интегративной психологии. – 2018. – Выпуск 16. – С. 123-125.
12. Конева, Е.В. Приёмы коррекции и профилактики феномена «неуставных отношений» в социальных структурах / Е.В. Конева, А.А. Пелевина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2013. – Т. 6. – № 2. – С. 50-53.
13. Пряхина, М.В. Компетентностный подход к анализу деятельности руководителей ОВД / М.В. Пряхина // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2021). – Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ МВД РФ, 2021. – С. 655-659.
14. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. – Москва: Ин-т психологии РАН, 1997. – 576 с.
15. Ситковская, О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта / О.Д. Ситковская. – Москва, 1983. – 72 с.
16. Ситковская, О.Д. Психология уголовной ответственности / О.Д. Ситковская. – Москва: Изд-во НОРМА, 1998. – 285 с.
17. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребёнок в изменяющемся мире / Г.У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – №3. – С. 71-80.

L.V. Alekseeva

**ON SIGNIFICANCE OF CULTURAL-HISTORICAL PARADIGM
OF RUSSIAN PSYCHOLOGY IN EXPLAINING SPECIFIC BEHAVIOR**

Abstract: The significance of the cultural and historical idea in the development of the national psychology of the Soviet and post-Soviet generation is considered. Various theoretical approaches, schemes and models of the psyche are integrated, which are significant for explaining the diversity of specific human actions, including the ones in the psychological and legal aspect. The method of theoretical analysis and modeling is used. A brief description of the author's model of the psyche as a mental organization is offered. The cultural-historical paradigm is considered in line with the idea of "how history makes a person, and how a person makes history." The research methodology consists of dialectical, multifunctional, integral and hermeneutic approaches. The results show that the selected system-complex of schemes and models

of the psyche allows analyzing the manifestations of the psyche by visual signs, as well as interpreting them deeply and thoroughly. That is important for the expert activity of psychologists and the development of a variety of forensic examinations with their participation. The characteristics of anomalies of prosocial subjectivity of a person in the conditions of an eternally contradictory socio-social situation, which increases in the conditions of crises, as well as spontaneous and unsafe digitalization of society, are considered. It is proposed to increase the cultural and historical contribution of psychologists to the development of training programs that develop the prosocial subjectivity of contemporaries of different ages.

Key words: cultural and historical paradigm; integrative approach to the psyche; theoretical schemes and models of the psyche; direct, indirect and mediated manifestations of the psyche; involuntary, arbitrary and volitional manifestations of the psyche; psyche as a process, act and activity; a 13-link model of mental organization (PO); psychological and legal aspect of consideration; norm and anomalies of behavior; prosocial subjectivity of a person as a citizen.

References:

1. Alekseeva L.V. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza emotsionalnykh sostoyaniy: dis. ... Cand. Psychol. Sc. M., 1996. 279 p. (In Russ.).
2. Alekseeva L.V. Psikhologiya subyektov i subyektov prestupleniya: Monografiya. Tyumen: PH TyumGU. 2004. 520 p. (In Russ.).
3. Alekseeva L.V. Psikhologicheskaya kharakteristika subyektov prestupleniya: dis. ... Doct. Ps. Sc. SPb., 2006. 550 p. (In Russ.).
4. Alekseeva L.V. Psikhologiya individualnykh razlichiy: uchebnoye posobiye. Tyumen: PH TyumGU. 2011. 400 p. (In Russ.).
5. Bratus B.S. Anomalii lichnosti. M.: Mysl; 1988. 301 p. (In Russ.).
6. Vasilyuk F.E. Urovni postroyeniya perezhivaniya i metody psikhologicheskoy nauki // Voprosy psikhologii. 1988. № 5. P. 27-37. (In Russ.).
7. Engalychev V.F. Psikhologicheskiye osnovy vuzovskoy podgotovki spetsialistov v yuridicheskoy psikhologii. Dis. ... Doct. Ps. Sc. SPb., 2006. 530 p. (In Russ.).
8. Ivannikov V.A. Kulturno-istoricheskaya psikhologiya volevogo deystviya: Ot prognoza – k postupku. Izbrannyye trudy / Intr. by A. Asmolov. M.: Kogito-Tsentr, 2021. 508 p. (In Russ.).
9. Kislyakov P.A., Meerson A.L., Silaeva O.A., Dmitrieva E.E. Vospriyatiye molodezhyu sotsiokulturnykh ugroz tsifrovoy transformatsii obshchestva // Vestnik Mininskogo universiteta. 2020. V. 8. № 4. P. 8. (In Russ.).
10. Kislyakov P.A., Silaeva O.A. Psikhologo-pedagogicheskaya tekhnologiya preodoleniya studentami sotsiokulturnykh ugroz, obuslovlennykh destruktivnym informatsionnym vozdeystviem // Sb. materialov mezhdunarodnogo kongressa «Psikhologiya XXI stoletiya» / Ed. by Kozlov V.V. Yaroslavl: YArGU, YAGPU, MAPN, 2021. P. 123-128. (In Russ.).
11. Koneva E.V., Mekhtikhanova N.N. Prakticheskiye metody otsenki kompetentsy spetsialistov // Vestnik integrativnoy psikhologii. 2018. Issue 16. P. 123-125. (In Russ.).
12. Koneva E.V., Pelevina A. A. Priemy korrektsii i profilaktiki fenomena neustavnykh otnosheniy v sotsialnykh strukturakh // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2013. V. 6. № 2. P. 50-53. (In Russ.).
13. Pryakhina M.V. Kompetentnostny podhod k analizu deyatel'nosti rukovoditeley OVD // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktualnyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii» (Vasilevskiy chteniya – 2021), Sankt-Peterburg: PH SPbU MVD RF, 2021. P. 655-659 (In Russ.).
14. Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii / Ed. by A.V. Brushlinsky. M.: Institute of Psychology RAN, 1997. 576 p. (In Russ.).
15. Sitkovskaya O.D. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza affekta. M., 1983. – 72 p. (In Russ.).
16. Sitkovskaya O.D. Psikhologiya ugolovnoy otvetstvennosti. M.: PH NORMA, 1998. – 285 p. (In Russ.).
17. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kulturno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebyonok v izmenyayushchemsya mire // Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo. 2018.V. 9. №3. P. 71-80 (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.04.2022

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СКУЛШУТИНГА И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 343.9+159.9

DOI 10.54072/26586568_2022_5_2_18

Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина, В.Ф. Енгальцев

РАЗРАБОТКА И АНАЛИЗ МОДЕЛИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И.Р. ГАЛЯВИЕВА

Аннотация: Целью статьи является построение на основе анализа поведения И.Р. Галявиева исследовательской модели, адаптированной под решение задач первоначального этапа расследования массовых убийств. Основным методом исследования – метод экспертной оценки. Информация получена из СМИ посредством техники OSINT (англ. Open-source intelligence techniques – разведка по открытым источникам, техника получения достоверной закрытой информации посредством поиска, систематизации и анализа общедоступных источников). В результате сравнительного анализа модели поведения Галявиева И.Р. и моделей классических массовых убийц, он был определен как планирующий массовый убийца. Вместе с тем, его поведение имело ряд существенных отличий от классического. Результатами проведенного исследования стали уточненные поведенческие модели массовых преступников различных типов, анализ природы криминального поведения у различных типов массовых преступников и предположения о типовых моделях взаимодействия последних с иными участниками события массового преступления. В качестве финального вывода выступило утверждение, что исследование личности массового преступника на первоначальном этапе расследования должно сводиться, как минимум, к определению его возможной принадлежности к одному из типов массового убийцы, а также выявлению расхождений между классическим типом и психологическими особенностями личности и поведения реального убийцы. Важен также поиск вероятных соучастников и особенно гипотетического оператора – мотиватора и организатора события массового преступления.

Ключевые слова: массовое убийство; профайлинг; психологический профиль; агрессия; скулшутинг; И.Р. Галявиев.

11 мая 2021 в гимназии № 175 (Казань, Республика Татарстан) произошло массовое убийство. В результате нападения погибли 9 человек: 7 подростков в возрасте от 13 до 15 лет и 2 педагога – 26-летняя учительница английского языка Э. Игнатьева и 55-летняя учительница начальных классов В. Айзатова. По горячим следам был задержан И.Р. Галявиев, который по показаниям множества свидетелей был единственным участником этой бойни. Исследование модели поведения Галявиева И.Р. как яркого представителя новой, только формирующейся в нашей стране, формации преступников – массовых убийц, естественно, не могло не вызвать интереса со стороны исследователей, специализирующихся на анализе криминального поведения.

Задача понимания движущих преступником факторов, а также необходимость разработки методик анализа поведения массовых преступников объективно предопределили использование методов и исследовательских методик из различных областей знания, без которых определение причин появления феномена массовых убийств в российском социуме затруднительно [5, с. 62-76; 8, с. 21-25].

Новизна исследуемого феномена предопределила актуальность построения теоретической модели агрессивного поведения массовых преступников, для чего возникла необходимость в рецепции результатов современных зарубежных разработок в области профилирования, а также необходимость понимания, как феномен массовых преступлений может быть объяснен, исходя из колоссального отечественного опыта психологического, криминологического и криминалистического исследования личности.

Понимание природы личности преступника, совершающего массовое убийство, строится на ряде положений теории криминологии, психологии и криминалистики.

Положение 1. Следует различать единичное убийство и многоэпизодные преступления (однородные или разнородные преступления, совершенные конкретным преступником).

Положение 2. Многоэпизодные преступления содержательно делятся на две основные группы:

1) фактически многоэпизодные преступления – группа многоэпизодных преступлений которая состоит из самостоятельных эпизодов как с точки зрения внешних наблюдаемых

обстоятельств, так и с точки зрения внутренних детерминант, состоящие из ряда отделенных по времени и месту самостоятельных эпизодов, обладающих совокупностью характерных повторяющихся признаков. Одной из структурных составляющих данной группы преступлений являются так называемые серийные убийства [13, с. 159].

2) формально многоэпизодные преступления, как совокупность ряда преступлений, совершенных в конкретном месте и в относительно короткий промежуток времени. За этой группой преступлений в отечественных и зарубежных исследованиях, в частности, традиционно закрепилось название «массовые убийства».

Традиционно выделяются классические массовые убийцы (classic mass murder) и убийцы-шатуны (spree murder)¹. В целом массовые преступники характеризуются совершением убийств в рамках одного преступного события в отношении нескольких лиц (четырех и более) без периода эмоционального покоя между убийствами.

Классический массовый преступник совершает преступления в одном месте или в местах, незначительно удаленных друг от друга, а преступник-шатун в местах, значительно удаленных друг от друга, но и тот, и другой действуют в рамках очень незначительного по протяженности временного промежутка [10, с. 96; 11, с. 437].

Так как рассматриваемое здесь преступление было совершено на ограниченной территории, необходимо сразу определить лицо, его совершившее, как классического массового убийцу.

Однако выделение в группе массовых преступников лишь двух подгрупп носит достаточно спорную как теоретическую, так и прикладную ценность. Двойственность феномена, во-первых, чревата достаточной общностью каждой из групп, во-вторых, антагонистичностью выделенных групп, что редко удастся подтвердить на уровне эмпирических исследований. Мы предлагаем произвести дальнейшую детализацию классификации, предложенной в рамках – уже воспринимаемой как классическая – школы профайлинга ФБР. Анализ совокупности кейсов рассматриваемой группы преступлений показал, что группа классических массовых преступников нуждается в делении на стихийных и планирующих массовых преступников.

Для стихийного массового преступника характерна внезапность преступного поведения, его определенная неожиданность и хаотичность. Сама этимология термина проистекает из природы стихии как малопредсказуемой, хотя и объективируемой материи.

Для планирующего массового преступника характерна системность преступного поведения как уникальное сочетание целесообразности и организации деятельности. Преступление, внешне воспринимаемое как эмоциональный взрыв, в действительности неслучайное явление, а планируемое, возможно даже пережитое в фантазиях, хотя последнее конечно для массовых убийц, в отличие от серийных, не характерно.

Вероятно, спорно делить таким образом массовых убийц [15, с. 145], так как данная классификация устоялась применительно к серийным преступникам, образующим совершенно иную уникальную криминальную группу. Но дело в том, что деление на организованных/дезорганизованных базируется не только на системности преступной деятельности, но и на целостности психики как системного образования.

Так организованный, по сути, психопатический (социопатический [12, с. 456]) серийный преступник характеризуется наличием психогенного нервно-психического расстройства, возникающего в результате нарушения особо значимых жизненных отношений человека и проявляющегося в специфических клинических феноменах при невыраженности психотических отклонений.

Дезорганизованный, по сути, психотический серийный преступник характеризуется наличием выраженных форм психических расстройств, при которых психическая деятельность лица отличается резким несоответствием окружающей действительности, что проявляется в нарушениях поведения и проявлении патологических симптомов и синдромов.

У массовых же преступников классического типа исследователями отклонения психотического плана не выявлены, поэтому чтобы не использовать одни термины с различным содержательным наполнением необходимо отказаться от дихотомии организованности/дезорганизованности.

В русле отечественных традиций классификации допустимо определять стихийных массовых преступников как иррациональных, а планирующих как рациональных преступников, но

¹ Несмотря на то, что термин «spree murder» переводится как убийца-шалун, этичнее использовать термин «убийца-шатун».

мы будем исходить из деления массовых преступников на стихийных и планирующих.

Но исследовательские традиции терминологического оборота не отражают содержательной составляющей стихийных и планирующих массовых преступников. В чём же отличие представителей этих двух групп?

Стихийные массовые убийцы – это, как правило, классические жертвы школьного преследования (буллинга). Анализ биографий 10 представителей данного типа показал, что все они обладали выраженными конформными характеристиками личности, склонностью к безагрессивному поведению с точки зрения психологической, и принадлежностью к группе отверженных с позиций социометрии. Агрессивная модель поведения рассматриваемых преступников сводится к ситуационному осознанию безвыходности в вопросе изменений своего социального статуса и роли в коллективе. Четкое осознание сказанного сценарно имеет три варианта – вариант депрессии, вариант суицидный и вариант стихийного убийства. Несмотря на то, что последний вариант статистически редок, однако, как видно, он только лишь один из вариантов распространенного аддиктивного поведения жертв буллинга. Стихийное массовое убийство – естественный для современных реалий, не выходящий за понимание типового развития неудачного сценария межличностных отношений среди подростков вариант поведения. Жертвы стихийных массовых убийств хорошо знакомы агрессору и активно травмировали его достаточно долгое время. В криминологической науке такие жертвы принято определять как жертвы с агрессивной victimностью [3, с. 93-97].

Агрессивность, которую можно назвать ситуационной (по аналогии с ситуационной тревожностью) это содержательная основа стихийного массового убийства.

Стихийное массовое убийство естественное следствие буллинга, который в свою очередь выступает естественным следствием индивидуалистской культуры, в которой как известно прямо или косвенно пропагандируются идеи социалдарвинизма. Неясно, как возможно противодействовать стихийным массовым убийствам, учитывая, что индивидуалистская культура – это основа современного индустриального государства рыночного типа.

Совершенно иная картина с планирующими массовыми убийцами. Несмотря на то, что они не являются изгоями в коллективе, однако активную роль в нем не играют.

Анализ биографий 10 представителей данного типа показал, что почти все они обладали

выраженными установками на лидерство в малых группах, склонностью к безличностному взаимодействию со своим окружением и принадлежностью к группе пренебрегаемых (большое количество отрицаемых выборов и небольшое количество положительных) с позиций социометрии. «Тварь я дрожащая или права имею» – вот вечная дилемма этих лиц, людей с немалым, но неудачно развитым психическим потенциалом. Сказанное отмечено в отечественной психологической литературе на уровне вывода о том, что причины массовых убийств – это феномен психического заражения образом брутального сверстника [7, с. 442-446].

Субъектами совершения рассматриваемых убийств, обычно являются фрустрированные юноши в возрасте 15-25 лет. В качестве примера рассматриваемого типа преступников можно привести Э. Харриса и Д. Клиболда, устроивших бойню в 1999 г. в школе «Колумбайн» штата Колорадо (США). Данный эксцесс получил столь широкий резонанс, что случай в Колумбайне стал нарицательным.

Планирующего убийцу можно охарактеризовать как выраженно фрустрированную личность. Субъект испытывает гнев, обвиняя конкретных лиц и/или конкретные группы окружающих в лишениях, которые он вынужден был претерпеть в прошлом и полагает, что будет претерпевать в будущем.

В сознании планирующего убийцы в качестве потенциальных жертв всегда четко обозначена конкретная группа лиц. Образ потенциальной жертвы также может быть сведен к характеристикам возраста, социального статуса, роли в конкретной малой группе. Мессианство (адресное) исповедуемых идей, переоценка ценности своей личности обуславливает, то, что при угрозе захвата полицией преступник редко решается на самоубийство. Это же обстоятельство предопределяет действие преступника в основном в одиночку.

Агрессивная модель поведения рассматриваемых преступников базируется на установках о нецелесообразности пассивного поведения в мире, в котором существует большое количество «неполноценных» личностей. Данной разновидности массовых преступников близок тип мессианства, в основе имеющий адресную идею мести (адресное мессианство, в отличие от идейного мессианства), как формы открытого противостояния с ценностями общества. Четкое осознание сказанного сценарно также имеет три варианта – социализацию в малых группах со схожими ценностями, проецирование личностной агрессивности в быту и на работе, и вариант

планируемого убийства. Несмотря на то, что последний вариант статистически редок, однако, как видно, он только лишь один из вариантов распространенного аддиктивного поведения лиц с заниженной самооценкой. Планируемое массовое убийство – это естественный вариант поведения для современных реалий, в которых психиатрическая помощь населению системно не оказывается.

Агрессивность, которую можно назвать личностной (по аналогии с личностной тревожностью) это содержательная основа планируемого массового убийства.

Планируемое массовое убийство – это естественное следствие атомизации личности, вечной проблемы «маленького человека», которая в свою очередь является естественным следствием индивидуалистской культуры, в которой, как известно, прямо или косвенно пропагандируется социал-дарвинизм. Также, как и в случае со стихийными массовыми убийцами неясно, как возможно противодействовать стихийным массовым убийствам, учитывая, что индивидуалистская культура – это основа современного индустриального государства рыночного типа.

В чём значение предлагаемого деления классических массовых убийц на стихийных и планирующих? Прежде всего в том, что оно позволяет легко и четко развести принципиально разных массовых преступников. В сознании современного человека, в том числе и профессионала в области расследования преступлений образ массового убийцы связан с психологическим/физическим преследованием. Однако как видно из описания обоих типов жертвой в классическом понимании, то есть жертвой конкретных обстоятельств (в частности буллинга) являются только стихийные массовые убийцы.

На уровне предположения исходя из описания планирующих и стихийных массовых убийц целесообразно предположить, что стихийный массовый убийца может вполне быть объектом тонких манипуляций, в том числе и в сетевой среде, в силу ситуационной депрессивности и личностной конформности. Планирующий же убийца в силу условной целостности своей личности менее подвержен манипуляциям «тонкого» порядка и может быть ориентирован на создание криминальной ситуации разве что при нахождении внешнего оператора в достаточной близости от него.

Принципиальным отличием планирующих и стихийных массовых убийц является наличие выраженного этапа подготовки к совершению массового убийства. Все имеющиеся в открытом доступе источники информации

однозначно указывают на то, что в событии, инкриминируемом И.Р. Галявиеву, им крайне детально реализована стадия подготовки к совершению преступления, что с очень высокой степенью вероятности определяет его как планирующего массового убийцу.

Анализ криминальной деятельности зарубежных (в основном) и отечественных (в меньшей части) массовых убийц демонстрирует выраженную типовую модель их криминальной деятельности. Эта типовая модель массового преступника структурно состоит из базовой (личностной) и поисковой (поведенческой) моделей. Отдельно отметим, что в литературе отмечается наличие лакун в исследованиях стихийных преступников-женщин ввиду крайне невысокой частоты встречаемости данной категории преступников в практике расследования [14, с. 19].

Естественно, в каждом конкретном случае наблюдалось отклонение *Modus vivendi* и *Modus operandi* от типовой модели массового убийцы, однако в подавляющем большинстве случаев оно находилось на уровне, не превышающем 25-30%. Установлено, что, если в событии массового убийства принимало участие более одного человека, типовая модель массового убийства во всех случаях была характерна только для лидера криминальной группы и малохарактерна для остальных членов группы.

Признаки планирующего массового убийцы в её базовой модели достаточно устойчивы и включают в себя следующее:

1. В период, предшествующий массовому убийству, непосредственного конкретного конфликта между убийцей и его жертвами нет.

2. Не обнаруживается временное расстройство психики как при патологическом аффекте. Лицо, совершая преступление, только временно не отдаёт отчет своим действиям.

3. Серия убийств совершается в течение ограниченного периода времени.

4. Депрессивное постаффективное состояние выражено и в целом характеризуется усталостью, страхом, продолжительным по времени и часто ведущим к раскаянию в содеянном [6, с. 209-210].

Признаки планирующего массового убийцы в её поисковой модели также достаточно устойчивы и включают в себя следующее:

1. Субъект – озлобленный и фрустрированный юноша в возрасте 15-25 лет.

2. Лицо имеет напряжённые отношения в коллективе, доходящие до преследования и травли.

3. Субъект, чья жизнь пострадала от человеческого фактора (выраженно фрустрированную личность).

4. Субъект испытывает гнев, обвиняя конкретных лиц и конкретные группы окружающих.

5. Одевается в обыденную одежду, неосознанно мотивируя в себе идею естественности воздаяния за совершенные в его адрес несправедливости и притеснения.

6. Фантазии о совершении преступления появляются в подростковом возрасте.

7. Наиболее часто используют именно огнестрельное оружие.

8. Преступники рассматриваемого типа используют хранящееся дома оружие, которое принадлежит их родителям.

9. Убийца действует в одиночку.

10. Заранее (как правило, накануне вечером) приготавливаются орудия преступления.

11. Введение себя в искусственное аффективное состояние не встречается.

12. Обычно к месту совершения убийства перемещается пешком.

13. Всегда имеет конкретную группу лиц в качестве жертв или, как минимум, специфичный профиль предпочитаемой жертвы, как правило, включающий лиц определенного возраста, социального статуса, принадлежащих к конкретной малой группе.

14. Преступник, как правило, ранее с жертвами контактировал и имел конфликтные ситуации.

15. Убийца в дальнейшем не манипулирует мертвым телом жертвы.

16. Не предпринимает попыток скрыться с места преступления.

17. Случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются очень редко.

18. Впоследствии преступник сильно переживает совершенное искренне раскаиваясь [2, с. 45-46].

В настоящем исследовании было проведено психолого-криминалистическое исследование массового убийства, в совершении которого на момент подготовки настоящего материала обвиняется Галявиев И.Р. Вся информация получена только из СМИ посредством техники OSINT (англ. Open source intelligence – техника получения достоверной закрытой информации посредством поиска, систематизации и анализа общедоступных источников).

К сожалению, в распоряжении авторов не было достаточного объема видеоисточников, на которых было бы зафиксировано коммуникативное поведение исследуемого, что позволило бы значительно усилить исследовательский

инструментарий. Напомним, что при профайлинге неустановленного лица с криминальными склонностями, коммуникативное поведение которого зафиксировано посредством телекоммуникационного оборудования, весьма эффективным является его исследование посредством специальных аппаратно-программных комплексов, уже используемых в оперативных расследованиях и судебной экспертизе [4, с. 66-69].

Ранее нами были подвергнуты детальному анализу как сами элементы Modus vivendi и Modus operandi Галявиева И.Р. в инкриминируемом ему событии, так и соответствие совокупности установленных элементов Modus vivendi и Modus operandi Галявиева И.Р. типовой модели планирующих убийц, как подгруппы классических массовых убийц. Результаты этого анализа показали, что Modus vivendi и Modus operandi Галявиева И.Р. мало соответствует типовому образу планирующего массового убийцы, так было выявлено:

– соответствие базовым признакам в 4 элементах Modus vivendi и Modus operandi;

– несоответствие базовым признакам в 7 элементах Modus vivendi и Modus operandi;

– соответствие поисковым признакам в 4 элементах Modus vivendi и Modus operandi;

– несоответствие поисковым признакам в 18 элементах Modus vivendi и Modus operandi [6, с. 212].

Поведение Галявиева, даже если все сомнения трактовать в пользу свидетельств его принадлежности к массовым убийцам, соответствует типовой модели массового планирующего убийцы исходя из базовых свойств (100/11*4) на 36,36%, исходя из поисковых (второстепенных) свойств (100/22*4) на 18,18%.

Таким образом несмотря на то, что основные элементы агрессивной модели поведения Галявиева И.Р. соответствуют типовой модели планирующего массового убийцы, однако на уровне деталей в описываемый период соответствие его модели поведения типовой модели планирующего массового убийцы во время СОВЕРШЕНИЯ эксцесса не наблюдается.

Естественно, нельзя предполагать, что любой преступник должен соответствовать типовой модели полностью. Однако если образ преступника избыточно сильно отличается от типового, то как минимум следует предположить о возможной ошибочности следственных версий (о личности преступника, о наличии пособников, о существовании каких-то дополнительных обстоятельствах принципиально значимых для расследования) или о наличии у преступника выраженного психического отклонения.

Объективности ради целесообразно проанализировать соответствие поведения, исследуемого модели поведения своего психологического типа целиком, или на уровне его базового личностного свойства [1, с. 42-55]. Анализ поведения исследуемого показал, что Галявиев И.Р. принадлежит к так называемому истероидному (демонстративному) акцентуированному типу.

Типовая характеристика истероидного акцентуированного типа.

Особенности характера. Эгоцентризм – стремление быть в центре внимания; тяга к эпатажу; эгоизм; сосредоточенность мыслей на себе; завышенная самооценка; стремление «напрашиваться на комплимент»; энергичность; быстрое угасание после всплеска энергии; развитие чувственного начала в ущерб волевому; неустойчивость настроения; обидчивость; ранимость; преувеличенные требования благодарности ближнего; вера в свою исключительность [9, с. 207-224].

Истероидность исследуемого установлена из совокупности следующих факторов:

– Выраженная демонстративность поведения (маска с надписью «БОГ», и идентичное название канала в Telegram).

– На имеющихся групповых фотографиях он занимает демонстративное положение в центре фотографии или принимает позу критичного отношения к окружающему миру.

– Нежелание делить славу (отказ от упоминаний событий в Колумбайн 20.04.1999 г).

– Выраженная склонность к доносительству (в сети жаловался на персонал магазинов, затруднивший ему приобретение элементов для взрывчатого вещества).

– Выраженная осторожность в процессе совершения преступления (покидание помещения при опустошении магазина и перезарядка в коридоре).

– Склонность к импровизациям и актёрству (во время рассматриваемых событий на втором этаже пробовал, представившись полицейским, обманом проникнуть в запертые классы).

– Классическая истероидная псевдопопытка покончить жизнь самоубийством заведомо негодным способом, которая была прервана окружающими (конвоирами).

Приведенные материалы показывают, что истероидная акцентуация исследуемого фактически находит очень слабое подтверждение в его поведении во время совершения преступления,

но четко выражена в поведении до и после преступного события.

Проведенное нами ранее исследование модели агрессивного поведения Галявиева И.Р. позволило охарактеризовать его участие в инкриминируемом событии следующим образом:

1. Значительное количество данных указывает на предварительную тщательную подготовку и рациональную схему совершения преступления. Отсюда, с большей вероятностью преступник принадлежит к группе планирующих массовых убийц.

2. Несмотря на то, что типовая модель поведения Галявиева И.Р. ближе к модели планирующего массового убийцы, избыточное количество элементов его преступного поведения выходит за пределы этой модели.

3. Истероидная акцентуация исследуемого фактически находит очень слабое подтверждение в его поведении во время совершения преступления, но четко выражена в поведении до и после преступного события.

4. Выраженные противоречия между психологическим типом исследуемого Галявиева И.Р. и особенностями его преступного поведения косвенно указывают на наличие в деле невыявленного оператора [6, с. 212-213].

Анализ деятельности Галявиева И.Р. на фоне остальных массовых убийц показал, что возможна формализация выводов, актуальных для следствия на первоначальном этапе расследования. С учётом вышесказанного мы полагаем, что исследование конкретного случая массового убийства должно завершиться формулировкой следующих выводов:

1. Характерны ли для исследуемого признаки свойственные массовому преступнику и если характерны, то для какого типа они свойственны?

2. Насколько поведение исследуемого в инкриминируемом ему событии соответствует типовому поведению массового убийцы?

3. Как отразились индивидуально-психологические особенности исследуемого в стадиях подготовки и совершения преступления, а также в стадии постпреступного поведения?

4. Действовал ли исследуемый в одиночку или в группе?

Ответ на четыре перечисленных вопроса представляет обладающую криминалистической ценностью для расследования информацию, выступая реализацией современного потенциала наук о человеке.

Список литературы:

1. Ахмедшин, Р.Л. Базовое свойство личности преступника в структуре его криминалистической характеристики (на примере серийных преступников) / Р.Л. Ахмедшин // Вестник Томского гос. ун-та: бюллетень оперативной научной информации. – 2006. – № 56. – С. 42-55.
2. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическое профилирование: учебник для вузов / Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 514 с.
3. Ахмедшина, Н.В. Криминологическая виктимология / Н.В. Ахмедшина. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2011. – 202 с.
4. Гусев, А.Н. Компьютерные технологии оценки голоса и лицевых экспрессий в анализе аудио- и видеоматериалов / А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев, Н.А. Захарова // Актуальные вопросы и перспективы развития судебно-психологической экспертизы и комплексной экспертизы с участием психолога: Материалы Международной научно-практической конференции. Посвящается 10-летию кафедры медицинской психологии ЕГМУ и преддверию 100-летия ЕГМУ им. М. Гераци, Ереван, 20-21 сентября 2018 года / Ереванский государственный медицинский университет им. М. Гераци, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского. – Ереван: Армянский журнал психического здоровья, 2018. – С. 66-69.
5. Давыдов, Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов // Национальный психологический журнал. – 2018. – №4 (32). – С. 62-76.
6. Енгальчев, В.Ф. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галаявиева И.Р. / В.Ф. Енгальчев, Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 475. – С. 206-214.
7. Карпов, В.О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах / В.О. Карпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – №4(34). – С. 442-446.
8. Пастыка, Е.А. Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях / Е.А. Пастыка, М.Е. Питанова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – №3(31). – С. 21-25.
9. Юань, В.Л. Выявление истероидной акцентуации у обвиняемого с помощью анализа его речи, поведения и биографии / В.Л. Юань, Т.А. Алексеева, Р.Л. Ахмедшин // Правосудие. – 2020. – №1. – С. 207-224.
10. Burgess, A.G. Homicide / A.G. Burgess // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J. E. Douglas [et al.]. – San Francisco: Jossey-Bass, 2006. – P. 93-260.
11. Burgess, A.W. Mass, spree and serial homicide / A.W. Burgess // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J.E. Douglas [et al.]. – San Francisco: Jossey-Bass, 2006. – P. 437-470.
12. Geberth, V.J. Practical homicide investigation: tactics, procedures, and forensic techniques / V.J. Geberth. – 4th ed. – Boca Raton: CRC Press, 2006. – 999 p.
13. Prins, H. Offenders, deviants or patients? / H. Prins. – New York: Herschel Prins, 1995. – 332 p.
14. Schurman-Kauflin, D.S. The new predator: women who kill: profiles of female serial killers / D.S. Schurman-Kauflin. – New York: Algora Publishing, 2000. – 240 p.
15. Turvey, B.E. Criminal profiling: an introduction to behavioral evidence analysis / B.E. Turvey. – London: Academic Press, 1999. – 462 p.

R.L. Akhmedshin, N.V. Akhmedshina, V.F. Engalychev
DEVELOPMENT AND ANALYSIS
OF I.R. GALYAVIEV'S MODEL OF AGGRESSIVE BEHAVIOUR

Abstract: The purpose of the article is to construct, on the basis of the analysis of I.R. Galyaviev's behaviour, the research model adapted for the decision of problems at an initial stage of mass murder investigations. The main method of research is the method of an expert assessment. The information has been gathered from mass media via OSINT technique (Open-source intelligence techniques – the technique of obtaining reliable classified information by search, systematization and analysis of publicly available sources). As a result of comparative analysis of I.R. Galyaviev's behavior model and models of classical mass murderers, he was defined as a planning mass murderer. At the same time, his behaviour differed significantly

from the classical one. The results of conducted research included more exact behavioral models of various types of mass murderers, the analysis of nature of mass murderers' criminal behaviour and assumptions about typical models of interaction of the latter with other participants of the mass crime event. The final conclusion was the statement that the study of a mass murderer's personality at an initial stage of the investigation should be reduced, at a minimum, to determining its possible affiliation to one of the types of mass murderer as well as identifying differences between the classical type and the psychological characteristics of the personality and behaviour of the real killer. The search of probable accomplices and especially a hypothetical operator – motivator and organizer of a mass crime event is also important.

Key words: mass murder; profiling; psychological profile; aggression; school shooting; I.R. Galyaviev.

References:

1. Akhmedshin R.L. Bazovoye svoystvo lichnosti prestupnika v strukture ego kriminalisticheskoi kharakteristiki (na primere seriinykh prestupnikov) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta: byulleten operativnoi nauchnoi informatsii. 2006. № 56. P. 42-55
2. Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Kriminalisticheskoye profilirovaniye: uchebnik dlya vuzov. M.: PH Yurait, 2020. 514 p.
3. Akhmedshina N.V. Kriminologicheskaya viktimologiya. Tomsk: PH Tomsk. gos. un-t sistem upr. i radioelektroniki, 2011. 202 p.
4. Gusev A.N., Engalychev V.F., Zakharova N.A. Kompyuternye tekhnologii otsenki golosa i litsevykh ekspresy v protsesse analiza audio- i videomaterialov // Armyansky zhurnal psikhicheskogo zdorovya: Aktualnye voprosy sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy. 2018. № 1. 2018 (9). P. 66-69.
5. Davydov D.G., Khlomov K.D. Massovye ubiistva v obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // Natsionalny psikhologicheskyy zhurnal. № 4 (32). 2018. P. 62-76.
6. Engalychev V.F., Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Psikhologo-kriminalisticheskyy analiz sluchaya massovogo ubiistva: psikhologicheskyy profil Galyavieva I.R. // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2022. № 475. P. 206-214.
7. Karpov V.O. Kult kolumbaina: osnovnye determinanty massovykh ubiistv v shkolakh // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii № 4 (34), 2018. P. 442-446.
8. Pastyka E.A., Pitanova M.E. Problema vooruzhennykh napadeny podrostkov v obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta № 3 (31), 2020. P. 21-25.
9. Yuan V.L., Alekseeva T.A., Akhmedshin R.L. Vyavleniye isteroidnoi aktsentuatsii u obvinyayemogo s pomoshchyu analiza ego rechi, povedeniya i biografii // Pravosudiye. 2020. №1. P. 207-224.
10. Burgess, A.G. Homicide / A.G. Burgess // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J.E. Douglas [et al.]. San Francisco: Jossey-Bass, 2006. P. 93-260.
11. Burgess, A.W. Mass, spree and serial homicide / A.W. Burgess // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J.E. Douglas [et al.]. San Francisco: Jossey-Bass, 2006. P. 437-470.
12. Geberth, V.J. Practical homicide investigation: tactics, procedures, and forensic techniques / V.J. Geberth. 4th ed. Boca Raton: CRC Press, 2006. 999 p.
13. Prins H. Offenders, deviants or patients? / H. Prins. New York: Herschel Prins, 1995. 332 p.
14. Schurman-Kauflin, D.S. The new predator: women who kill: profiles of female serial killers / D.S. Schurman-Kauflin. New York: Algora Publishing, 2000. 240 p.
15. Turvey B.E. Criminal profiling: an introduction to behavioral evidence analysis / B.E. Turvey. London: Academic Press, 1999. 462 p.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022

А.Ю. Кузнецов, А.В. Кравченко

МЕТОДИКА РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СКУЛШУТЕРОВ

Аннотация: В статье идет поиск современных методик психодиагностики такого явления как «скулшутер». Описываются модифицированный метод академика И.В. Смирнова реализованный его учениками в аппаратно-программном комплексе, а также программное обеспечение, предназначенное для раннего выявления мотивов девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних. Приводятся результаты научно-исследовательской работы по применению метода нелокального голографического резонанса на выборке юношей и девушек 17-19 лет. Полученные результаты позволили предложить алгоритм для решения актуальной проблемы раннего выявления мотивов «скулшутер» у подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение; психодиагностика; подросток; скулшутер; метод нелокального голографического резонанса.

Выявление причин и раннего предупреждения девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних – основа обеспечения стабильного функционирования всего нашего общества в целом.

Дети и подростки – это социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, адаптации и интеграции в мир взрослых. В кризисных условиях именно они больше всего подвержена крушению идеалов, обострению нигилизма, апатии, так как система ценностей подвижна, мировоззрение не устоялось, что приводит к потере нравственного и духовного здоровья части представителей детской и подростковой среды.

Центром внимания государства в современной молодёжной политике находится в первую очередь подрастающее поколение как стратегический ресурс, главный носитель будущего, основной источник инноваций, важнейший фактор перемен. Но именно сегодня, к детям и подросткам надо относиться как к понятию не только демографическому, но рассматривать его также в сочетании с экономическими, социальными и политическими условиями развивающегося общества. Такой подход к подрастающему поколению, оценке его роли и значения для настоящего и будущего страны, способен выработать особую государственную политику, работающую на управление процессами в многообразной среде подрастающего поколения, принятие адекватных решений на опережение негативных социальных событий, профилактику асоциальных явлений.

Для этого предназначена, созданная и реализованная нами на практике целевая программа: «Скрининговые исследования нравственно-психологического состояния молодёжи», которая способна эффективно решать задачи предотвращения агрессивного поведения

молодёжи, раннего выявления и коррекции «колумбайна», выявления и предотвращения скулшутинга, моббинга, буллинга и других форм психологического и физического насилия в образовательных учреждениях методами скрытого воздействия. Основная задача коррекции массового и индивидуального сознания несовершеннолетних – снижение психоэмоционального напряжения как личного, так и коллективного. А так же обеспечения информационной и психологической безопасности подростков. Совместно с Психологическим институтом Российской академии образования и Главным управлением МВД России по контролю за оборотом наркотиков была реализована «Методика выявления патологических зависимостей на ранних стадиях».

Подавляющее большинство специалистов, занятых в сфере молодёжной политики в своей практической деятельности сталкиваются с нарушениями психометрических показателей – достоверностью, полнотой информации и конкретностью результатов.

Результаты анализа трудозатрат на проведение классической психодиагностической процедуры и алгоритма специальных психофизиологических проверок показывают, что для их качественного и пунктуального выполнения требуется продолжительный временной интервал, высокое финансовое и материально-техническое обеспечение, а так же жесткие требования к квалификации специалиста. При этом результаты проверок находятся в прямой зависимости от опыта и субъективных качеств специалиста, а не от личностных качеств тестируемого. Основным недостатком психофизиологического исследования с применением полиграфа является то, что из-за длительности, высокой стоимости, а также невозможности дистантного

проведения, оно не доступно для проведения скрининговых исследований в связи с трудоёмкостью.

Исходя из реальной практики работы, производительность одного эксперта-полиграфолога составляет 4-5 человек в неделю, что включает подготовку к ПФИ, предварительную подготовку, тестирование 3-4 часа, написание отчёта.

Специалисты-психологи при выявлении личностных и психологических качеств и прогнозировании благонадежности используют в основном методики зарубежных психологов, совсем забывая о том, что они недостаточно эффективны в наше время, тем более в период удаленной работы по Internet. Кроме всего прочего, эти тесты были разработаны ещё в прошлом веке. Специалисты-психологи даже не думают о том, что тогда были совсем другие люди, у них даже речь была другая, не говоря об их мотивации. В этой связи мы сделали вывод, что нынешние, а по сути прошлого века методы не могут обеспечить объективного отражения показателей надёжности личности и дать достоверный результат [3, с. 286-291].

Все эти проблемы имеют отношение к психологической и физической безопасности подрастающего поколения. Решить эти проблемы могут только специалисты, имеющие на вооружении инновационные диагностические методики.

Одной из таких инновационных методик является аппаратно-программный комплекс «PsyScanner» (далее – АПК PsyScanner), который даёт возможность на сублимальном уровне диагностировать показатели надёжности и предсказуемость поведения человека, выявлять скрытую или сознательно скрываемую информацию, являющуюся истинной мотивацией его поступков и намерений [2, с. 292-296].

В большинстве общеобразовательных организаций на собеседование с ребёнком отводится не более 10-15 мин. конечно же, за это время получить достоверную информацию о скрытых и сознательно скрываемых намерениях невозможно.

Эффективное решение этой задачи возможно с использованием PsyScanner, который может тестировать одновременно до 700 человек. Нашими специалистами было протестировано более 4000 детей и подростков, при этом было выявлено, что заказчиков интересуют такие вопросы, на которые не могут дать ответ с высокой степенью достоверности нынешние специалисты психологи, проводящие исследования причин и методик раннего предупреждения

девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних. К таким вопросам относятся:

– лояльность к своим сверстникам, к родителям, к учителям, к отдаваемым ими указаниям и т.п. В современной психологии нет средств выявления степени лояльности к этой категории людей, и уж тем более нет средств мониторинга, т.е. определения лояльности к конкретным действиям сверстников, учителей, родителей и тем более мониторинга противодействия их действиям;

– контроль за соблюдением ограничений, правил внутреннего распорядка в учебном заведении и за его пределами, этот вопрос отрабатывается с привлечением достаточного количества специально подготовленных психологов и требует много времени. Опять же специалисты психологи забывают, что при проведении подобных опросов большая вероятность предвзятого мнения или попросту желания сделать гадость или оболгать.

Следует учитывать, что каждый подросток так или иначе должен рассматриваться и как источник риска, источник потенциальной угрозы.

Современные методы психологического контроля не в состоянии обеспечить качественный постоянный мониторинг состояния подростков и молодёжи. Поэтому возникают конфликты, при возникновении определенных условий – насилие над сверстниками, расстрелы в школах и т.п. В условиях удаленной пандемии и различных ограничений к этому добавляется депрессия из-за непривычного нахождения дома, когда нет смены обстановки, непривычные условия работы. Стоит отметить, что у учителей также возникает агрессия из-за того, что не видят своих подопечных и считают, что те бездельничают, поэтому придираются и перегружают заданиями. Это не праздные слова, дети и подростки не могут адаптироваться в этой обстановке, поэтому приходится работать даже с достаточно сильными людьми, которые впадают в депрессию, страдают паническими атаками, которые могут привести к суициду.

Созданный нами АПК PsyScanner позволяет решить задачи анализа надёжности подрастающего поколения, прогноза его поведения, что подтверждают результаты успешной верификации в Психологическом институте Российской академии образования, Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, Главном управлении МВД России по контролю за оборотом наркотиков и других организациях.

АПК PsyScanner показал себя как психодиагностическая система современного этапа научной мысли, позволяющая решать задачи

на сублимированном уровне сложности, причём сложность решаемых задач связана оценкой показателей как профессиональной, так и личностной надёжности личности, определения различных мотивов в условиях явного сокрытия их [5]. Работа аппаратно-программного комплекса PsyScanner основана на принципах механизма нелокального голографического резонанса. Принцип нелокального голографического резонанса заключается в том, что в процессе тестирования образы, заложенные в психике человека, синхронизируются (резонируют) с образами, заложенными в компьютерную программу, т.е. точечные информационные микровоздействия на объект исследования вызывают явление нелокального голографического резонанса и могут быть зафиксированы с помощью специальной аппаратуры [2, с. 286-291].

Основными конкурентными преимуществами АПК PsyScanner являются:

- высокая достоверность – не менее 85%, валидность, подтверждена многолетними исследованиями совместно с Психологическим институтом Российской академии образования, Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя;
- одновременно может тестироваться большое число исследуемых;
- удаленный режим проведения психодиагностической процедуры через Интернет;
- большое количество вопросов (2000-2500 шт.) за малое количество времени (15-20 минут);
- за 20-30 минут тестируется 15-20 тем (полиграф 2-3 темы за 2 часа);
- для проведения исследования нет необходимости в специально подготовленном помещении и в наличии специалистов – психологов;
- для каждого тестирования составляется индивидуальная программа в соответствии с требованиями Заказчика;
- нет необходимости в интерпретации результатов тестирования, протокол тестирования отображается в виде текста или в виде столбчатой или круговой диаграммы для проведения наглядного сравнения личных данных;
- исключена фальсификация результатов;
- тестируемый не догадывается о содержании исследования;
- исключена возможность подготовиться и скорректировать свои ответы;
- не требуется подключение специальных датчиков;
- возможно тестирование людей, не знающих русского языка;

– результат тестирования объективен и доступен только Заказчику.

Предъявляемые около полутора тысяч слов-стимулов в короткое относительно процедур специальных психофизических исследований время (10-15 минут) позволяют исследовать около десятка тем, узнать истинное к ним отношение человека. Темы выбирает сам заказчик или инициатор оценки.

АПК PsyScanner позволяет выявлять скрытые и скрываемые намерения подростков, их истинное отношение к конкретным событиям и персонам, и тем самым проводить качественный мониторинг психологического состояния, определять степени агрессии и предсказуемости поведения, выявлять скрытые негативные наклонности, определение надёжности и предсказуемости

Тестирование на АПК PsyScanner позволяет с минимальными временными затратами получать необходимую информацию:

- степень лояльности к сверстникам, преподавателям, родителям;
- наличие фактов подготовки к агрессивным противоправным действиям;
- наличие или отсутствие нездоровых связей с криминалом;
- патологию мотивационной сферы подростка (алкоголизация, наркомания, игровая зависимость, стремление к мести, склонность к неоправданному риску и т.п.);
- наличие личностных проблем (скрытая неприязнь к сверстникам, преподавателям, семейные проблемы и т.п.);
- намерения, связанные с криминальными мотивами поведения подростка.

Наша научная группа достаточно полно осветила этот принцип в своих нескольких десятках опубликованных научных статей в изданиях ВАК и Scopus, а также в книгах «PsyScanner – теория и практика нелокального голографического резонанса», «PsyScanner – инновационный инструмент нелокального голографического резонанса. Результаты практического использования, как базы для специального психологического исследования при изучении низших слоев психики», «Метаморфозы или рецепты жизненного успеха. Психотехнологии успеха», изданных в Германии на 6 языках» и пользующихся большим успехом за рубежом.

Теоретические принципы работы PsyScanner основаны на принципах квантовой физики, квантовой запутанности и голографичности.

PsyScanner разработан, создан и прошел практическую апробацию в течении 12 лет, при этом имеет положительные результаты

и отзывы. Мы назвали этот метод психодиагностики и психокоррекции – «системой голографического резонанса», а сам прибор получил название PsyScanner [2, с. 286-291].

В основу его работы АПК положены теоретические постулаты квантовой физики, в частности, – голографичности, которая отражается К.Г. Юнгом как синхроничность [5].

Дополнив точечные информационные микровоздействия на объект исследования, мы достигли нелокального голографического резонанса, который и фиксирует АПК. Фиксация проходила при определении скорости реакции на подпороговые образы [4].

Философско-психологическим пониманием работы разрабатываемого аппаратно-программного комплекса стали философские взгляды лауреата Нобелевской премии, знаменитого квантового физика, Дэвида Бома, В.В. Налимова и постулаты психологической концепции Б.Ф. Ломова об антиципации [5].

АПК позволяет организовать и провести процедуру диагностики мотивов поведения испытуемых без участия сознания самого испытуемого. Алгоритм работы АПК и замаскированные стимулы на 3-4 минуте возбуждают подсознательные центры воздействуя на зрительные и кинестетические анализаторы (глаза и кисть). Уведя сознание в подсознательную область, АПК начинает цикличную работу стимулирования подсознания до получения со стороны испытуемого реакцию ответа. Всё это позволяет снять груз социально желаемых ответов и раскрыть с высокой вероятностью истинность мотивов поведения испытуемого. И всё это – в течение нескольких минут работы один на один с компьютером вне присутствия специалиста.

Все программно-аппаратные комплексы прошли многолетнюю (более десяти лет) апробацию и верификацию в подборе и подготовке сотрудников различных структур, выявлении деловых и негативных личностных качеств персонала, подготовке спортсменов высшей квалификации, включая Олимпийских чемпионов и чемпионов Мира. Основными достоинствами этих средств, созданных на основе нелокального голографического резонанса, является высокая достоверность, простота в использовании, простота интерпретации результатов и очень

большое количество вопросов в короткий промежуток времени.

В отличие от спонтанного, непредсказуемого процесса синхронизации, для достижения поставленных целей, мы используем управляемый процесс синхронизации с тем семантическим пространством, которое соответствует конечному результату той цели, которая поставлена перед нами.

Основными преимуществами диагностики на PsyScanner является высокая достоверность и оперативность, само исследование занимает 15-20 минут, проводится посредством сети Интернет, обеспечивается полная анонимность, подробный отчет о результатах проведенного исследования приходит в течение нескольких секунд на указанный адрес электронной почты.

Алгоритм работы, применяемый при исследовании, следующий (рис. 1):

– заранее заготавливаются слова или фразы и выводятся на монитор со скоростью, не воспринимаемой человеческим глазом, так как мгновенно закрываются маскером. Именно маскером, а не маркером, то есть маскируются. Маскер «ожидает» нажатие на кнопку компьютерной мышки испытуемым;

– тестируемый нажимает на кнопку компьютерной мышки, и программа в этот момент регистрирует время реакции;

– испытуемый на подсознательном уровне отвечает на дальнейшие вопросы прикрытые маскером, но сознание не отражает объективную словесную информацию.

Именно маскирование осознаваемых стимулов и позволяет исключить предварительную подготовку и фальсификацию ответов.

Маскирование стимулов позволяет создать эффект игры, победа в короткой зависит от его ловкости и внимательности, тем самым уводя испытуемого от понимания происходящего.

Статистическая обработка получаемых реакций на замаскированные стимулы преобразовывает цифры в буквенно-понимаемую интерпретацию в виде отчета. Который формируется в течение 5-10 минут и представляется на рабочий стол исследователя, что исключает появление артефактов и повышает валидность самой процедуры исследования.

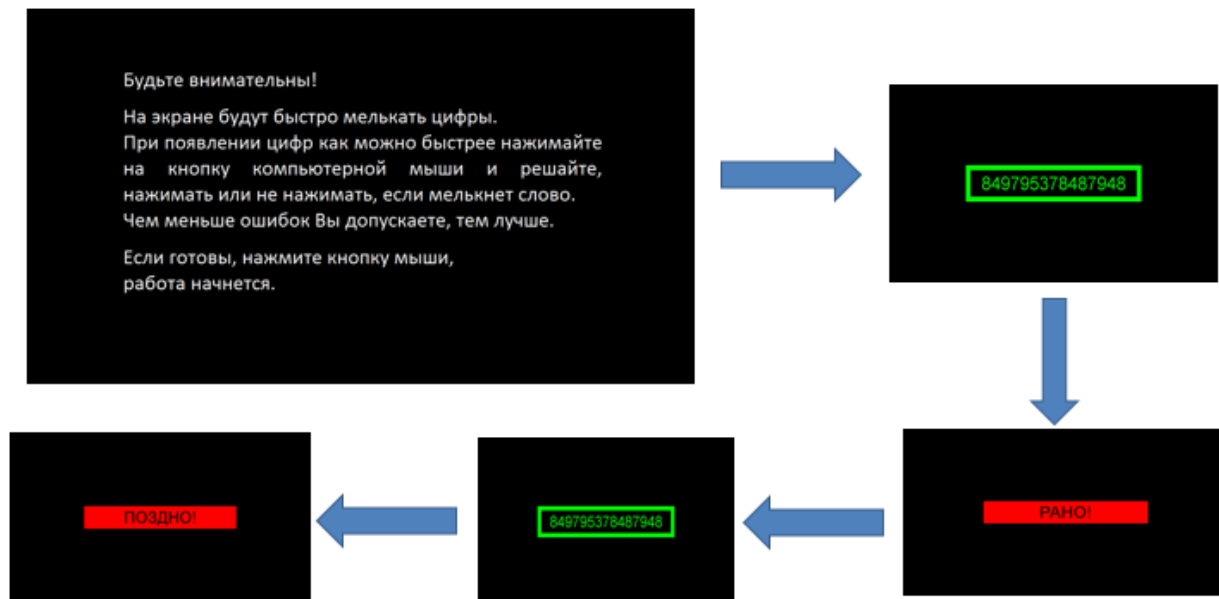

Рисунок 1 – Алгоритм работы испытуемого с АПК PsyScanner

Риски подросткового возраста увеличивают потенциал общественной опасности и заставляют повышать контроль государственных и общественных институтов воспитания и образования молодого поколения. Этот контроль может быть назойливо-административным, что претит подростковому развитию и повышает агрессию. А может быть выражен в виде игры, что приводит к стратегии сотрудничества общества и подростка. Поэтому форма общения подростка с компьютером в виде игры наиболее характерна для сегодняшних обучающихся, именно она позволяет получить от подростка полную информацию о личностных и психологических качествах, тщательно скрываемую им во время классической процедуры психологического тестирования.

В 2019 – 2020 г. в Московском Университете МВД имени В.Я. Кикотя была проведена научно-исследовательская работа (далее-НИР) «Раннее выявление девиантных мотивов поведения у курсантов посредством психосемантического анализа». НИР успешно завершена, её результатом стало подготовленное научно-практическое пособие «Применение аппаратно-программного комплекса компьютерного психосемантического анализа для раннего выявления девиантных мотивов поведения». Результат НИР апробирован и внедрен в научную деятельность Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Результаты НИР позволили сформировать алгоритм раннего выявления мотивов девиантного поведения первокурсников на этапе адаптации к новому виду деятельности. Именно

на этапе адаптации и происходит генерирование мотивов «скулшутинга» у подростков. Так, первокурсники – это вчерашние школьники, выбирающие будущую профессию, но иногда полностью не осознающие все особенности служебно-боевой деятельности. Также и подростки, накапливая опыт в начальной школе, а иногда принося из неё отрицательный опыт, закрепляющийся в сознании ребёнка. Когда они переходят в среднюю школу, опыт начальных классов аккумулируется в сознании подростка и в период адаптации к средней школе оголяется, выражаясь в агрессии к сверстникам. При этом все высшие психические функции работают на форсаже, стараясь адаптировать сознание к изменившейся объективной реальности средней школы и опять идет аккумуляция опыта. Пройдя пубертатный период, подросток приобретает физическую зрелость, которая дает уверенность в заложившейся агрессии детства и отрочества. Сформировавшись обиды и спрятанные в глубину бессознательного потребности показать миру своё «Я», ищут в цепи деятельности мотивы и действия, которые приводят к криминальному поведению подростка. В это период мотивационного противоборства личности подростка и есть шанс их определения и превентивного воздействия.

Подводя итог, мы делаем вывод, что нашли один из вариантов ответа на актуальный вопрос современного общества о ранней психодиагностике агрессивности подростков, которые подвержены «скулшутингу» и потенциально могут повторить трагические случаи в учебных образовательных учреждениях нашей страны.

Список литературы:

1. Wolfgang Pauli, The Interpretation of Nature and the Psyche. Pantheon Books, 1955.
2. Лебедев, И.Б. Инновационные подходы к психодиагностике и психокоррекции личности на современном этапе / И.Б. Лебедев, А.Ю. Кузнецов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. – № 6-1. – С. 292-296. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.182.
3. Лебедев, И.Б. Методологические основы формирования программных диагностических комплексов / И.Б. Лебедев, А.Ю. Кузнецов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. – № 6-1. – С. 286-291. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.181.
4. Лебедев, И.Б. Психика как нелокальная реальность нашего мира / И.Б. Лебедев, А.Ю. Кузнецов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. – № 6-1. – С. 310-315. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.184.
5. Смирнов, И.В. Психотехнологии. Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне / И.В. Смирнов, Е.С. Безносюк, А.В. Журавлёв. – Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 416 с.
6. Юнг, К.Г. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип / К.Г. Юнг // Синхронистичность. – Москва: Рефл-бук, 1997. – ISBN 5-87983-027 – 6 серия. – ISBN 5-87983-057-8 («Рефл-бук»). – ISBN 966 -543 175-7 («Ваклер»).

A.Yu. Kuznetsov, A.V. Kravchenko

METHOD OF EARLY DETECTION OF SCHOOLSHOOTER'S SIGNS

Abstract: The article presents a search for modern methods of psychodiagnostics of such a phenomenon as a «school shooter». There is described the modified method of Academician I.V. Smirnov implemented by his students in a hardware-software complex, as well as software designed for early detection of motives for deviant and delinquent behavior of minors. The results of research work on the application of the method of non-local holographic resonance on a sample of boys and girls aged 17-19 are given. The results obtained made it possible to propose an algorithm for solving the urgent problem of early detection of «school shooter» motives in adolescents.

Key words: deviant behavior; psychodiagnostics; teenager; school shooter; non-local holographic resonance method.

References:

1. Wolfgang Pauli, The Interpretation of Nature and the Psyche. Pantheon Books, 1955.
2. Lebedev, I.B., Kuznetsov, A.Yu. (2019) Innovatsionnye podkhodi k psikhodiagnostike i psikhokorreksii lichnosti na sovremennom etape. Moscow: Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. 2019. – V. 8. – № 6-1. – P. 292-296. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.182.
3. Lebedev, I.B., Kuznetsov, A.Yu. (2019) Metodologicheskiye osnovy formirovaniya programnykh kompleksov. Moscow: Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. 2019. – V. 8. – № 6-1. – P. 286-291. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.181.
4. Lebedev, I.B., Kuznetsov, A.Yu. (2019) Psikhika kak nelokalnaya realnost nashego mira. Moscow: Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2019. – V. 8. – № 6-1. – P. 310-315. – DOI 10.34670/AR.2020.46.6.184.
5. Smirnov, I.V., Beznosyuk, E.S., Zhuravlev, A.V. (1995) Psikhotehnologii. Kompyutorny psikhosemantichesky analiz i psikhokorreksiya na neosoznovayemom urovne. Moscow: «Progress» - «Kultura», 416 p.
6. Jung, K.G.(1997). Sinkhronistichnost: akauzalny obyedinyayushchy prinzip. Moscow: Refl-buk, 1997. ISBN 5-87983-027-6 seriya ISBN 5 87983 057 8 («Refl buk») ISBN 966 -543 175-7 («Vakler»).

Статья поступила в редакцию 22.04.2022

В.В. Орлов

О КРИТЕРИЯХ ПРИЗНАНИЯ ВООРУЖЁННОГО НАПАДЕНИЯ НА УЧЕБНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ АКТОМ «СКУЛШУТИНГА»

Аннотация. Автором изучена роль традиционных средств массовой информации и сети Интернет в генезе и в формировании проблемы вооружённых нападений на учебные учреждения так же известной, как «скулшутинг». В исторической ретроспективе исследуются причины популярности субкультуры «колумбайн», как отдельной, порождённой средствами массовой информации, социальной проблемы, так и в контексте общепсихологического феномена героизации деструктивных личностей. Проводится анализ терминологического наполнения понятий «колумбайн», «скулшутинг», «вооружённые нападения на учебные учреждения» и рассмотрена роль средств массовой информации в проникновении их в специальную и научную литературу. Выявлены связи между смысловой девальвацией указанных терминов в СМИ и формировании под их влиянием искажений статистики по данному виду преступлений. На обсуждение выносятся авторская разработка – шкала критериев для признания криминального события в учебном учреждении актом «скулшутинга» с апробацией её на примерах, считающихся в настоящий момент классическими в области вооружённых нападений на учебные заведения.

Ключевые слова: колумбайн; скулшутинг; массовые расстрелы в учебных заведениях.

Введение. Вооружённые нападения на учебные учреждения, известные так же, как «скулшутинг», получили широкую известность в первой половине XXI века. Из того, что до настоящего времени не разработано мер эффективного противодействия данному явлению, следует, что природа его остаётся невыясненной. Не принёс желаемого результата психологический подход к изучению феномена. Оказались несостоятельны попытки увязать действия исполнителей актов «скулшутинга» (так называемых «школьных стрелков») с приверженностью экстремистским идеологиям, психическим нездоровьем, увлечением компьютерными играми и тому подобное.

В частности, изначально была гиперболизирована роль сети Интернет в появлении и распространении феномена «скулшутинга» и возникновении деструктивной субкультуры «колумбайн». При этом опускалось, что первый случай «скулшутинга» в США относится к 1764 году, второй – к 1840-му.

Таким образом, считать «скулшутинг» порождением «компьютерного века» вряд ли возможно. Другой вопрос, что если между первым и вторым актами «скулшутинга» в США прошло 76 лет, то второй после расстрела в школе «Колумбайн» эксцесс случился уже через неделю, а следующий за ним – через месяц. То есть, роль средств массовой информации и сети Интернет (особенно, социальных сетей), хотя и демонизирована, но очевидна.

Более того, популяризация феномена в СМИ привела к тому, что многие представления о нём, в том числе и ошибочные,

перекочевали в научную и специальную литературу. В частности, с подачи недобросовестных средств массовой информации, к случаям «скулшутинга» автоматически стали причисляться все эксцессы, при которых территория учебного заведения становилась местом криминального события. Это привело к серьёзным искажениям статистических данных по подобному рода преступлениям и стало одной из причин затруднений в выработке контрмер.

В ниже прилагаемом материале проводится анализ причин искажения статистических данных по случаям вооружённых нападений на учебные заведения и предлагается авторская методика определения соответствия криминального события определению «скулшутинг».

Историческая ретроспектива. Днём возникновения такой социальной проблемы как вооружённые нападения на учебные учреждения («скулшутинг») абсолютно безосновательно считается 20 апреля 1999 г. В этот день учащиеся средней школы «Колумбайн» (г. Литтлтон (США)) Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили в своей школе массовый расстрел, в ходе которого погибло 13 школьников и было ранено 22.

Акция Харриса и Клиболда не была первым преступлением такого рода ни в США, ни в мире. В США отсчёт случаев вооружённого насилия в учебных заведениях принято вести с 26 июля 1764 года [11, р. 1-24]. Первый в Европе задокументированный случай «скулшутинга» произошёл 20 июня 1913 года в г. Бремене (Германия) [там же].

В СССР подобные эксцессы тщательно скрывались от общественности, поэтому точно установить хронологию аналогичных инцидентов не представляется возможным. Из случаев, сведения по которым стали доступны автору, наиболее ранним преступлением, соответствующим определению «скулшутинг», можно признать события 11 февраля 1958 года, произошедшие в посёлке Лямино, Чусовского района, Пермской области, когда комсоргом строительной школы №6 Михаилом Целоусовым, из похищенной в кружке ДОСААФ малокалиберной винтовки, в зданиях школы и женского общежития было убито семь и ранено шесть человек.

За год до акции Харриса и Клиболда в США произошло три массовых расстрела: 24 марта 1998 г. в Вестсайдской средней школе г. Джонсборо (Арканзас); 24 апреля 1998 г. – в средней школе Паркера г. Эдинборо (Пенсильвания); 21 мая 1998 г. – в высшей школе Тарстона г. Спрингфилд (Орегон). В последнем случае 15-летний «школьный стрелок» Кип Кинкель убил 4 и ранил 25 человек, то есть, с учётом того, что Э. Харрис и Д. Клиболд действовали вдвоём и на каждого из них пришлось 17,5 жертв, К. Книпкель, действуя в одиночку, показал более высокую «результативность», однако, он остался незамеченным и только события в школе «Колумбайн» получили широкий общественный резонанс, а название школы стало именем нарицательным для обозначения подобных эксцессов.

Всплеск нездоровой популярности Харриса и Клиболда чётко коррелирует с началом широкого распространения интернета и эпохи электронного обмена информацией [12, р. 94-96].

В эру печатных средств массовой информации объём и характер предоставляемой для широкой аудитории информации был ограничен тиражом издания и редакционной политикой. «Скандальные» материалы тщательно цензурировались и быстро сменялись другими темами. Последнее размывало внимание аудитории, не давало читателям заикнуться на какой-нибудь одной тематике и превратить её в фетиш.

Интернет расширил читательскую аудиторию до границ не доступных ни одному печатному изданию. Причём, каждого пользователя он сделал не только потребителем, но и модератором информации. По социальным сетям информация стала практически моментально распространяться на всю интернет-аудиторию, то есть практически в мировом масштабе. Трактовка её перестала быть однобокой – появилась возможность для высказывания различных

мнений, в том числе и маргинального характера [7, с. 11-12].

Кроме того, интернет стал неким инкубатором, где информация, неактуальная для широких масс, может поддерживаться и обновляться силами энтузиастов в группах по интересам (тематические форумы и блоги, специализированные сайты) сколь угодно продолжительное время. Дополнительным фактором стало то, что наиболее активную и массовую часть интернет-аудитории составляют дети и подростки, в силу возрастных особенностей не способные к критической оценке предлагаемого им информационного продукта и наиболее легко усваивающие именно радикальные трактовки [5, с. 312].

В случае Харриса и Клиболда, именно некорректная подача информации в СМИ с последующим муссированием её в социальных сетях, привели к фокусировке общественного внимания не на жертвах и обстоятельствах преступления, а на личностях преступников с созданием вокруг них ореола «одиноких волков, восставших против системы» и чуть ли не мучеников. Возведение их в статус «медийных личностей» и «звёзд интернета» расширило аудиторию их поклонников и способствовало распространению их человеконенавистнических идей, которые и оформились в идеологию движения «колумбайн» [9, с. 67; 10, р. 56].

Необходимо отметить, что подобная героизация деструктивных личностей не является специфичной для субкультуры «колумбайн» чертой – это общепсихологический феномен. Так, например, свою армию интернет-поклонников имеет Марвин Химейер, 4 июня 2004 г. разгромивший на бульдозере, обшитом броневыми листами и, фактически, превращённом в танк, г. Грэнсби (и хотя пострадавших, кроме самого Химейера в результате инцидента не было, общий ущерб составил 9 миллионов долларов). Несмотря на явную асоциальность его поступка, Химейер сочувствующими кругами был объявлен борцом именно за социальную справедливость, что является оксюмороном само по себе. Дошло до того, что бульдозер Химейера властям пришлось утилизировать втайне, дабы он не был разобран его поклонниками на сувениры.

К чему способна привести такая, как правило, необоснованная, героизация силами средств массовой информации и социальных сетей, показал пример Джорджа Флойда – наркомана и рецидивиста, погибшего 25 мая 2020 г. при задержании полицией. Флойд посмертно был возведён в статус «иконы» движения Black Lives Matter (BLM) и стал детонатором интернет-истерии, вылившейся в массовые

беспорядки национального масштаба. При этом, до самой своей гибели Флойд был никому не известен и не имел перед обществом никаких заслуг, а посмертная его популярность возникла в результате, по определению Е.Г. Дозорцевой с соавторами, «информационного заражения» [2, с. 98] через СМИ и социальные сети.

В случае Харриса и Клиболда результат «информационного заражения» был менее масштабен, но не менее трагичен. Уже через неделю после «колумбайна» – 28 апреля 1999 г. – его сценарий повторил Тодд Смит Кэмерон (г. Табер (Канада)), а через месяц – 20 мая 1999 г. – Томас Соломон (г. Конайрес (США)).

В Российскую Федерацию данное явление пришло намного позже, но продемонстрировало здесь всё те же зависимости. Первый официальный российский «школьный стрелок» Сергей Гордеев (3 февраля 2014 г., г. Отрадное) действовал по сценарию Харриса и Клиболда, подражая им даже внешне. А «стрелок из Ивантеевки» Михаил Пивнев, осуществивший нападение на учебное заведение 5 сентября 2017 г., заявил, что ждал возможности реализовать свои планы три года – то есть, с 2014-го, ориентируясь уже на Гордеева. Данные три случая объединяет явная цепочка индуцируемости: Харрис и Клиболд → Гордеев → Пивнев.

Всего, не считая расстрела в школе «Колумбайн», в 1999 году в США в ходе вооружённых нападений на учебные учреждения погиб 1 человек и было ранено 10. В 2000 году эти показатели уже составили 5 убитых и 1 раненого; в 2001 – 2 убитых и 21 раненого; в 2002 – 6 убитых и 13 раненых... Полностью статистику по подобному рода преступлениям приводить здесь не будем в силу того, что она общеизвестна и легко доступна (см., например, [4, с. 97-101]) достаточно сказать, что «положительной» динамики не дал только 2020 год, но это было обусловлено не эффективностью предпринимаемых контрмер, а введением тотальных антиковидных ограничений.

Таким образом, можно констатировать, что «колумбайн» был искусственно выведен в категорию новой социальной проблемы – она была возвращена нечисто плотными средствами массовой информации, подхвачена социальными сетями и поддерживается и актуализируется в сети Интернет на «фанатских» ресурсах. Данную проблему ныне условно называют «скулшутинг»; в научной и специальной литературе для её обозначения чаще употребляется термин «вооружённые нападения на учебные заведения».

Терминологическая наполненность.

Ни один из перечисленных терминов не является безупречным. Так, термин «колумбайн» (вульгаризированный вариант – «колумбина») корректно применять только к конкретным событиям 20 апреля 1999 г. Кроме того, он не носит научного характера и отдан на откуп представителям соответствующей субкультуры.

Термин «скулшутинг» (дословно «школьная стрельба»), так же внедрённый в научный обиход с подачи средств массовой информации, является неполным, поскольку подразумевает применение огнестрельного или, по крайней мере, пневматического оружия и не отражает возможность применения нападающими холодного оружия или взрывных устройств (что в РФ суммарно составляет до 40% от общего числа вооружённых нападений на учебные заведения) [3, с. 443].

А термин «вооружённые нападения на учебные учреждения» позволяет включить в себя все случаи, когда территория учебного заведения становилась местом вооружённого насилия – по этой логике, например, захват террористами школы в г. Беслан в 2004 г. тоже является примером «вооружённого нападения на учебное учреждение», а потому включён в ряд статистических сводок (преимущественно зарубежных) наряду со случаями «истинного» «скулшутинга».

Автор занимается изучением обсуждаемой проблемы с 2014 года, со дня первого зафиксированного в России случая «скулшутинга» и успел убедиться, что вопрос квалификации данных деяний не решён по сей день. Внесение в базы случаев, не являющихся по природе своей актами школьного насилия с применением оружия, искажает статистику и затрудняет выявление закономерностей, присущих именно «школьным стрелкам» (термин так же условен и некорректен).

Так, например, не могут считаться актом «скулшутинга» события, произошедшие 18 марта 2016 г. в здании школы №8 г. Находки, где на почве ревности было совершено убийство школьницы с последующим посткриминальным суицидом преступника. В данном примере, убийца не имел никакого отношения к учебному заведению; преследовал конкретного человека; имел чётко выраженный мотив; действовал импульсивно, без предварительного замысла и не имел намерения добиться большого числа жертв. Тем не менее, данный случай продолжает упорно включаться во все обзоры по вооружённым нападениям на учебные заведения как пример «скулшутинга».

При этом, автор не одинок в своём мнении о нерешённости проблемы квалификации преступного деяния как «скулшутинга»: «Криминологические особенности личности массового убийцы не нашли своего отражения ни в диссертационных, ни в монографических российских исследованиях. В отечественной криминологии также не изучены критерии, согласно которым возможно отграничивать массовое убийство от других видов причинения смерти со множественным количеством жертв» [8, с. 53].

А осложняет ситуацию то, что уголовное законодательство не предусматривает выделения «школьных стрелков» в отдельную категорию и им вменяется, как правило, обвинение в убийстве или покушении на убийство, что делает невозможной идентификацию подобных дел на судебном этапе при исходном незнании обстоятельств преступления.

Авторская методика определения соответствия криминального события определению «скулшутинга». При составлении базы данных по случаям «скулшутинга» (на момент написания данной работы, в базу включено и проанализировано 107 случаев массовых расстрелов в учебных заведениях России, США,

Канады, Германии и Финляндии за период с 20 апреля 1999 г. по дату написания данной работы; из них российских прецедентов – 27 за период с 3 февраля 2014 г. по 26 апреля 2022 г. (инцидент в детском саду «Рябинка» рабочего посёлка Вешкайма Ульяновской области)), автору пришлось разработать собственную шкалу критериев, на основе которой преступление может быть признано актом «скулшутинга».

За базис для составления собственной шкалы была взята разработка Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова [1, с. 64], очертивших ряд формальных признаков, типичных для школьных расстрелов. К ним они отнесли:

- 1) преступник или преступники имели отношение к школе (учились в ней);
- 2) убийства или ранения были умышленными, но без корыстных мотивов;
- 3) нападения планировались или организовывались заранее;
- 4) это были публичные или даже демонстративные акты, направленные на убийство неопределённого круга лиц.

Отталкиваясь от перечисленных пунктов были разработаны следующие критерии:

Критерий	Определение	Комментарий
Критерий №1	Местом преступления должна являться территория учебного заведения или его подразделений (кампус, общежитие, школьный двор, стадион, хозяйственные постройки и т.п.)	От термина «школа» необходимо отрешиться в пользу более широкого термина «учебное заведение» или «учебное учреждение» в связи с тем, что 30% эксцессов происходит в высших учебных заведениях
Критерий №2	Преступником должно являться лицо, в прошлом или настоящем имевшее прямое или опосредованное отношение к данному учебному заведению	Термин «лицо» предусматривает возможность того, что «школьным стрелком» может оказаться не только учащийся, но и преподаватель (23 сентября 2016 г., г. Суксун (РФ)), технический работник (5 февраля 2015 г., г. Колумбия (США)), бывший учащийся или сотрудник (16 января 2002 г., г. Гранди (США)) или даже родитель или родственник ученика (10 апреля 2021 г., г. Санкт-Петербург (РФ))
Критерий №3	Преступление должно носить спланированный характер	На основании данного критерия акты «скулшутинга» предполагается сепарировать от проявлений спонтанной агрессии, распространённых в подростково-молодёжной среде
Критерий №4	При совершении преступления должно планироваться применение оружия	Под оружием в данной трактовке подразумевается не только огнестрельное оружие, но и прочие виды (холодное, самодельные взрывные устройства), что выводит предлагаемую классификацию за пределы термина «скулшутинг» («школьная стрельба») [6, с. 47]
Критерий №5	Преступление должно быть направлено на убийство неопределённого круга лиц, вне их сегрегации по какому бы то ни было признаку	Данный критерий исключает возможность попадания в статистику «скулшутинга» массовых убийств, где жертвы определяются по расовому, национальному, религиозному или иному подобному признаку [13, р. 177-180]
Критерий №6	Преступником планируется достижение максимального количества жертв	Данный критерий направлен на исключение случаев агрессии или контрагессии, направленных против узких, конкретно очерченных групп (например, обидчиков в случае буллинга)
Критерий №7	Преступление должно носить публичный, демонстративный характер	
Критерий №8	Преступление не должно иметь корыстных мотивов и очевидной материальной выгоды для преступника	
Критерий №9	Преступник мотивирован одной идеей или проблемой и видит насилие (в том числе, и суицид) единственным способом её решения	Созвучно с критерием №5, данный критерий позволяет исключить преступления, совершаемые на почве религиозной или политической идеологии [13, р. 177-180]

На основе озвученных критериев, автором предлагается следующее определение термина «вооружённое нападение на учебное учреждение»: это предварительно спланированная акция с применением оружия на территории учебного заведения, осуществлённая лицом, имеющим в прошлом или настоящем прямое или опосредованное отношение к данному учебному заведению, носящая публичный и демонстративный характер, не имеющая корыстных мотивов и направленная на получение максимального количества жертв, вне их сегрегации по какому бы то ни было признаку.

Автор отдаёт себе отчёт, что предложенное определение встретит неприятие со стороны лиц, заинтересованных в «раздувании» статистики по данным случаям, а пересмотр квалифицирующих подходов исключит из неё даже те акты «скулшутинга», которые ныне считаются эталонными.

Так, не сможет быть признан актом «скулшутинга» упомянутый выше первый «официальный» случай вооружённого насилия в учебном заведении от 26 июля 1764 года, когда индейцы-делававы при нападении на пенсильванскую школу убили учителя Эноха Брауна и девять учеников. В связи с тем, что это нападение было осуществлено лицами, не имеющими непосредственного отношения к атакуемому учебному заведению, и жертвы квалифицировались по религиозному признаку (белые христиане и крещёные индейцы), случаем скулшутинга данная акция по прилагаемым квалификационным критериям признана быть не может.

Не может быть признан случаем скулшутинга и второй по хронологии инцидент вооружённого насилия в учебном заведении, произошедший 12 ноября 1840 года в университете Шарлоттсвиля (Вирджиния, США), где студентом Джозефом Семмсом на почве межличностного конфликта был застрелен профессор Джон

Энтони Гарднер Дэвис. Согласно выше-перечисленных критериев, нападавший имел своей целью конкретного человека и не планировал других жертв, кроме него.

Исходя из предлагаемых принципов квалификации, первым случаем «скулшутинга», в таком случае, можно признать только упомянутый выше расстрел учениц католической школы немецкого города Бремена, осуществлённый лишившимся работы учителем Хайнцем Шмидтом 20 июня 1913 года и повлекший смерть пяти и ранения двадцати школьников и сотрудников школы. Данное преступление:

- 1) было совершено на территории учебного заведения (в помещении школы);
- 2) бывшим сотрудником данного учебного заведения;
- 3) носило спланированный характер;
- 4) сопровождалось применением оружия;
- 5) было направлено на неопределённый круг лиц и
- 6) преследовало получение максимального числа жертв;
- 7) носило демонстративный характер;
- 8) не имело материальной выгоды и
- 9) преступник был движим идеей мести организации, отказавшейся от его услуг.

Заключение. В силу специфики данного вида преступлений, выработка мер противодействия актам «скулшутинга» возможна только при полном понимании особенностей психики «школьных стрелков» и выявления закономерностей в их поведении. Для этого статистика по инцидентам, связанным с вооружёнными нападениями на учебные учреждения, должна быть максимально очищена не только от случаев, не соответствующих этому определению, но и от сомнительных случаев, которые, имея внешнее сходство с актом «скулшутинга», скрывают иные движущие преступником механизмы.

Список литературы:

1. Давыдов, Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов // Национальный психологический журнал. – 2018. – №4(32). – С. 62-76.
2. Дозорцева, Е.Г. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения / Е.Г. Дозорцева, Д.С. Ошевский, К.В. Сыроковашина // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 97-110.
3. Карпов, В.О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах / В.О. Карпов // Вестник Казанского юридического института МВД. – 2018. – №4(34). – С. 442-446.
4. Карпова, А.Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова, Н.Г. Максимова // Власть. – 2021. – Том 29. – №1. – С. 93-108.
5. Маринкин, Д.Н. Актуальные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних. Особенности их личности / Д.Н. Маринкин // Защита прав человека в современных условиях: теория и практика: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф., 20 апреля 2017 года; Филиал

- ОУ ВО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права». – Пермь, 2017. – С. 312-318.
6. Мосечкин, И.Н. Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (school-shooting) / И.Н. Мосечкин // Виктимология. – 2019. – № 1(19). – С. 46-52.
  7. Сочивко Д.В. Молодёжь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения / Д.В. Сочивко, Н.А. Полянин. – Москва: МПСИ, 2009. – 264 с.
  8. Суходольская, Ю.В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования / Ю.В. Суходольская // Вестник науки и образования. – 2019. – №6(60). – Часть 1. – С. 51-53.
  9. Суходольская, Ю.В. Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации, и механизм преступного поведения скулшутера / Ю.В. Суходольская // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – №3(83). – С. 67-70.
  10. Hawdon, J. Glamorizing Rampage Online: School Shooting Fan Communities On YouTube / J. Hawdon, A. Oksanen, P. Rasanen // Technology in Society. – 2014. – №39. – P. 55-67.
  11. Langman, P. Desperate identities: A bio-psycho-social analysis of perpetrators of mass violence / P. Langman // Criminal Public Policy. – 2019. – P. 1-24.
  12. Rico Andrew Ryan. Fans of Columbine shooters Eric Harris and Dylan Klebold // Transformative Works and Cultures. 2015-05-19. Vol. 20.
  13. Wikström P.-O.H., Bouhana N. 2017. Analyzing Radicalization and Terrorism: A Situational Action Theory. – The Handbook of the Criminology of Terrorism (ed. by G. LaFree, J.D. Freilich). Wiley-Blackwell. P. 175-186.
  14. SCHOOL SHOOTERS.INFO [Electronic resource]. – URL: <https://schoolshooters.info> (дата обращения: 03.05.2022).
  15. <https://tass-ru.cdn.ampproject.org> (дата обращения: 03.05.2022).

V.V. Orlov

**ON CRITERIA FOR RECOGNIZING ARMED ATTACK ON EDUCATIONAL INSTITUTION
AS ACT OF «SCHOOLSHOOTING»**

Abstract: The author has studied the role of traditional mass media and the Internet in the genesis and formation of the problem of armed attacks on educational institutions, also known as «schoolshooting». In historical retrospect, the reasons for the popularity of the Columbine subculture are investigated, both as a separate social problem generated by mass media, and in the context of the general psychological phenomenon of the glorification of destructive personalities. The analysis of the terminological content of the concepts «columbine», «schoolshooting», «armed attacks on educational institutions» is carried out and the role of mass media in their penetration into special and scientific literature is considered. The connections between the semantic devaluation of these terms in mass media and the formation of distortions of statistics on this type of crime under their influence are revealed. The author's development is submitted for discussion – a scale of criteria for recognizing a criminal event in an educational institution as an act of «schoolshooting» with testing it on examples that are currently considered classic in the field of armed attacks on educational institutions.

Key words: columbine; school shooting; mass shootings in educational institutions.

References:

1. Davydov D.G., Khlokov K.D. Massovye ubiistva v obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // Natsionalny psikhologichesky zhurnal. 2018. №4(32). P. 62-76.
2. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrovkashina K.V. Psikhologicheskiye, sotsialnye i informatsionnye aspekty napadeniy nesovershennoletnikh na uchebnye zavedeniya // Psikhologiya i pravo. 2020. Volume 10. № 2. P. 97-110.
3. Karpov V.O. Kult kolumbaina: osnovnye determinanty massovykh ubiistv v shkolakh // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD. 2018. №4(34). P. 442-446.
4. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znacheniye? // Vlast. Volume 29. №1. 2021. P. 93-108.

5. Marinkin D.N. Aktualnye voprosy profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh. Osobnosti ikh lichnosti // Zashchita prav cheloveka v sovremennykh usloviyakh: teoriya i praktika: mater. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 20 April 2017 // Filial OU VO «Sankt-Peterburgsky institut vneshneekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava» - Perm, 2017. - P. 312-318.
6. Mosechkin I.N. Viktimologicheskiye aspekty protivodeistviya vooruzhennym napadeniyam na uchebnye zavedeniya (school-shooting) // Viktimologiya. № 1(19). 2019. P. 46-52.
7. Sochivko D.V., Polyanin N.A. Molodezh Rossii: obrazovatelnye sistemy, subkultury, ispravitelnye uchrezhdeniya / M.: MPSI, 2009. - 264 p.
8. Sukhodolskaya Yu.V. Massovoye ubiistvo v obrazovatelnykh organizatsiyakh kak obyekt kriminologicheskogo issledovaniya // Vestnik nauki i obrazovaniya. № 6(60). Part 1. 2019. P. 51-53.
9. Sukhodolskaya Yu.V. Faktory, determiniruyushchiye soversheniye massovogo ubiistva v obrazovatelnoi organizatsii, i mekhanizm prestupnogo povedeniya skulshutera // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. №3(83). 2021. P. 67-70.
10. Hawdon J., Oksanen A., Rasanen P. Glamorizing Rampage Online: School Shooting Fan Communities On YouTube // Technology in Society. 2014. №39. P. 55-67.
11. Langman P. Desperate identities: A bio-psycho-social analysis of perpetrators of mass violence // Criminal Public Policy. 2019. P. 1-24.
12. Rico Andrew Ryan. Fans of Columbine shooters Eric Harris and Dylan Klebold // Transformative Works and Cultures. 2015-05-19. Vol. 20.
13. Wikström P.-O.H., Bouhana N. 2017. Analyzing Radicalization and Terrorism: A Situational Action Theory. – The Handbook of the Criminology of Terrorism (ed. by G. LaFree, J.D. Freilich). Wiley-Blackwell. P. 175-186.
14. SCHOOL SHOOTERS.INFO [Electronic resource] // URL: <https://schoolshooters.info> (Application date: 03.05.2022).
15. [Electronic resource] // URL: <https://tass-ru.cdn.ampproject.org> (Application date: 03.05.2022).

Статья поступила в редакцию 14.04.2022

Е.А. Замышевская, И.Л. Казанцева
**ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К АНАЛИЗУ ЛИЧНОСТИ СОЗДАТЕЛЯ (АДМИНИСТРАТОРА)
ДЕСТРУКТИВНОГО СООБЩЕСТВА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЗВАНИЙ ТАКОВЫХ СООБЩЕСТВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВ СУБКУЛЬТУРЫ СКУЛШУТЕРОВ)**

Аннотация: Цель данной работы заключается в описании психолого-лингвистических характеристик коммуникативной личности создателя публичной площадки для распространения контента субкультуры колумбайн.

Методы. Исследование проводилось с использованием методов интент-анализа, а также семантического, стилистического и прагматического лингвистического анализа; общенаучных методов синтеза и обобщения полученных данных.

Результаты. Полученные результаты психолого-лингвистического анализа названий сообществ, содержащих деструктивный контент, позволили выявить некоторые характеристики коммуникативной личности создателей таких сообществ. Выявленные признаки маскировки содержательных элементов названий как часть сознательной деятельности создателей сообществ, направленной на сокрытие деструктивного контента, указывают на формирование теневого площадок в ответ на меры, принятые в отношении деструктивного контента.

Заключение. Дискуссионным остаётся вопрос о том, является ли сознательная деятельность по маскированию деструктивного контента указанием на более высокий потенциал воплощения деструктивных идей создателем таковой контент-площадки [20]; необходимо ли более пристальное внимание именно за теми, кто пользуется инструментами сокрытия деструктивного контента.

Ключевые слова: скулшутинг; коммуникативная личность; субкультура колумбайн; профилактика массовых убийств.

Введение

Одним из актуальных вызовов неокрепшим умам современных российских подростков стало активное распространение информации о феномене скулшутинга – вооружённых нападений подростков на школы. После ряда подобных преступлений, совершённых на территории Российской Федерации, специалистами был отмечен всплеск интереса молодёжи к информации о скулшутерах и связанных исторических феноменах (самым культовым в данной среде признан акт насилия в школе Колумбайн, произошедший в 1999 году). Впоследствии на информации о вооружённых нападениях подростков на школы сформировалась т.н. идеология колумбайна, субкультура колумбайна, распространившаяся в российском сегменте интернета: появились фэндомы персон-скулшутеров (как российских, так и зарубежных), сообщества (паблики) и чаты в различных социальных сетях и мессенджерах. Опасность распространения информации о случаях нападений на образовательные учреждения и идей субкультуры колумбайн вызвана не столько возможностью освещения и обсуждения преступлений, сколько формируемыми девиантным поведением в цифровой среде процессами героизации и романтизации насилия и убийств,

совершённых школьными стрелками, побуждения к деструктивному, делинквентному поведению и его оправдания (о потенциале влияния сообщений об актах скулшутинга подробно [22]).

Для обеспечения информационной безопасности правоохранительные органы совместно с экспертным и академическим сообществом разрабатывают и совершенствуют способы снижения информационно-коммуникативных и контент-рисков, связанных с распространением деструктивных идей, ориентированных на наиболее уязвимые слои пользователей цифровой среды (несовершеннолетних, в частности подростков-учащихся образовательных учреждений), в том числе аспекты обработки деструктивного контента в т.ч. в рамках профилактических и оперативных мероприятий. Самым известным и простым способом работы с подобным контентом является его оперативная блокировка, а также его мониторинг и предупреждение распространения. Однако, как показывает практика и личный опыт, способы бытования деструктивного медиатекста успешно мимикрируют и модифицируются в соответствии с принимаемыми обществом мерами. Потому, на наш взгляд, стоит обратить внимание на категорию автора сообщества как отражение личности создателя публичной площадки, содержащей

законодательно запрещённый медиаконтент субкультуры скулшутеров. В данном исследовании мы рассматривали названия колумбайн-сообществ: именно названия привлекают подписчиков, являются первичным сигналом, приглашением к коммуникации.

Обзор литературы

Последние пять лет российское научное сообщество с разных сторон изучает феномен массового насилия в образовательных учреждениях. В сводной публикации В.В. Плотникова и С.Ф. Самойлова указано наличие 109 научных работ, посвящённых субкультуре колумбайн [13]. На данный момент, по нашим наблюдениям, работ о феномене скулшутинга существует больше² и посвящены они различным аспектам проблематики деструктивного и делинквентного поведения несовершеннолетних: описанию субкультуры скулшутинга/колумбайна; социологическим, психологическим, криминологическим и правовым характеристикам событий, участников актов скулшутинга в России; аспектам противодействия идеологии колумбайна, профилактики её распространения [в т.ч. 8]; описанию криминалистических диагностических комплексов, направленных на выявление признаков деструктивной пропаганды массовых расстрелов.

Многие учёные отмечают большую значимость влияния интернета на развитие и распространение идеологии скулшутинга, в т.ч. порождаемых субкультурой медиатекстов. Именно поэтому внимание экспертного сообщества направлено на разработку и внедрение криминалистических диагностических комплексов в рамках применения методов и методик психолого-лингвистической экспертизы информационных материалов [4, с. 86]. В данном контексте полезным может оказаться и использование инструментария юридической психолингвистики, исследующей выражение личностных особенностей автора через порожденный им текст [6]. Медиатекст понимается нами как полиинтенциональная структура, в которой язык является средством удовлетворения разных коммуникативных целей. Интенциональный подход к изучению медиатекста позволяет осветить процессы формирования и реализации целей речевого общения, а также что определяет речевое поведение говорящего (пишущего) [11, с. 9].

Среди разработок методов и методик анализа информационных материалов, в частности медиатекстов, особое место отводится автору

как реальному человеку и его образу в речевых произведениях. Медиатекст как явление, кроме прочего, характеризуется стилиобразующим характером авторства. Как отмечает С.С. Распопова, «с автором связана идея произведения, которая включает в себя направленную интерпретацию жизненных явлений и событий»; «Важнее образ автора, а сам автор как личность – его взгляды, устремления, общественная позиция, в известной мере личные качества» [15, с. 150; 13]. Н.С. Валгина, говоря об авторской модальности и образе автора, вводит иерархическую расчленённость «Производитель речи – субъект повествования – образ автора» и указывает, что «реальный автор (производитель речи), приступая к написанию, имеет определённую цель или задание: либо сам себе ставит эту задачу, либо получает её извне (например, корреспондент газеты)» [2]. У автора медиатекстов, бытующих в открытом информационном пространстве, имеются огромные возможности для выражения личной позиции с позиции частного и социального человека. При этом «парадоксальность авторского начала медиатекста заключается в том, что современная медийная практика предполагает как расширение проявления автора в тексте, так и его минимализацию» [18]. Именно соотношение интенций и аксиологических установок, реального и видимого в авторстве и привлекло наше исследовательское внимание.

Обобщённое исследование интенционального поля авторства свидетельствует об актуальности 5 типов интенций в медиасфере:

- 1) информировать (осведомлять);
- 2) разъяснять с опорой на анализ и оценки;
- 3) убеждать, рационально и эмоционально воздействуя;
- 4) развлекать;
- 5) привлекать и побуждать.

При этом, Т.В. Шмелёва указывает, что нельзя игнорировать интенциональную асимметрию, «закрывающуюся в наличии двойного плана коммуникативных намерений авторов медиатекстов: эксплицитного и имплицитного» [19, с. 32]. Выявление эксплицитного и имплицитного коммуникативного намерения автора публикации перекликается с задачами экспертного психолого-лингвистического анализа медиатекста, в т.ч. в рамках исследования информационной продукции на предмет наличия признаков экстремистских материалов.

² На момент написания статья только сервис научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» фиксировал 158

научных публикаций, найденных по тегу «колумбайн» и 111 публикаций по тегу «скулшутинг».

Заголовок медиатекста является давним предметом изучения гуманитарных наук как с точки зрения его структурно-семантической значимости в рамках функционирования текста, так и с точки зрения его воздействующего потенциала. Первым, на что пользователь обращает внимание при поиске информации, является название, заголовок. Это правило касается любых заголовков, в т.ч. и названий сообществ. И выбор названия создателем сообщества, очевидно, характеризует не только саму прагматическую цель создания таковой площадки для общения, но и самого автора, его коммуникативные цели. Как отмечают исследователи способов и методов профилактики скулшутинга, «ответственность организаторов сообществ и владельцев сайтов социальных сетей за распространение деструктивного и противоправного контента должна стать одним из элементов профилактики скулшутинга» [10, с. 93]; «Единственная работающая стратегия борьбы со всей этой заразой – нулевая терпимость по отношению к «колумбайнерам», «росляковцам» и прочим насильственным экстремистам любого сорта. Поставил на аватару портрет Рослякова, одобрительно «пошутил» по поводу стрельбы в школе, взял ник в честь того или иного «школьного стрелка»/маньяка убийцы/правого или левого экстремиста, *создал/состоишь в паблике, героизирующем подобных преступников*, и т.д. – попал на жесткий профилактический учёт с запретом пользования соцсетями, поступления на ряд специальностей и другими ограничениями в правах» [1, с. 57]. Потому попытки анализа коммуникативной деятельности в аспекте проявления личности могут иметь смысл при выявлении рисков и принятии превентивных и профилактических мер. Однако стоит оговориться, что непосредственно личность является предметом изучения психиатров, потому справедливым будет обозначить, что нами исследовались лишь проявления личности, отдельные её проекции.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием методов семантико-синтаксического и лексико-семантического анализов для определения значения слов, словосочетаний, предложений в контексте названий сообществ; лингво-стилистического анализа для определения коннотации единиц в названиях сообществ; семантического анализа содержания высказывания для интерпретации смысла и толкования значений исследуемых номинаций. Также использовались

методы интент-анализа для определения мотивов и интенций речевой деятельности автора номинаций.

Результаты и дискуссия

Мы проанализировали более 100 названий сообществ, содержащих контент субкультуры скулшутеров. Многие из сообществ являются архивными, и их невозможно найти на просторах Интернета, так как политика социальных сетей и мессенджеров, например самой популярной в России – «ВКонтакте», модернизировалась: улучшив модерацию контента и отсеивание потенциально неприемлемой информации с помощью гибридного метода модерации, «ВКонтакте» проводит проактивный внутренний мониторинг и блокирует сообщества и профили лиц, распространяющих деструктивный контент. Однако нами самостоятельно было обнаружено более 40 пабликов в «ВК» и каналов в «Telegram», доступных для просмотра и содержащих обладающий деструктивным потенциалом контент. Некоторые из пабликов и страниц администраторов обнаруживаются во время использования VPN-приложений.

Полученный иллюстративный материал номинаций сообществ условно можно разделить на две группы:

- прямые названия;
- названия, созданные с использованием механизмов маскировки содержательных элементов.

К числу прямых названий, содержащих явные отсылки к идеологии скулшутинга, среди имеющихся в нашем распоряжении номинаций сообществ в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере Telegram, а также упомянутых в открытых источниках мы относим³:

1) номинации «Колумбайн» / «Columbine» и производные от них:

«не Колумбайн» / «не Колумбайн 2.0», «Храм колумбайнера 0.2», «columbine high school», «esthetic columbine», «Взрывчатые Вещества. Колумбайн», «Рубимся в DOOM I Колумбайн», «колумбайн с шипами», «типо колумбайн», «клуб садовников (колумбайн)», «GODLIKE COLUMBINE», «че-то там про колумбайн», «Колумбайнерское логово», «Party from columbia(мы ничего не пропагандируем)», «Чат Колумбайнеров»; «Колумбайн – возрождение», «children from columbine», «Колумбайн радикалы», «Columbine School | II Harris», «columbine.jpg», «Клумба Klumba Колумбайн»,

³ В качестве источников названий прецедентных феноменов субкультуры скулшутеров взят ресурс «SCHOOL

SHOOTERS.INFO Resources on school shootings, perpetrators, and prevention» [20].

«КОЛУМБАЙН МЕМЫ И ЭДИТЫ (ТКО)», «Columba TV», «#\$\$@КОЛУМБИЯ#\$\$@»;

2) лексемы «стрелок», «скулшутер»:

«SCHOOL SLAUGHTER», «shooting»;

3) имена известных скулшутеров: Эрик Харрис (Eric Harris), Дилан Клеболд/Клиболд (Dylan Klebold), Адам Лэнза (Adam Lanza), Владислав Росляков, Тимур Бекмансуров, Ильназ Галявиев:

«Eric Harris and Dylan Klebold»; «Эрик Харрис и Дилан Клиболд»; «мемы Ярика и Дилана»; «Эрик Харрис и Дилан Клиболд»; «Эрик и Дилан | home videos»; «Adam Lanza archive»; «Росляков»; «Владислав Росляков|НЕНАВИСТЬ»; «В. Р. Керчь»; «Влад Росляков 2018\1999»; «Фан база крашика Тимурчика»; «ILNAZ GOD»; «Ильназ Галявиев♥»;

4) никнеймы скулшутеров: Indigo, Reb, Rebdoomer, Rebdomine (Эрик Харрис); Green, Vodka, V (Дилан Клиболд); Sad God (Ильназ Галявиев):

«Columbine Reb&VoDka», «VODKA RED», «rip1999ehdk», «REB and VODKA», «Reb&VoDka»; «SAD GOD»; «БОГ» (@God_ilnaz_bot);

5) идеологические и исторические концепты:

5.1. NBK, Natural Born Killers – фильм, название которого Харрис и Клиболд использовали как код при нападении;

5.2. Natural Selection – надпись на футболке Харриса

«natural selection ☼»;

5.3. Wrath – надпись на футболке Клиболда (на русский переводится НЕНАВИСТЬ):

«Владислав Росляков|НЕНАВИСТЬ»; «WRATH»; «wrath»;

5.4. Trenchcoat Mafia – группа в школе Колумбайн:

«Клуб «Мафия Плащей»», «We are trenchcoat mafia 2.0»; «Мы тренчкот мафия»; «ericstrenchcoat»;

5.5. Super Columbine Massacre – название онлайн-игры по мотивам происшествия в Колумбии;

5.7. места и даты совершения преступлений:

«Керчь 17.10», «clmbn1999», «forever 99», «Колумбайн 1999».

Прямые названия, выбранные создателями публичных каналов распространения информации о культуре скулшутинга, являют коммуникативную личность, чётко обозначающую

тематику контента и повод для коммуникации и информирования. Используя известные культурные и исторические феномены, в т.ч. знакомые несведущим и не принадлежащим к субкультуре скулшутинга лицам, коммуникативная личность не разделяет участников публичной коммуникации на своих и чужих (если речь идёт не о закрытых группах, куда доступ осуществляется только с разрешения администраторов и создателей площадки). Общедоступный коммуникативный код обладает потенциалом привлечения не только причастных к субкультуре, но и всех интересующихся тематикой. Исследователями отмечается всплеск повышенного интереса к подобным сообществам после совершения нападений на образовательные учреждения.

Также коммуникативная личность создателя сообществ, содержащих контент о скулшутинге, являет себя и в результате создания короткого адреса страницы сообщества. К примеру, некоторые из обозначенных выше сообществ, носящих прямые названия, ассоциируемые с актами скулшутинга, расположены по адресам, содержащим обращение к органам, ответственным за блокировку, например: «не Колумбайн» – vk.com/plsnebante⁴. На уровне выбора лексических средств формируется импликатура: содержимое сообщества может быть забанено.

Подобные указания на нежелательность блокировки содержатся и напрямую в названиях: «Party from columbia(мы ничего не пропагандируем)» содержит указание на отсутствие оснований для блокировки: отсутствие, по мнению создателя сообщества, пропаганды. Однако анализ контента сообщества показал обратное: содержимое паблика обладало признаками пропаганды актов насилия, наличествовали публикации, романтизирующие и героизирующие школьных стрелков. Такие же послы могут быть оформлены и в виде «закрепа» (закреплённого в группе сообщения, видного всем в начале ознакомления с контентом): «*набирает воздух в лёгкие и кричит, как Дилан* МЫ НЕ ПРОПАГАНДИРУЕМ НАСИЛИЕ! МЫ НЕ ЗАСТАВЛЯЕМ ДЕБИЛОВ УБИВАТЬ СВОИХ ОДНОКЛАССНИКОВ! МЫ – ПРОСТО КУЧКА ШКОЛЬНИКОВ-ИЗВРАЩЕНЦЕВ, КОТОРЫМ ПРАВИТСЯ ЖЕСТКАЧ!». Несмотря на подобные послы, отрицающие пропаганду насилия и обращающие внимание на необходимость поддержки и психологической помощи, на данном канале публикуются фото мёртвых Харриса

⁴ PLSNEBANTE – на русский переводится как «пожалуйста, не баньте».

и Клиболда с чёрными сердечками, а также различные мемы с обозначенными лицами.

Отметим и наличествующие символы-эмотиконы в названиях публичных площадок, транслирующих *положительное эмоциональное отношение* к обозначенным явлениям или персонажам: «natural selection ☀» (солнце); «Ильназ Галявиев♥» (сердце).

Наибольший исследовательский интерес представляют названия публичных каналов коммуникации, созданные с использованием механизмов маскировки содержательных элементов. В целях продолжения функционирования распространения идеологии законодательно запрещённой субкультуры колумбайн (скулшутеров) администраторы сообществ и чатов, а также контент-мейкеры, в т.ч. и обычные пользователи используют различные средства обхода блокировок [16, с. 117]:

– изменение платформы для публикаций: специалисты отмечали рост колумбайн-групп в Instagram⁵, Twitter, Tumbler после блокировки сообществ в ВК; при тотальной блокировке групп на всех платформах деструктивные сообщества перемещались в Darknet. На сегодняшний день актуальным средством распространения информации стали и Telegram-каналы: разнообразные группы в ВК в «закрепах» часто приводят сообщения об ограничении политикой «ВК» размещения контента и приглашают в телеграм-каналы;

– «механические» ответные меры: резервные страницы и группы; оповещения о блокировке; отсутствие опознаваемых знаков и под.: наличествование резервных страниц и групп отражается либо в названии («не Колумбайн 2.0», «Храм колумбайнера 0.2»), либо в «закрепах» («резервная группа vk.com/club1694XXXX»);

– мутация и мимикрия деструктивных сообществ.

В результате изменения контента деструктивные сообщества не попадают в выдачу автоматического поиска по ключевым словам и изображениям. Формирование особых сигналов, первоначально речевых, не относящихся к широко известным и связанным с темой вооружённых нападений на учебные заведения, позволяет причастным к субкультуре скулшутинга фильтровать участников по принципу «свой» – «чужой» и продолжать распространять деструктивный контент без опасений блокировки. Специалисты [9, с. 100-102] именуют подобные особые сигналы в т.ч. как предупреждающие знаки.

Одним из речевых механизмов мимикрии и мутации языка деструктивных сообществ, в т.ч. сообществ, посвящённых колумбайнам, является использование механизма маскировки содержательных элементов речи (в т.ч. тайных языков – жаргона/сленга). Под маскировкой понимается изменение каких-либо элементов текста посредством различных приёмов (пропуск, замена, искажение), не всегда имеющее криминологическое основание [17, с. 281].

Способы и приёмы, способствующие маскировке речи, описаны в методической литературе [17] и научных публикациях ведущих учёных [3; 5]. Исследовав имеющийся в нашем распоряжении иллюстративный материал названий деструктивных сообществ, посвящённых скулшутингу, мы выделили следующие реализации механизмов маскировки:

I. Ориентация на омонимичные известным лексемы или конструкции (графическое, фонетическое оформление с изменением семантической структуры единицы, используемой для маскировки):

1) «Клумба Klumba Колумбайн», «Clumba», «Резерв Клуб», «Зимняя Клуба»; «колумб», «COLUMBA TV»; «Малолетние колбайны», «forever combines» – омонимичны слову Колумбия, от которого образовано наименование Колумбайн;

2) «апрельский натурал эрекшн» (/april_ns) – омонимично надписи на футболке Харриса «Natural Selection» (селэкшн – эрекшн), адъектив *апрельский* относится к месяцу совершения преступления Харрисом и Клиболдом;

3) «фан-клуб ярика арахиса, данилы клитора, брусники дауна и рычал скот»: автором названия сообщества использованы приёмы языковой игры для создания отличных, но при этом обладающих фонетическим сходством и общей узнаваемостью номинаций кумиров и их друзей и жертв: *ярик арахис* – Эрик Харрис; *данила клитор* – Дилан Клиболд; *брусника даун* – Брукс Браун; *рычал скот* – Рэйчел Скотт;

4) «эрисе»: ориентация на фонетическое подражание имени Эрик («Eric»);

5) «рыба» (@naturalselection1999): ориентация на фонетическое оформление ника «reb» – эРБэ. Прямая отсылка к тематике колумбайна имеется в коротком адресе: использование номинации «natural selection», а также года «1999»;

6) «рябиновая водка» (@rebvodka): ориентация автором на фонетическое оформление

⁵ Компания «Meta», владеющая сервисом Instagram, признана экстремистской на территории РФ. На момент

написания данной публикации Instagram заблокирован на территории РФ.

ников «reb» и «voDKa», отсылка к которым есть в коротком адресе канала;

II. Использование менее растиражированных⁶ в СМИ отсылок к актам скулшутинга:

1) «Born to Kill» (/rebwrathvodka) – надпись на майке скулшутера Димитриоса Пагуртзиса. Также в коротком имени имеются отсылки к колумбайну: ники Э. Харриса (reb) и Д. Клиболда (vodka) и надпись на футболке Клиболда (wrath);

2) «Просто пьем др пеппер (Здесь сидят ФСБ)» – отсылка к любимому напитку Д. Клиболда марки Dr.Pepper;

3) «.zero day.» – отсылка к фильму «Нулевой день» (2002), посвящённому теме скулшутинга;

4) «ОЧИЩЕНИЕ» – феномен, отсылающий к идее очищения мира, активно используемой скулшутерами;

III. Использование аббревиации в качестве способа сокрытия лексем:

«woac 1999»; «rip1999ehdk»; «BP»; «vdk&rb». Отметим, что при этом аббревиатуры сохраняют прозрачную, узнаваемую внутреннюю форму.

Полученные данные демонстрируют распространённость процесса маскировки, разнообразие применения его механизмов. Отметим, что нами проанализирована лишь верхушка айсберга, доступная на сегодняшний момент либо по следам заблокированных пабликов, либо по результатам проверки гипотез о возможных способах маскирования названий. Как мы видим, некоторые из гипотез, высказанных исследователями, подтвердились и явились иллюстративным материалом для данного исследования.

Использование приёмов маскировки для образования наименований публичных каналов коммуникации по теме скулшутинга, в т.ч. для распространения деструктивного контента, обладающего признаками экстремистского медиатекста, характеризует коммуникативную деятельность автора как нацеленную на передачу информации с опорой на возможные последствия распространения такого контента, в т.ч. нежелательные «санкции». Наличие признаков маскировки может свидетельствовать о том, что автор наименования в некоторых пределах сознательно корректирует свою речевую деятельность, применяя языковую игру и подстраиваясь под реальность, а именно запрет на публикацию и распространение деструктивного контента. При этом осуществляемый процесс коммуникации автора названия сообщества

с воспринимающим название учитывает наличие у второго ключа для дешифровки «тайных знаков», использованных в названии. Таким образом, использование методов маскировки содержательных элементов названий сообществ, посвящённых идеологии скулшутинга, свидетельствует о более сложной коммуникативной деятельности, сопряжённой с творческим подходом и направленной в т.ч. на отсеивание своих и чужих. Фактически осознанный обход мониторингов безопасности говорит о том, что администраторы «колумбайновских» чатов, сообществ и групп отдают себе отчет о неправомерности их действий. Создавая название пропагандистского сообщества, намеренно обходя слово *колумбайн*, администратор понимает, что администрация социальной сети не сможет оперативно найти его, а значит, и не заблокирует. То есть потенциальный колумбайнер обеспечивает жизнеспособность своему сообществу, чтобы было больше времени на вовлечение аудитории к пропагандистскому контенту.

Современные исследователи пока не готовы точно описать психологический портрет колумбайнера: каждый случай добавляет новые маркеры и корректирует некоторые уже имеющиеся представления. На сегодняшний день с некоторой долей уверенности можно говорить лишь о том, что зачастую на атаки решаются социопаты. Скулшутинг является открытой девиацией, а значит актер всегда говорит о своих намерениях вербальным или невербальным способом. Логично, что социопат скорее выберет использование информационных технологий для трансляции своих намерений или пропаганды идеологии колумбайн, так как такой способ взаимодействия не подразумевает реальный контакт с адресатом. Также установлено, что большинство потенциальных школьных стрелков имеют высокий коэффициент интеллекта, что позволяет им обходить психологические тестирования, без последствий проходить медицинские осмотры врачей-психиатров, получать лицензию на приобретение оружия. Умение приспособливаться к изменившимся условиям, осознанность своих действий, разработка новых способов их совершения, как психологическая особенность личности администратора «колумбайновского» сообщества, говорит о его вменяемости. Четко прослеживается мотив действий создателя сообщества, а именно уйти от ответственности, увеличить жизнеспособность размещённого контента.

⁶ По сравнению с упоминаниями акта в школе Колумбайн.

Представленные результаты проведённого исследования названий сообществ идеологии колумбайн, в т.ч. распространяющих контент экстремистско-террористического толка, показали потенциал усложнённой коммуникативной деятельности автора названий сообществ. Результат таковой коммуникативной деятельности является сознательный труд автора, направленный на сокрытие информации, публикация которой обладает потенциалом применения нежелательных негативных санкций к автору. При этом подобные наименования привлекают тех, кто обладает необходимыми фоновыми знаниями и ключом для дешифровки такого тайного кода: иначе говоря, отсев adeptов скулшутинга происходит уже на этапе поиска публичных сообществ, бесед и каналов. Стоит понимать, что такая осознанная коммуникативная деятельность

по выбору наименования сообщества происходит в ответ на превентивные меры блокировки и уничтожения деструктивного контента. Приведённые примеры – лишь верхушка айсберга. Однако даже анализ верхушки говорит о необходимости обратить внимание не только на прямые публикации, но и выработать стратегию работы с маскируемым контентом, для чего могут быть привлечены представители сообщества судебных экспертов. Выявление интенциональных и коммуникативных характеристик автора и его отражения, безусловно, необходимо и важно в т.ч. и для профилактической работы [7] с администраторами и создателями сообществ: полученная информация даёт некоторое представление о стратегиях и тактиках ведения профилактических бесед.

Список литературы:

1. Амелина, Я.А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодёжи / Я.А. Амелина // Кавказский геополитический клуб. – Москва: Издатель А.В. Воробьев, 2019. – 160 с.
2. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2003. – 173 с.
3. Галяшина, Е.И. Маскировка содержательных элементов устного дискурса и их дешифровка в семантической экспертизе / Е.И. Галяшина // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. – Москва: Издательство Московского университета, 2019. – С. 315-316.
4. Галяшина, Е.И. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя / Е.И. Галяшина, В.Д. Никишин // *Lex russica* (Русский закон). – 2021. – №6 (175). – С. 79-94.
5. Доронина, С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приёмы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / С.В. Доронина // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 245-249.
6. Енгальчев, В.Ф. Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / В.Ф. Енгальчев, под ред. А.М. Столяренко. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 399-406.
7. Замышевская, Е.А. Разработка методических рекомендаций по противодействию скулшутингу: отчёт о НИР / Е.А. Замышевская; Московский государственный лингвистический университет; рук. Р.А. Силантьев. – Москва, 2022. – С. 30.
8. Замышевская, Е.А. К оценке эффективности мер профилактики скулшутинга в Российской Федерации / Е.А. Замышевская, Р.А. Силантьев // *Вестник МГЛУ*. – 2022. – С. 12 с.
9. Карпова, А.Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова, Н.Г. Максимова // *Власть*. – 2021. – №1. – С. 93-107.
10. Малюшина, Ю.А. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга / Ю.А. Малюшина, С.Н. Шатилович, О.Б. Федорова // *Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки*. – 2021. – №3. – С. 86-97.
11. Медiateкст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т., 2012. – 250 с.
12. Никишин, В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика / В.Д. Никишин // *Lex russica* (Русский закон). – 2021. – №11 (180). – С. 62-76.
13. Плотников, В.В. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке / В.В. Плотников, С.Ф. Самойлов // *Общество и право*. – 2021. – №2 (76). – С. 163-168.

14. Распопова, С.С. Автор медиатекста в условиях новой реальности / С.С. Распопова // Ежегодник 2012. – Москва: Факультет журналистики МГУ, 2012.
15. Распопова, С.С. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте / С.С. Распопова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т.4. – № 2. – С. 149-158.
16. Самосват, О.И. Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях / О.И. Самосват, Т.С. Брежнева, Е.Р. Шмеерова // Вестник МГОУ. – 2020. – №1. – С. 109-121.
17. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина; общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.
18. Шмелева, Т.В. Медиатекст: парадоксы авторского начала / Т.В. Шмелева // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: матер. 51-й Международной науч.-практ. конф. (19–0 апреля 2012 г.) / отв. ред.-сост. С.Г. Корконосенко. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 265-267.
19. Шмелева, Т.В. Жанр в современной медиасфере / Т.В. Шмелева // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти Седова Константина Фёдоровича. – Саратов; Москва: Лабиринт, 2012. – С. 26-37.
20. Langman, P.A Guide to Insider References Used by School Shooters and Other Attackers [Электронный ресурс] / Langman P.A. – URL: https://schoolshooters.info/sites/default/files/insider_references_1.1.pdf (дата обращения: 29.04.2022).
21. McCauley C., & Moskaleiko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action // Terrorism and Political Violence, 2014. 26 (1). С. 69-85.
22. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. // Contagion in Mass Killings and School Shootings. PLoS One, 2015. 10(7). 12 с.

E.A. Zamyshevskaya, I.L. Kazantseva

**PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC APPROACH TO ANALYSIS
OF DETRIMENTAL INTERNET-COMMUNITY CREATOR'S PERSONALITY
THROUGH LENS OF COMMUNITIES' NAMES
(BASED ON COMMUNITIES OF SCHOOL SHOOTER SUBCULTURE)**

Abstract: The aim of this article is to describe the psychological and linguistic characteristics of the communicative personality of the creator of a public platform for distributing the content of the Columbine subculture.

Methodology. The study used methods of intentional analysis, and also semantic, stylistic and pragmatic linguistic analysis, general scientific methods of data synthesis and generalization.

Results. The results of psychological and linguistic analysis of harmful internet-communities names show some characteristics of the community creator's communicative personality. The identified signs of masking the content elements of the names is a part of the conscious activity of community creators and it's aimed at hiding destructive content. This fact presents a response to measures taken against destructive content.

Conclusion. Does the conscious activity aimed at hiding destructive content point to a high crime potential? Is it necessary to pay closer attention to those who use tools to hide destructive content? That's a debating point.

Key words: school shooting; communicative persona; columbine subculture; prevention of mass murders.

References:

1. Amelina Ya.A. Benefis nenavisti. Kak «kolumbainery» i kerchensky ubiitsa Vladislav Roslyakov stali «geroyami» rossiskoi destruktivnoi molodezhi / Kavkazsky geopolitichesky club. – Moscow: A.V. Vorobyov, 2019. – 160 p. (In Russ.).
2. Valgina N.S. Teoriya texta. – Moscow: Logos, 2003. – 173 p. (In Russ.).
3. Galyashina E.I. Maskirovka soderzhashchikhsya elementov ustnogo diskursa i ikh deshifrovka v semanticheskoi ekspertize / E.I. Galyashina // Russky yazyk: istoricheskaya sudba i sovremennost: VI Mezhdunarodny kongress mestnogo russkogo yazyka (Moskva, filologichesky fakultet MGU imeni

- M.V. Lomonosova, 20-23 March 2019): Trudy i materialy / Gen. ed. by M.L. Remnovaya and O.V. Kuskushkina. – Moscow: PH Moscow University, 2019. P. 315-316. (In Russ.).
4. Galyashina E.I., Nikishin V.D. Destruktivnoye rechevoye povedeniye v tsifrovoi srede: faktory, opredelyayushchiye negativnoye vozdeystviye na mirovozzreniye polzovatelya. Lex russica. 2021. №6 (175). P. 79-94 (In Russ.).
  5. Doronina S.V. «Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priyemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoi ekspertize tekstov po antikorrupsionnym delam / S.V. Doronina // Politicheskaya lingvistika, 2015. №3. P. 245-249 (In Russ.).
  6. Engalychev V.F. Yuridicheskaya psikholingvistika // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov / V.F. Engalychev, Ed. by. A.M. Stolyarenko, M: YUNITI-DANA, 2001. P. 399-406 (In Russ.).
  7. Zamyshevskaya E.A. Razrabotka metodicheskikh materialov po protivodeystviyu skulshutingu: Research Report: Moskovsky gosudarstvenny lingvisticheskiy universitet – Moscow, 2022. P. 30 (In Russ.).
  8. Zamyshevskaya E.A., Silantsev R.A. K otsenke effektivnosti mer profilaktiki skulshutinga v Rossiyskoi Federatsii // Vestnik MGLU. 2022. 12 p. (In Russ.).
  9. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. Skulshuting v Rossii: chto imeyet znacheniye? // Vlast. 2021. №1. P. 93-107 (In Russ.).
  10. Malyushina Yu.A., Shatilovich S.N., Fedorova O.B. Izucheniye psikhologicheskogo mekhanizma nasilstvennykh prestupleny kak odin iz aspektov profilaktiki skulshutinga // Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskiye nauki. 2021. №3. P. 86-97. (In Russ.).
  11. Mediatekst kak poliintentsionalnaya sistema: Sb. statei / Resp. ed. L.R. Duskayeva, N.S. Tsvetova. – Saint-Peterburg: S.-Peterb. gos. un-t., 2012. – 250 p. (In Russ.).
  12. Nikishin V.D. Kolumbayn (skulshuting): sushchnost, pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika // Lex russica. 2021. №11 (180). P. 62-76 (In Russ.).
  13. Plotnikov V.V., Samoilo S.F. Problema skulshutinga (kolumbayna) v rossiiskoi nauke // Obshchestvo i pravo. 2021. №2 (76). P. 163-168 (In Russ.).
  14. Raspopova S.S. Avtor mediateksta v usloviyakh novoi realnosti / S.S. Raspopova // Yezhegodnik. 2012. – Moscow: Faculty of Journalism MSU, 2012 (In Russ.).
  15. Raspopova S.S. Avtor kak realny chelovek i obraz avtora v mediatekste. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. V.4. № 2. P. 149-158 (In Russ.).
  16. Samosvat O.I., Brezhneva T.S., Shmeyerova E.R. Effektivnost blokirovki destruktivnykh grupp v sotsialnykh setyakh // Vestnik MGOU. 2020. №1. P. 109-121 (In Russ.).
  17. Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatelstv. P.I / Ed. by Cand. Techn. Sc. Yu.M. Dildin. Gen. ed. by Cand. Techn.Sc. V.V. Martynov. – M.: EKTS MVD Rossii, 2010. – 568 p. (In Russ.).
  18. Shmeleva T.V. Mediatekst: paradoksy avtorskogo nachala // Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskiy chteniye: mater. 51-i Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (19-20 April 2012) / Resp. ed.-col. S.G. Korkonosenko. – SPb, 2012. P. 265-267 (In Russ.).
  19. Shmeleva T.V. Zhanr v sovremennoi mediasfere // Zhanry rechi: sb. nauch. st. Iss. 8. Pamyati Sedova Konstantina Fodorovicha. Saratov; M.: Labirint, 2012. P. 26-37 (In Russ.).
  20. Langman P.A Guide to Insider References Used by School Shooters and Other Attackers [Electronic resource] // Access mode: https://schoolshooters.info/sites/default/files/insider_references_1.1.pdf (Application date: 29.04.2022).
  21. McCauley C., & Moskalenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action // Terrorism and Political Violence, 2014. 26 (1). P. 69-85.
  22. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. // Contagion in Mass Killings and School Shootings. PLoS One, 2015. 10(7). 12 p.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022

Х.Т. Махмудова

ЗНАЧЕНИЕ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНТЕРНЕТЕ КАК ФАКТОРА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с агрессивностью поведения несовершеннолетних в интернете как фактора девиантного поведения. Характер проявления агрессии несовершеннолетних характеризуется высоким уровнем тревожности и склонности к девиантному поведению. Актуальность данной темы связана с тем, что увеличивается количество несовершеннолетних, которые совершают действия криминального характера, обусловленные их поведением в интернете. Увеличивается число преступлений, совершенных несовершеннолетними, под влиянием агрессивных, импульсивных поведенческих реакций. Предметом рассматриваемых обстоятельств являются причинно-следственные связи между механизмами усвоения и закрепления агрессии и условиями её проявления в интернете. Также имеет значение рассмотрение вопросов, связанных с индивидуальными особенностями несовершеннолетних, так и особенностями проявления агрессивности. Главными факторами в изучении данной темы является учёт различных причин, обуславливающих проявления девиантного поведения в интернете на фоне как внутренних, так и внешних факторов. Данные варианты оказывают непосредственное влияние на формирование и закрепление агрессивных форм поведения несовершеннолетнего. Анализ специальной литературы показал, что существует большое множество направлений, трактующих природу происхождения агрессии, так или иначе связанного с коммуникативной средой интернета.

Ключевые слова: агрессия; несовершеннолетние; поведение; агрессивность; импульсивная реакция; девиантное поведение; индивидуальные особенности.

В истории человечества проблема агрессии была осмыслена деятелями науки, культуры, философии различных стран и разного времени как одна из форм проявления, изменения и деградации психически-духовной структуры личности. Не вникая в её физиологическую, генетическую, историческую и патологическую сущность, связанную с различными градациями и особенностями проявления, она была охарактеризована как нарушение только социально-этической нормы человеческого бытия.

Проблема агрессии наиболее интенсивно стала разрабатываться в науке со 2-й половины XX в. Появились теория влечения З. Фрейда, фрустрационная теория агрессии и теория агрессивного влечения Дж. Долларда, теория социального научения А. Басс и Л. Берковиц и др. В трудах К. Лоренца, Н. Тинбергена и др. стали появляться исследовательские композиции в контексте агрессивности человека [3, с. 59-73].

В работе «Об агрессии» (1966) австрийский психолог и социолог К. Лоренц представил свои положения о врожденном характере агрессивности, также применил эволюционный тезис Ч. Дарвина о том, что агрессия внутри видов обеспечила самым сильным животным репродуктивный процесс [2, р. 53].

Агрессия – специальная форма поведения человека и животных, направленная на другие объекты и имеющая цель причинить им вред. Однако агрессивность сама по себе может быть

по структуре и содержанию различной и нести в себе противоположные по смыслу психологические мотивации. Так, Э. Фромм описывал «доброкачественную агрессию», то есть обусловленную самообороной, ответной реакцией на угрозу. S. Shwab и соавторы рассматривали агрессивные действия как специфически ориентированное поведение, направленное на устранение (преодоление) всего того, что угрожает физической или психической целостности организма [8, с. 4-5].

Г. Аммон описывал конструктивную агрессию, как социально приемлемое проявление агрессии в виде способности индивида противостоять вредным для него воздействиям [1, с. 38-44].

Фундаментальные исследования «защитных механизмов» личности стали предметом живейшего интереса, который базировался на концепциях Анны Фрейд («Я и защитные механизмы») [15, с. 166]. Можно предположить, что авторы указывали на неоднозначный характер генеза агрессивных действий и рассматривали данную разновидность человеческого поведения через призму смягчающих вину субъекта обстоятельств.

По мнению Л. Берковиц, «особенно важно различать понятия «гнев» и «агрессия». В случае агрессии мы имеем дело с действием, направленным на достижение определенной цели: причинить ущерб другому лицу. Напротив, гнев вовсе

не обязательно имеет какую-то конкретную цель, но означает определенное эмоциональное состояние. Это состояние в значительной степени порождается внутренними физиологическими реакциями и произвольной эмоциональной экспрессией, обусловленной неблагоприятными событиями; моторными реакциями и так далее; определенную роль, вероятно, играют также возникающие при этом мысли и воспоминания. Все эти сенсорные потоки комбинируются в сознании личности в переживании «гнева» [3, с. 59-73].

В связи с изложенным следует отметить, что сам по себе гнев, как состояние эмоциональное, не является пусковым механизмом для агрессии, но обуславливает побуждение к нападению на жертву. Эмоциональные переживания отличаются от агрессии, которые запускаются внутренней стимуляцией. И в данном случае в цепочке исследуемых феноменов часто действие является результатом побуждения, а побуждение обусловлено неприятным событием. Таким образом, агрессивное побуждение часто запускает механизм гневливости, но при этом, не является прямой причиной гнева.

Согласно А. Налчаджян, поскольку гнев входит в состав враждебного комплекса, то этот факт не может не оказывать влияния на поведение человека в целом. Сам по себе гнев не направлен на достижение цели и служит реализацией конкретного намерения в конкретной ситуации. По мнению автора, гнев усиливает агрессию и снабжает агрессивные действия дополнительной энергией, в связи с чем эти действия становятся разрушительными [15, с. 82].

В рамках исследовательской концепции К. Изарда прослеживаются отличительные характеристики «гнева–отвращения–презрения». Причиной гнева автор считает «чувство физического или психологического препятствия чему-то, что мы хотим сделать» [12, с. 295]. Автор также поднимает вопрос о зависимости уровня развития причин гнева от индивидуальных черт личности, при этом, согласно К. Изарду низкий уровень гнева можно подавлять в течение длительного времени, что сопряжено с известным вредом для здоровья и с риском предельной взрывной гневливости. Интересную, с нашей точки зрения, взаимосвязь между «гневом», «страхом» и «презрением» продемонстрировал в своём исследовательском опыте автор, который обозначил совокупность отмеченных понятий в «триаду враждебности».

Феномен агрессии находит своё определение в перспективе в трудах Р. Бэрона и Д. Ричардсона. Из определения этого

феномена свидетельствуется, что «агрессия – это любое поведение, направленное на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [4, с. 26]. При этом авторы определяют, что характерной особенностью поведения агрессора является попытка вызвать наибольший вред объекту агрессии.

Различия феноменов понятия «агрессивность» и «агрессия» было рассмотрено А. Ратиновым, который считал, что агрессивность – это свойство личности, личностной позиции, которая проявляется в деструктивных тенденциях в сфере межличностных отношений. Агрессия по мнению автора, понимается как проявление агрессивности в деструктивных действиях [16, с. 67-86].

Подтверждая теорию А.Р. Ратинова, А. Реан определил агрессию, как действие (поведение), в то время как агрессивность выступает свойством личности, которое выражается в готовности к агрессивным действиям. В рамках изложенного автор выделил два важных аргумента: первое – не все агрессивные действия обусловлены агрессивностью личности; и второе, человек может быть агрессивным даже не проявляя агрессии [17, с. 3-18].

В трудах американского социального психолога Джона Долларда (1900-1980) прослеживается значимость психологического объяснения причин агрессии и насилия, как связанная с теорией фрустрации-агрессии. Ещё З. Фрейд в своих ранних работах предполагал, что агрессивное поведение связано с фрустрацией и обуславливал её естественной реакцией на ограничения, которые навязываются индивиду извне. Данное понятие «фрустрация-агрессия» получило дальнейшее развитие в трудах Д. Долларда, А. Бандуры, Ричарда Х. Уолтерса и других исследователей. То, что предполагал Доллард, понимается как блокирование целенаправленного поведения при возникновении стрессогенных обстоятельств. «Фрустрация всегда ведет к какому-нибудь проявлению агрессии», – утверждал Доллард [19, с. 490].

Рассматривая агрессивные поведенческие установки личностей в криминальных обстоятельствах, Ф.С. Сафуанов выделяет ряд важных психологических механизмов криминальной агрессии [20, с. 112-147].

Изучение совокупности вышеотмеченных исследовательских позиции учёных приводят к мнению о том, что криминальная агрессия молодёжи и подростков может проходить по всем выделенным Ф.С. Сафуановым параметрам. В тоже время нельзя не отметить, что

агрессивные преступления среди подростков и молодёжи нередко обусловлены влиянием группы. При этом, криминальная ситуация возникает при воздействии злоупотребления психоактивных веществ (алкоголь, наркотики, нейролептики), что является основой агрессивных преступлений.

В настоящее время проблема, связанная с агрессивностью с учётом девиантного поведения несовершеннолетних является одной из самых значительных в современной психологии. Практика и наблюдение показывают, что за последнее десятилетие во всем мире отмечается рост агрессивных действий среди подростков. Проблема обострилась коммуникативным поведением молодёжи в интернете, через который идет проникновение психоделических музыкальных направлений, агрессивных и пронизанных эротикой детективов, боевиков, фильмов ужасов и т.п. Крайне опасным является формирование отношение к женщине не как к человеку, а как к объекту насилия и утех.

Особенности психологического возраста несовершеннолетних обусловлены: нестабильностью эмоционально-волевых функций, склонностью к самоутверждению, негативизму, упрямству, самостоятельности и индивидуальности. При этом, следует учитывать возможности возникновения акцентуаций характера и дезадаптивных форм поведения, где отражается формирование собственных взглядов, наличие высокой внушаемости по отношению к сверстникам, появлением сексуальных влечений к противоположному полу, формирование самосознания и эгоцентричности, склонности к риску, агрессивности как средств самоутверждения [14, с. 62-64].

Важнейшей особенностью поведения несовершеннолетних, как общим следствием подростковой девиации следует рассматривать причинах социогенеза, где формируется несовершеннолетний формируется как личность. Е.В. Гребенкин выделяет ряд причин, провоцирующие детскую и подростковую агрессию [6, с. 15-16].

Анализ научных исследований показывает, что отклоняющееся поведение, основой которого выступает агрессивность личности, является очень широким по спектру своего проявления у детей и молодёжи. Данные факты выражаются:

- моральное унижение других людей (словесные оскорбления, угрозы, преследование, запугивание), провокации конфликтов;
- физическое насилие (намеренные побои, шлепки, толчки, драки, в том числе массовые);

– жестокость по отношению к животным (пытки, умерщвление, издевательства), экоцид (нанесение намеренного вреда объектам природы);

– вандализм (порча имущества, разрушение памятников архитектуры, произведений искусства и др.);

– воровство, вымогательство, другие действия, причиняющие имущественный ущерб жертве агрессора.

В последнее время в Узбекистане стал формироваться подход к изучению агрессивного поведения несовершеннолетних обучающихся, так или иначе связанного со средой интернет. В данном контексте проявляется фактор буллинга, то есть систематическое, длительное преследование агрессором (буллерами) жертвы, что имеет особое значение.

Буллинг разделяется в своих проявлениях на:

– *физический буллинг* (умышленные толчки, удары, пинки, побои, нанесение иных телесных повреждений, действия сексуального характера и др.);

– *психологический буллинг* (словесные оскорбления, угрозы, запугивание, обзывание, дразнение, распространение обидных слухов, обидные жесты, изоляция, вымогательство (денег, еды, иных вещей, принуждение что-либо украсть); действия с имуществом (воровство, прятанье или порча личных вещей жертвы);

– *кибербуллинг* (постоянное унижение, травля в виртуальном пространстве).

Отсюда следует, что на сегодняшний день современная социально-экономическая ситуация резко обострили проблемы, связанные с коррекцией девиантного поведения, как у несовершеннолетних, так и взрослых. Изменения, происходящие в нашем обществе, практически разрушили ранее существовавшие представления о норме в поведении. Данная ситуация несомненно приведет без решения этих проблем ситуации, который подростковая девиантность станет проблемой злободневной.

По мнению Я.И. Гилинского, социальная девиация, т.е. девиантность: «это социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» [7, с. 28].

Рассматривая вопрос с психологической точки зрения, особое значение имеют представления Эриксона о том, что многие подростки испытывают кризис идентичности на стадии

несовершеннолетия, в возрасте 12-16 лет. Этот кризис проявляется в том, что подросток пока ещё не может адекватно идентифицировать свою личность, определить своё «Я», понять «кто он есть, и для чего он, что-то делает». Поэтому с учётом подросткового возраста, где имеет место быть эмоционально-волевая нестабильность, склонность к подражаниям, импульсивности необходимо рассматривать поведенческие установки детей как феномен неопределённости и неспособности в полной мере ориентироваться в окружающей среде. Многие исследования показывают, что ребёнок переживший условия тяжелого быта, взаимоотношения в семье, как правило испытывает фрустрацию, которая предопределена развитием кризиса в его состоянии. Такие дети часто становятся эмоционально неустойчивыми, неприспособленными к жизни, и не имеющими собственных тенденций к самодостаточности. И в этом заключается суть проявления у несовершеннолетних девиантного поведения в виде агрессивности, неуравновешенности и эгоцентричности. Соответственно, у таких детей нарушается идентичность, т.е. возникает кризис, в рамках которого дети отступают от социального пути и попадают под дурное влияние окружающих [18, с. 316-374].

На сегодняшний день в Узбекистане среди подростков превалирующую роль имеют такие формы поведения, как хулиганство, кражи, психологическое насилие, в виде кибербуллинга и развратные действия сексуального характера и т.д. В данном случае именно среди подростков возрастает вид агрессии как кибербуллинг, который осуществляется через использования интернет-технологии. Исследования показывают, что скорость распространения негативной информации в социальных сетях превышает скорость распространения позитивной информации [21, с. 215-219].

Травля по социальным сетям обычно нервнрует жертву, поскольку часто скрывается адресат. И следовательно, в данном случае происходит затруднение выявить личность преследуемого лица. Жертвы кибербуллинга в данном случае могут впасть в состояние страха, тревоги и дистресса. В данном случае в группу риска попадают подростки, которые отличаются неопределёнными жизненными ценностями, неустойчивой самооценкой. В последствии они могут попадать в различные эмоциональные состояния как: депрессия, эмоциональная нестабильность, различные психологические переживания, и иногда склонностью к самоубийству [5, с. 177-191; 9, с. 43-50].

Отклоняющееся поведение у несовершеннолетних является разнообразным, и в данном случае следует учитывать при анализе такого поведения социум, этнокультуру и особенности менталитета народа, где проживает подросток. Как известно в психологии, у каждого человека есть индивидуальные особенности и соответственно, каждый конкретный случай отклоняющегося поведения оказывается индивидуально окрашенным и неповторимым.

Таким образом, девиантное поведение нельзя считать только результатом социальных процессов (хотя и без этого не формируется особенность человека), но и является сложным процессом взаимоотношений между обществом и конкретной личностью. В данном контексте следует в первую очередь нужно обращать внимание на индивидуальные особенности человека, который попал в определенные обстоятельства, среди которых важное место занимают такие мотивационные тенденции, как желание выглядеть в наилучшем свете, показать свою значимость, угождать кому либо, с учётом ведомости, неуверенности, заниженной самооценки. И следовательно, данные обстоятельства могут провоцировать отклоняющееся поведение, «поиск пределов допустимого», что оказывает негативное воздействие на самосознание и порождает неадекватность самооценки, с провокацией конфликта с окружающими.

Практика показывает, что девиантному поведению несовершеннолетних может способствовать их участие в неформальных молодёжных группах. В тоже время необходимо отметить о негативном влиянии средств массовой информации на пропаганду сексуальной распущенности среди молодёжи, которая является также элементом девиантного поведения.

Как известно, в возрасте несовершеннолетних доминирующую роль играет самоутверждение и роль друзей, где большое значение имеет их мнение. Этим обуславливается престижность группы, в которой находится подросток, где у него формируются авторитеты, мнения которых становится выше, чем мнение родителей и учителей. В данном случае у несовершеннолетних возникают своеобразные социально-психологические феномены: психическая индукция, внушаемость, мнение, слухи, подражание и т.д.

Таким образом, группа сверстников для подростка является той непосредственной микросоциальной средой, без которой он не может обойтись. В группе равных по социальному статусу подростки находят эмоциональный настоящий контакт и понимание, потому что их

волнуют одни и те же интересы, они воплощены схожими эмоциональными и аналогичными установками. Рядом друг с другом несовершеннолетние самоутверждаются в своих личностных качествах, в эффективности своей деятельности перед себе подобными.

Примером может служить следующие обстоятельства: из материалов уголовного дела известно, что с 17 сентября по 30 сентября 2021 года несовершеннолетние: М.М., 2007 г.р., Д.Р., 2006 г.р. и А.У., 2007 г.р. находясь на чердаке дома, совершили развратные действия с несовершеннолетней Х.М., 2009 г.р. При этом, они угрожали ей распространением в интернете фото- и видеоматериалов, где в непристойной форме представлена Х.М.

В отношении несовершеннолетних обвиняемых была назначена судебная психологическая экспертиза.

В отношении несовершеннолетних подозреваемых экспертное исследование проводилось в соответствии с рекомендациями по выбору психодиагностического инструментария судебной психологической экспертизы [9; 10].

Из материалов уголовного дела усматривается, что несовершеннолетний М.М., 2007 г.р. из полной семьи, отношения ребёнка с родителями были удовлетворительные. Отец ребёнка являлся отчимом. В школе учился на хорошо. В детстве серьезно ничем не болел, рос и развивался в соответствии с возрастом. Настоящие родители развелись, когда ему было 5 лет. Он остался проживать с мамой. Развод родителей перенес тяжело, изменился в характере, стал капризным и неуправляемым (из показаний матери). Мать вышла замуж, когда ему было 6 лет. Когда в семье появился ещё один ребёнок, т.е. сестра, М.М. немного успокоился и изменился в характере в положительную сторону. Однако, его отношение с отчимом не складывались.

Из школьной характеристики усматривается, что мальчик регулярно посещал школу, несмотря на хорошие оценки, интереса к учебе не проявлял. В поведенческих особенностях наблюдались демонстративность, манерность, некоторое непослушание негативного плана.

Во время беседы, со слов мальчика, отчима никогда не любил, у них происходили частые разногласия, хотя отчим всегда хотел угодить ему. Несмотря на то, что он живет с 6 лет с отчимом, его он не воспринял как родного человека, где происходили частые ссоры в семье по поводу требований отчима. При этом, ребёнок со своим биологическим отцом никогда не виделся и не общался.

По данным экспериментально-психологического исследования у несовершеннолетнего М.М. выявляется достаточный для его возраста уровень общеобразовательных знаний и сведений. Объём кратковременной памяти не высокий, уровень оперативной памяти в пределах нормы, опосредованное запоминание способствует лучшему воспроизведению материала. В целом, произвольное внимание в пределах нормы: достаточно по объёму и концентрации, распределяемо и переключается, устойчиво. Вербальный интеллект соответственно возрасту, понятийное и наглядно-образное мышление развиты, умеет обобщать с опорой на основной признак предмета, правильно подбирает обобщающие понятия, делает умозаключения. При анализе смыслового материала правильно выделяет существенные и несущественные признаки предметов, ориентируется на практическое, функциональное их значение, устанавливает простые и сложные аналогии. Отмечается достаточный уровень общего интеллекта.

Также у М.М. были обнаружены такие черты характера как: высокий уровень тревоги и агрессивности (ИТДО), эмоциональной нестабильности, при этом выявляется склонность к лидерству, с демонстративными проявлениями (опросник Леонгарда-Шмишека). Результаты теста «Склонности к отклоняющему поведению» (А.Н. Орел) выявили высокие показатели по шкале склонности к агрессии и насилию.

Д.Р., 2006 г.р. и А.У., 2007 г.р. не из полной семьи, оба ребёнка проживали с матерью и являлись первенцами в семье. У Д.Р., 2006 г.р. отец умер, когда ему было 3 года. У А.У., 2007 г.р., родители развелись, когда ему было 6 лет. В детстве серьезно ничем не болели, росли и развивались в соответствии с возрастом. Из школьной характеристики усматривалось, что оба ребёнка плохо учились, пропускали уроки, часто входили в конфликтные отношения как со сверстниками, так и учителями.

Во время экспертной беседы выявляются схожие манеры поведения, суждения примитивного плана, где наблюдалось отсутствие самостоятельности, целенаправленности и полная зависимость от внешних влияний. По поводу криминального инцидента сообщили, что поддались провокациям М.М., который внушил им действия криминального характера. М.М. говорил им, что девочка пойдет на всё ради «конфет» и «шоколада».

Подэкспертные во время экспертного исследования были очень внушаемые, слабовольные, легко соглашались на взаимно с экспертом противоречащие высказывания, вполне

доступные им по интеллекту. Наблюдалось сочетание инфантильности эмоционально-волевой сферы с инфантильностью личностной структуры.

Согласно результатам психодиагностических исследований познавательной структуры испытуемых, было выявлено некоторое снижение логики мышления в виде склонности к конкретике, недостаточности абстрагирования, искаженному восприятию объективной реальности, – на фоне социально педагогической запущенности. В поведенческих установках прослеживались: «тревожно-неуравновешенная» акцентуация (опросник Леонгарда-Шмишека), высокий уровень агрессивности и спонтанности (ИТДО) и слабый волевой контроль эмоциональных реакций, со склонностью к деликвентному поведению (Склонности к отклоняющему поведению, А.Н. Орел).

Выявленные экспертные исследования, с учётом материалов уголовного дела, позволили эксперту-психологу определить степень участия в криминальных обстоятельствах каждого из трех подозреваемых. В данной ситуации М.М. являлся организатором этого преступления, с учётом своих интеллектуальных возможностей, который в момент задержания несовершеннолетних отсутствовал. Оба обвиняемых Д.Р. и А.У. признавали свою вину, примитивно объясняя своё поведение тем обстоятельством, что М.М. им сказал, что в этом ничего страшного нет и они могут хорошо поразвлечься.

Анализ криминальной ситуации показал, что несовершеннолетние дети поддались влиянию лидера и действовали беспечно и самоуверенно, проявляя агрессию в отношении потерпевшей. Результаты экспертного исследования показали схожие типы поведения у трех обвиняемых в виде: высокого уровня тревожности, агрессивности и склонности к девиантному поведению. Интеллектуальные возможности несовершеннолетних Д.Р. и А.У. не позволяли им

в полной мере понимать значение совершаемых ими криминальных действий в соответствии с их психологической инфантильностью, – на фоне девиантного поведения. Одновременно было выявлено пагубное влияние криминальной информации, полученной подростками из интернета, где непрерывно увеличивается поток контента агрессивно-сексуального характера.

Таким образом, анализ научных данных, а также результатов экспертного исследования показали, что агрессивность несовершеннолетних определяется их поведенческими особенностями, а также личностными характеристиками, сформированными в ходе жизни этих несовершеннолетних. Формирование агрессивности в данном возрасте обусловлено некоторыми причинами, среди которых можно выделить: психобиологические, психологические, а также социальные факторы, включая макро- и микросреду, особенно среду интернет. Самое главное, что агрессивность в поведении несовершеннолетних определяется тем, как их воспитывают и как они социализируются. Одним из ведущих факторов, сформировавших агрессивное поведение подэкспертных, оказалась информация, полученная ими из интернета, побуждающая их относиться к представителям женского пола как к объектам получения удовольствия и юношеского самоутверждения. Поиск жертвы, слабого в психологического и социального плане, тоже был подсказан сюжетами, почерпнутыми из интернета, т.к. в образовательной и социальной среде Узбекистана такое поведение считается совершенно недопустимым и преследуется по закону. В республике эксперты-психологи совместно с юристами и педагогами постоянно совершенствуют свою научную и практическую деятельность по выявлению и предупреждению агрессивного поведения несовершеннолетних, обусловленного их поведением в среде интернет, по борьбе с уже, к сожалению, совершенными криминальными событиями.

Список литературы:

1. Аммон, Г. Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психической и соматической патологии / Г. Аммон. – Ленинград, 1990. – С. 38-44.
2. Akers, R. Criminological theories: introduction and evaluation / R. Akers. – 2 nd. – Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. – P. 53.
3. Berkowitz, L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation / L. Berkowitz // Psychological Bulletin. – 1989. – № 106. – S. 59-73.
4. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 352 с.
5. Бочавер, А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т.11. – № 1. – С. 177-191.
6. Гребенкин, Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе / Е.В. Гребенкин. – Ростов-на-Дону, 2006. – 157 с.

7. Гишинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гишинский. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 28.
8. Дмитриева, Т.Е. Психопатологические и криминологические аспекты агрессивного поведения лиц с психическими расстройствами / Т.Е. Дмитриева, Ю.М. Антонян, В.В. Горинов, Б.В. Шостакович // Российский психиатрический журнал. – 1999. – № 4. – С. 4-5.
9. Енгальчев, В.Ф. Психодиагностический инструментарий судебного психолога-эксперта. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Книга 1. Изучение психических свойств и состояний личности / В.Ф. Енгальчев, Д.С. Чижова. – Москва: РУСАКИ, 2003. – 152 с.
10. Енгальчев, В.Ф. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе. Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений / В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. – 2-е изд., испр. и доп. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. – 390 с.
11. Ефимова, Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред / Е.С. Ефимова // Успехи в химии и химической технологии. – 2014. – Том XXVIII, № 7. – С. 43-50.
12. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. – Москва, 1980. – С. 295.
13. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения: Учеб. пособие для вузов / Ю.А. Клейберг. – Москва: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М» 2001. – 160 с.
14. Клейберг, Ю.А. Психологические основы девиантного поведения подростков / Ю.А. Клейберг // Девиантология: Хрестоматия / авт.-сост. Ю. А. Клейберг. – Санкт-Петербург: Речь, 2007. – С. 62-64.
15. Налчаджян, А. Агрессивность человека / А. Налчаджян. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 82, 166.
16. Ратинов, А.Р. К ядру личности преступника / А.Р. Ратинов // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. – Москва: Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1981. – С. 67-86.
17. Реан, А.А. Агрессия и агрессивность личности / А.А. Реан // Психол. журн. – 1996. – Т. 17. – № 5. – С. 3-18.
18. Райгородский, Д.Я. Теории личности в западно-европейской и американской психологии: хрестоматия по психологии личности / Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1996. – С. 316-374.
19. Росс, Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт; пер. с англ. В.В. Румынского; под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. – Москва: Аспект Пресс, 1999. – С. 490.
20. Сафуанов, Ф.С. Психология криминальной агрессии / Ф.С. Сафуанов. – Москва: Смысл, 2003. – 300 с.
21. Сашенков, С.А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних / С.А. Сашенков // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – №3. – С. 215-219.

Kh.T. Makhmudova

SIGNIFICANCE OF MINORS' AGGRESSIVE BEHAVIOUR ON INTERNET AS FACTOR OF DEVIANT BEHAVIOR

Abstract: The article deals with the problems associated with the aggressive behavior of minors as a factor in deviant behaviour. The nature of the manifestation of minors' aggression is characterized by a high level of anxiety and a tendency to deviant behaviour. The relevance of this topic is due to the fact that the number of minors who commit acts of criminal nature, resulting from their behaviour on the Internet, is increasing. And also there increased cases of crimes committed by minors, under the influence of aggressive, impulsive behavioral reactions. The subject of the circumstances under consideration are causal relationships between the mechanisms of assimilation and consolidation of aggression and the conditions for its manifestation. It is also important to consider issues related to the individual characteristics of minors, as well as the characteristics of the manifestation of aggressiveness. The main factors in the study of this issue is the consideration of various causes that determine the manifestations of deviant behaviour on the Internet against the background of both internal and external parameters. These options have a direct impact on the formation and consolidation of aggressive forms of a minor's behavior. The analysis of the special literature

showed that there is a large number of directions that interprets the nature of the aggression origin, connected with the Internet communication environment.

Key words: aggression; minors; behaviour; aggressiveness; impulsive reaction; deviant behaviour; individual characteristics.

References:

1. Ammon G. Psikhologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni pri nervno-psikhicheskoi i somaticheskoi patologii. – L., 1990. – P. 38-44.
2. Akers R. criminological theories: introduction and evaluation. 2 nd. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 53.
3. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. – 1989. – № 106. – P. 59-73.
4. Beron R.D. Richardson. Agressiya. – SPb.: Piter, 2014. – 352 p.
5. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnology // Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki. – M.: 2014. V.11. № 1. – 177-191 p.
6. Grebenkin E.V. Profilaktika agressii i nasiliya v shkole. – Rostov na Donu, 2006. – 157 p.
7. Gilinsky Ya.I. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh «otkloneny». 2-e ed., corr. and add. – SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridichesky tsentr Press», 2007. – P. 28.
8. Dmitrieva T.E., Antonyan Yu.M., Gorinov V.V., Shostakovich B.V. Psikhopatologicheskiye i kriminologicheskiye aspekty agressivnogo povedeniya lits s psikhicheskimi rasstroistvami // Rossiisky psikhiatrichesky zhurnal. – M., 1999. – № 4. – P. 4-5.
9. Engalychev V.F., Chizhova D.S. Psikhodiagnostichesky instrumentary sudebnogo psikhologa-eksperta // Uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeny. Kniga 1. Izucheniye psikhicheskikh svoystv i sostoyaniy lichnosti. M: RUSAKI, 2003. 152 p.
10. Engalychev V.F., Shipshin S.S. Psikhodiagnosticheskiye metody issledovaniya v sudebno-psikhologicheskoi ekspertize // Uchebnoye posobiye dlya studentov fakul'tetov psikhologii vysshikh uchebnykh zavedeny. 2-e ed., corr. and add. – Kaluga: KSU named after K.E. Tsiolkovskiy, 2013. – 390 p.
11. Efimova E.S. Kiberbulling kak problema psikhopedagogiki virtualnykh sred // Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii. 2014, volume XXVIII, № 7 Russian Chemical-Technological university named after D.I. Mendeleev, Moscow. – P. 43-50.
12. Izard K. Emotsii cheloveka. – M., 1980. – P. 295.
13. Kleiberg Yu.A. Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Ucheb. posobiye dlya vuzov. – M.: TC Sfera, pri uchastii «Yurijt-M» 2001. –160 p.
14. Kleiberg Yu. A. Psikhologicheskiye osnovy deviantnogo povedeniya podrostkov // Deviantologiya: Khrestomatiya; author-coll. Yu. A. Kleiberg. – SPb.: Rech, 2007. – P. 62-64.
15. Nalchadzhyan A. Agressivnost cheloveka. – SPb., 2007. – P. 82, 166.
16. Ratinov, A.R. K yadru lichnosti prestupnika / A.R. Ratinov // Aktualnye problemy ugolovnogo prava i kriminologii. – M.: PH Vsesoyuz. in-ta po izucheniyu prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1981. – P. 67-86.
17. Rean, A.A. Agressiya i agressivnost lichnosti / A.A. Rean // Psikhol. zhurn. – 1996. – V. 17. – № 5. – P. 3-18.
18. Raigorodskiy D.Ya. Teorii lichnosti v zapadno-evropeiskoi i amerikanskoi psikhologii: khrestomatiya po psikhologii lichnosti. – Samara: PH «Bakhray», 1996. – P. 316-374.
19. Ross L., Nisbett R. Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsialnoi psikhologii / tr. from English by V.V. Rumynskiy; Ed. by E.N. Emelyanov, V.S. Magun. – M.: Aspekt Press, 1999. – P. 490.
20. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminalnoi agressii. – M.: Smysl, 2003. – 300 p.
21. Sashenkov S.A. Kriminogennoye vliyaniye sotsialnykh setei na nesovershennoletnikh // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – №3. – 2015. – P. 215-219.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

УДК 316.346.32-053.6:316.772.5
УДК 347.157.1:343.137.5

DOI 10.54072/26586568_2022_5_2_56

Д.А. Абакумов, О.С. Бочарова

ЗАВИСИМОСТЬ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ПОКОЛЕНИЯ Z ОТ ИХ МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ

Аннотация. Цель статьи – выявление зависимости правового и противоправного поведения подростков от их медийно-информационной грамотности. Статья посвящена исследованию сущности медийно-информационной грамотности подростков поколения Z, выявлению основных факторов, влияющих на формирование медийно-информационной грамотности и определению роли критического мышления в повышении уровня её развития. Знание поведения подростков поколения Z в медиапространстве позволяет понять и спрогнозировать их действия и поступки в реальной жизни, определить их медийно-информационную грамотность, детерминирующую правовое поведение. Основой исследования является изучение факторов, влияющих на формирование медийно-информационной грамотности и правового поведения современных подростков.

Ключевые слова: информационное пространство; цифровое поколение; медийно-информационная грамотность; медиапространство; критическое мышление; правовое поведение; несовершеннолетние; кибер-угрозы.

Введение. Поколение современных молодых людей называют цифровым поколением или поколением Z за особое отношение к информации, к приобретению знаний и умений, выстраиванию межличностных и социальных отношений. Молодые люди поколения Z формировались как личности, активно присутствуя в сети Интернет, проводя в виртуальном мире большую часть своего свободного времени, что не могло не сказаться на их поведении, в том числе и правовом.

Но такое постоянное присутствие в Интернете не только формирует взгляды и поведение подростков поколения Z, но и позволяет социологам, психологам и юристам изучать их пристрастия и поведенческие характеристики, реализацию ими своих социальных статусов и социальных ролей которые важны для понимания их медийно-информационной грамотности. Социум современного подростка из реального мира плавно перемещается в мир виртуальный, что меняет их правовые и нравственные ориентиры – то, что невозможно совершить в реальном мире, легко воплощается в виртуальном, то, за что следует наказание в реальном мире, может остаться безнаказанным.

Современную подростковую субкультуру невозможно представить без информационно-компьютерных технологий, которые оказывают на неё существенное влияние. Многие авторы подмечают, что «этих условиях конструируется

«новая мораль», трансформируются ценностные ориентации и базовые потребности, происходит трансформация традиционных институтов социализации ребёнка... Интернет – особое культурное пространство, не похожее ни на одно другое, способствующее удовлетворению множества потребностей подростков, с огромными возможностями для взаимодействия с ними, но являющееся сегодня не только слабо используемым, но и малоизученным» [1].

В мире высоких технологий информационное пространство нередко становится источником серьёзных угроз для подростков из-за размывания границ между правовым и противоправным поведением.

К наиболее опасным угрозам, исходящим из Интернета в отношении подростков, традиционно относят: вовлечение в экстремистскую и террористическую деятельность; кибербуллинг, включая киберсталкинг, фрейпинг, диссинг, кетфишинг, троллинг; пропаганду и поддержку скулшутинга, насилия в учебных заведениях, склонение к суициду и вовлечение в занятия, опасные для жизни и здоровья, пропаганду криминальной идеологии, посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних, вовлечение их в изготовление порнографических материалов, в наркобизнес и наркопотребление, совершение мошеннических действий.

Знание онлайн-поведения подростков

поколения Z позволяет понять и спрогнозировать их действия в виртуальном пространстве, определить их медийно-информационную грамотность, детерминирующую правовое и противоправное поведение. Поскольку психика подростков ещё недостаточно устойчива, они, являясь наиболее активными пользователями Интернета, одновременно и самые уязвимые с точки зрения информационного воздействия, которое имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Целью исследования является изучение факторов, влияющих на формирование медийно-информационной грамотности и правового поведения современных подростков поколения Z.

Основным методом является метод сравнительного анализа.

Результаты и дискуссия. Цифровое поколение обладает высоким уровнем технологической грамотности, подростки отлично ориентируются в Интернете, имеют хорошие навыки формирования и фильтрации контента [3]. Современные подростки вовлечены в происходящее вокруг намного больше, чем предыдущие поколения молодых людей, у них гораздо больше возможностей постоянно находиться в центре событий и информационных потоков благодаря широкому распространению социальных сетей. При этом подростки подвергаются сильному прессингу в виртуальном пространстве и нередко становятся мишенью агрессивного воздействия и манипулирования. С учётом того, что уровень неуверенности и тревожности современных подростков в нашем обществе относительно высок, они нередко становятся легкой добычей для злоумышленников [2]. Не все подростки способны защититься от потока негативной информации, в том числе по причине дефицита необходимых знаний. По оценкам экспертов лишь 23% подростков понимают содержание понятий «информационная грамотность» и «медиаграмотность», а 67% не знают, о чём речь [6]. СМИ и социальные сети являются не только носителем информации, точнее её носителем, но и мощнейшим аппаратом манипуляционного действия. Девальвируются и высмеиваются нравственные ценности, происходит потеря института семьи, наблюдается интеллектуальное растрепывание посредством подмены образов: «убийство во имя справедливости», «отмщение во имя дружбы». Взрослые отстают от медийно-информационной грамотности современных подростков, не подозревая, какой опасности они подвергаются.

Здесь уместно обратиться к терминологии,

применяемой в научной литературе, посвященной проблематике медийно-информационной грамотности. Медийно-информационная грамотность представляет собой комплексное понятие, предложенное ЮНЕСКО в 2007 г. и охватывает все компетенции, связанные с информационной грамотностью и медиаграмотностью, включая также цифровую или технологическую грамотность. Специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры определяет медийно-информационную грамотность как «...совокупность знаний, навыков, установок, компетенций и практик, которые позволяют обеспечить эффективный доступ, анализ, критическую оценку, интерпретацию, использование, создание и распространение информации и медийных продуктов с использованием всех необходимых средств и инструментов на творческой, законной и этичной основе. Она является неотъемлемой частью т.н. «навыков XXI века», или «мягких» навыков» [11].

Проблеме правового воспитания несовершеннолетних в аспекте предупреждения преступлений, совершаемых данной категорией лиц, уделяется особое внимание во всём мире. В Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности несовершеннолетних, принятых в Эр-Рияде в 1990 г., указывается: «Участвуя в законной, социально-полезной деятельности и вырабатывая гуманистический взгляд на общество и жизнь, молодёжь может быть воспитана на принципах, не допускающих преступную деятельность. Для того чтобы предупреждение преступности среди несовершеннолетних было эффективным, необходимы усилия всего общества в целом в целях обеспечения гармоничного развития подростков при уважении к их личности и поощрении её развития с раннего детства» [13, 5].

Правовое поведение неразрывно связано с правосознанием, и многие ученые увязывают правосознание человека с нравственными чертами в единстве правовых и моральных оценок. Они придерживаются мнения, что правосознание расширяет кругозор социальных знаний человека, содействует осмыслению сущности и модели общества. И отклонение от норм правосознания во многом зависит от ряда причин, среди которых большое значение имеет влияние отрицательных факторов на формирование личности, во избежание которых человеку необходимо привить правовые знания, опыт правового общения, привить адекватную и гармоничную позицию по отношению к праву и закону. Значительное влияние на процесс становления правового сознания оказывают повседневные

факторы. Правосознание подростков формируется именно под влиянием окружающей его среды, под влиянием тех оценок и норм, которые приемлемы для этой среды, включая семью и друзей, и, если в среде имеются отклонения от установленных в обществе норм и законов, то и у подростка появятся дефекты в правовом сознании [4], что также повлечёт и изменения в правовом поведении.

Развитие человечества достигло стадии, при которой сортировать информационные потоки, отличать истинную информацию от информационного вброса или же аксиологической атаки, нацеленной на ценностные основы как всего общества, так и отдельного человека, становится достаточно тяжело даже для подготовленного человека. Подросток же является наиболее уязвимой целью для подобных информационных атак [7].

Попытки обезопасить формирующийся разум подростка от вредной для него информации предпринимаются достаточно давно, в том числе и на государственном уровне. Тем не менее, проводя значительную часть своего времени в информационном пространстве, подросток обязательно наткнется на агрессивную манеру подачи той или иной информации или частичное, а то и вовсе ложное её освещение в СМИ. Нельзя забывать, что взрослый человек, имеющий прямой контакт с ребёнком, является центральной фигурой в процессе формирования всей его ценностной базы. Являясь также частично или вовсе неподготовленным к информационной атаке, пассивным или активным участником информационной войны, взрослый человек (родитель или учитель), получив информационный удар и приняв его, преумножает значение информационного вброса для ребёнка, являясь авторитетом для него [7].

В настоящее время значительную роль в формировании мировоззрения и социализации играют виртуальные сообщества. К сожалению, это используется в том числе и представителями преступного мира, которые благодаря социальному сегменту сети Интернет активно продвигают свои идеи, тем самым привлекая последователей. Замкнутый в себе индивид, как правило, слабо включен в социальные отношения, в результате чего механизм конформизма перестает действовать и социум теряет над ним контроль. Нормы морали и общественного порядка в данном случае размываются и уже не являются сдерживающим фактором [9].

В современном цифровом обществе нельзя оставлять без внимания роль СМИ и сети Интернет в формировании личности

современных подростков. Законодатель, в свою очередь, в приказе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ № 22 от 30 января 2019 года дал дефиницию такому феномену как медиаграмотность и ввёл критерии для недопущения путаницы в терминах [12].

В соответствии с содержанием данного документа медиаграмотность подразумевает умение пользоваться поисковыми системами, находить нужные и полезные сведения, способность отличать достоверную информацию от недостоверной, полученной из источников от недобросовестных агентов, а также представлять, что такое системы родительского контроля, и уметь ими пользоваться. Важно понимать и помнить, что выкладывать излишнюю информацию о себе и своих персональных сведениях недопустимо, чтобы уберечься от злоумышленников. Важно подчеркнуть, что навыки в области медийно-информационной грамотности необходимы любому человеку в современном обществе не только для того, чтобы благополучно существовать в новой информационной среде, но и успешно в ней функционировать, находя эффективные решения множества проблем в любой сфере жизнедеятельности [3].

Цифровая грамотность включает четыре аспекта: компьютерную, информационную, мультимедийную грамотность и грамотность компьютерной коммуникации [1]. Поэтому в равной мере важно научить корректному восприятию информации не только ребёнка, но и родителей. Наиболее важно, чтобы этим умением обладали учителя, поскольку передача информации является важнейшей частью их профессиональной деятельности [7].

В современном обществе невозможно взять под тотальный контроль все СМИ в стране, однако, осознавая опасность негативного влияния на подростков и их дальнейшее поведение отдельных ресурсов и социальных сетей, можно предупредить негативное информационно-психологическое воздействие на сознание подростков, а иной раз и преступное. К сожалению, иногда это можно выявить только уже *post factum*, используя формат специальной посмертной экспертизы [8].

Подростки не имеют представления о признаках манипулирования, не всегда понимают, что любая информация требует анализа и оценки на достоверность и что важно уметь защищаться от рисков, которые усиливаются в информационном мире.

Коль скоро мы не можем и не должны запрещать подросткам пользоваться Интернетом и социальными сетями, важно научить их

правильному использованию постороннего и размещению собственного контента на разных медиаплощадках, особенно той информации, которая касается их персональных данных и персональных данных их законных представителей.

Важно научить подростков выбирать те медиаплощадки, которые не свяжут нахождение в них с противоправными действиями.

Как пишут многие авторы, в школах уделяется крайне мало внимания медиаграмотности, даже если такие дисциплины и включаются в учебные планы. Проблема медийно-информационной грамотности подростков влечет за собой и проблемы в их правовом поведении.

Поэтому Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, предлагает создание модельных программ по медийно-информационной грамотности и введение их в учебные планы среднего и среднего специального образования; разработку технологий, методик и способов интеграции элементов медийно-информационной грамотности в предметные области, дисциплины, традиционные уроки; разработку методических пособий, в том числе и для учителей, а также международное взаимодействие в этой области [10].

Заключение. Проведенное исследование показало прямую зависимость правового и противоправного поведения подростков от их медийно-информационной грамотности, поэтому важно выстраивать систему обучения медиаграмотности таким образом, чтобы исключить бессистемность. В настоящее время у подростков

наблюдается отсутствие навыков по структурированию, анализу и оценке информации, что может свидетельствовать и о низком уровне критического мышления. Поэтому способность критически оценивать информацию, полученную из медиаисточников, и совершенствование этих навыков способствуют формированию личной позиции подростка, на чём впоследствии будет основываться и его правовое поведение. Проводя значительную часть своего времени в информационном пространстве, подросток обязательно встретит и агрессию, и ложь, и манипуляции. Оградить от огромного объёма негативной, вредоносной информации невозможно, равно как и проанализировать его. Нельзя и обеспечить полный запрет многих информационных источников. Поэтому цифровому поколению Z следует помочь осознать зависимость правового поведения от их медийно-информационной грамотности. Несмотря на существование правовых норм, затрагивающих сферу информации, имеются пробелы в области правового регулирования сети Интернет, включая правовую регламентацию по защите прав детей от негативного влияния, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и принятия мер по борьбе с негативным влиянием киберпространства – принятием законодательных мер, обязывающих интернет-провайдеров обеспечивать безопасную Интернет-среду; развитие образовательной и просветительской деятельности как детей, так и родителей.

Список литературы:

1. Авдеев, А.Ю. Современный подросток в пространстве информационных технологий: психологический аспект / А.Ю. Авдеев // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – №3. – С. 67-72.
2. Антипина, Н.Л. Исследование медийно-информационной грамотности российских подростков / Н.Л. Антипина, Г.И. Герасимова, Е.В. Мурзина – Текст: непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2(65). – С. 42-49.
3. Антипина, Н.Л. Общественная среда как фактор модернизации России / Н.Л. Антипина. – Текст: непосредственный // Нефть и газ Западной Сибири: материалы международной научно-технической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.Н. Косухина. – Тюмень, 2015. – С. 14-19.
4. Балуева, Т.В. Проблемы правового сознания и воспитания подростков / Т.В. Балуева – Текст: непосредственный // Новая наука и формирование интегративно-целостного мышления / под ред. С.В. Кузьмина. – Казань: Индивидуальный предприниматель Кузьмин Сергей Владимирович, 2017. – С. 38-42.
5. Данг, Н.Т. Правовое воспитание подростков в современных условиях / Н.Т. Данг, А.Н. Сорокин. – Текст: непосредственный // Право и проблемы функционирования современного государства: сборник материалов 6-й международной научно-практической конференции, Махачкала, 17 января 2014 года / члены ред. совета (НИЦ «Апробация»): А.К. Халифаева, Д.П. Геворкьян. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация», 2014. – С. 53-54.
6. Добродей, Н.Ю. Информационная, медийная и компьютерная грамотность учащейся молодежи

- как условие интерактивного обучения (опыт социологического исследования) / Н.Ю. Добродей, О.В. Берген, О.Г. Мрочко. – Текст: непосредственный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (20). – С. 103-110.
7. Домников, А.С. Информационная грамотность в системе воспитания подростков // А.С. Домников // Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2017. – № 1(9). – С. 44-46.
  8. Енгальчев, В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза / В.Ф. Енгальчев // Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов. – Москва: издательство ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 420-430.
  9. Иванченко, Р.Б. Состояние, факторы, предупреждение школьного насилия: экспертный взгляд / Р.Б. Иванченко, А.В. Польшиков. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 4.
  10. Медийно-информационная грамотность в цифровом мире: как научить учителей. – Текст: электронный // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании: [сайт]. – URL: <https://iite.unesco.org/ru/publications/medijno-informatsionnaya-gramotnost-v-tsifrovom-mire-kak-nauchit-uchitelej/> (дата обращения: 08.05.2022).
  11. Медийно-информационная грамотность. – Текст: электронный // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании: [сайт]. – URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (дата обращения: 08.05.2022).
  12. Об утверждении плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2019-2024 годов. Приказ Минкомсвязи России от 30.01.2019 № 22 (ред. от 23.08.2021). – Текст: электронный // КонсультантПлюс: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327319/ (дата обращения: 08.05.2022).
  13. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). – Текст: электронный // ООН: [сайт] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 08.05.2022).

D.A. Abakumov, O.S. Bocharova

**DEPENDENCE OF LEGAL BEHAVIOR OF GENERATION Z TEENAGERS
ON THEIR MEDIA AND INFORMATION LITERACY**

Abstract: The purpose of the article is to identify the dependence of legal and illegal behavior of adolescents on their media and information literacy. The article is devoted to the research of generation Z teenagers' understanding of the essence of media and information literacy, identification of the main factors influencing the formation of media and information literacy, determination of the role of critical thinking in increasing the level of its development. Knowledge of the behavior of generation Z teenagers in the media space allows understanding and predicting their actions and deeds in real life, determining their media and information literacy, which determines legal behavior. The research is based on the study of factors influencing the formation of media and information literacy and legal behavior of modern adolescents.

Key words: information space; «digital youth»; media and information literacy; media space; critical thinking; legal behavior; minors; cyber threats.

References:

1. Avdeev A.U. Sovremenny podrostok v prostranstve informatsionnykh tekhnology: psikhologicheskyy aspekt // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika. – 2012. – №3. – P. 67-72.
2. Antipina N.L. Issledovaniye mediino-informatsionnoi gramotnosti rossiiskikh podrostkov / N.L. Antipina, G.I. Gerasimova, E.V. Murzina – Text: original / Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 2(65). – P. 42-49.
3. Antipina N.L. Obshchestvennaya sreda kak faktor modernizatsii Rossii / N.L. Antipina. – Text: original // Neft i gaz Zapadnoi Sibiri: materialy mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya Kosukhina A.N. – Tyumen. – 2015. – P. 14-19.
4. Balueva T.V. Problemy pravovogo soznaniya i vospitaniya podrostkov // T.V. Balueva – Text: original

- / Novaya nauka i formirovaniye integrativno-tselostnogo myshleniya / Ed. by S.V. Kuzmin. – Kazan: Individualny predprinimatel Kuzmin Sergei Vladimirovich, 2017. – P. 38-42.
5. Dang N.T. Pravovoye vospitaniye podrostkov v sovremennykh usloviyakh // N.T. Dang, A.N. Sorokin – Text: original / Pravo i problemy funktsionirovaniya sovremennogo gosudarstva: sbornik materialov 6-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 17 January 2014 / Members of ed. board (NIC «Aprobatsiya»): A.K. Khalifayeva, D.P. Gevorkyan – Makhachkala: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennostyu «Aprobatsiya», 2014. – P. 53-54.
  6. Dobrodei N.U. Informatsionnaya, mediinaya i kompyuternaya gramotnost uchashcheisya molodezhi kak usloviye interaktivnogo obucheniya (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) // N.Yu. Dobrodei, O.V. Bergen, O.G. Mrochko – Text: original / Ekonomicheskiye i sotsialno-gumanitarnye issledovaniya. – 2018. – № 4 (20). – P. 103-110.
  7. Domnikov A.S. Informatsionnaya gramotnost v sisteme vospitaniya podrostkov // A.S. Domnikov / Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya. – 2017. – № 1(9). – P. 44-46.
  8. Engalychev V.F. Posmertnaya sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov. – Moscow: PH YUNITI-DANA, 2001. 420-430 p.
  9. Ivanchenko R.B. Sostoyaniye, faktory, preduprezhdeniye shkolnogo nasiliya: ekspertny vzglyad // R.B. Ivanchenko, A.V. Polshikov – Text: original / Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 4.
  10. Mediino-informatsionnaya gramotnost v tsifrovom mire: kak nauchit uchitelei. – Text: electronic // Institut YUNESKO po informatsionnym tekhnologiyam v obrazovanii: [Website] – URL: <https://iite.unesco.org/ru/publications/medijno-informatsionnaya-gramotnost-v-tsifrovom-mire-kak-nauchit-uchitelej/> (Application date: 08.05.2022).
  11. Mediino-informatsionnaya gramotnost. – Text: electronic // Institut YUNESKO po informatsionnym tekhnologiyam v obrazovanii: [Website] – URL: <https://iite.unesco.org/ru/mig/> (Application date: 08.05.2022).
  12. Ob utverzhdenii plana deyatelnosti Ministerstva tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsy Rossiiskoi Federatsii na period 2019-2024 godov. Order of Minkomsvyazi Rossii on 30.01.2019 № 22 (ed. on 23.08.2021) – Text: electronic // KonsultantPlus: Website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327319/ (Application date: 08.05.2022).
  13. Rukovodyashchiye printsipy Organizatsii Obyedinennykh Natsy dlya preduprezhdeniya prestupnosti sredi nesovershennoletnikh (Er-Riyadskie rukovodyashchiye printsipy) – Text: electronic // OON: [Website] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (Application date: 08.05.2022).

Статья поступила в редакцию 15.04.2022

Л.А. Бегунова

ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: Раскрытие психологического содержания процесса социального самоопределения юношества традиционно является предметом исследования в психологической науке. Актуальность темы определяет потребность общества в эффективных психолого-педагогических практиках воспитания гражданской позиции молодёжи. Отношение подростков к актуальным социальным проблемам общества рассматривается нами в качестве компонентов правосознания, которое мы определяем как эмоциональную оценку правовых норм и институтов права (А.Б. Венгеров). В статье представлена динамика отношения подростков 16-18 лет к оружию, наркотикам, незаконному заработку, ощущению безопасности и наличию ресурсов поддержки в течение 25 лет. Полученные данные свидетельствуют о том, что радикальное изменение социальной ситуации развития современного ребёнка (цифровизация взаимодействия человека с окружающей средой) привело к появлению новых инструментальных возможностей в организации личного и социального пространства взросления, но не затронуло основных механизмов социализации подростков. Отношение к социальным проблемам современных юношей и девушек может выступать в качестве прогностического параметра рисков противоправного поведения молодёжи. Знание актуальных тем, волнующих подростков, представляется необходимым для создания эффективных психолого-педагогических приёмов воздействия на формирование правосознания.

Ключевые слова: правосознание; ценностные предпочтения; социально-психологические характеристики; подростки.

Введение

Тему правосознания и правовой культуры формирует теория права, определяя правосознание «как объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп, индивидов к праву – этому целостному социальному институту, его системе и структуре, к отдельным законам, иным характеристикам» [2, с. 572]. В свою очередь, правосознание и правовая культура неразрывно связаны с задачами социально-гражданского воспитания, которые в настоящее время закреплены Федеральным государственным стандартом общего образования, и являются традиционными для педагогики и педагогической психологии. Один из основоположников отечественной педагогической психологии Н.Е. Румянцев в условиях Первой мировой войны, накануне распада Российской империи и гражданской войны, писал о том, что «... будущее зависит от того, чтобы поставить на место слепого послушания поданных чувство долга думающего современного гражданина» [7, с. 2]. Психологическое содержание права он раскрывает через чувство ответственности гражданина, которое может быть реализовано только при условиях, когда «человек сознает свои права, убежден в возможности за них бороться, их отстаивать» [7, с. 5].

Определение правосознания именно как отношение людей к праву отражено в различных

концепциях социальной и юридической психологии, обзоры которых представлены в работах посвященных изучению психологического содержания правосознания, политических установок, политической и гражданской идентичности, представление о девиантном поведении подростков, ценностных ориентиров и моральных авторитетов молодых людей и т.п. [3, 4, 12 и мн. др.].

Ведущая роль правосознания в юношеском возрасте, по нашему мнению, не в формировании политического самоопределения личности, а в регулировании поведения молодых людей, направленности их на просоциальную или антисоциальную активность [12]. Отношение молодых людей к социальным проблемам рассматривается нами как элементы правосознания, которые определяют психологическую готовность подростков к становлению внутренней позиции взрослого человека [6].

Человек в подростковом возрасте наиболее чувствителен к изменениям в самых разнообразных сферах жизни, наиболее остро и непосредственно реагирует на новые для общества социальные проблемы. Сравнительно-историческое исследование системы ценностных ориентаций старшеклассников России показало, что у современных учащихся 10-11-х классов система ценностей более дифференцирована, приоритетные позиции в ней занимают индивидуальные ценности личностного роста и развития,

тогда как общественно значимые ценности, на которые ориентировались их советские сверстники, оказываются несущественными [1].

Мы поставили перед собой *задачу* провести сравнительный анализ социально-психологических характеристик юношеского возраста цифрового общества и поколения их родителей, вступавших во взрослую жизнь в трудные для страны годы кардинальной трансформации всей общественно-экономической системы.

Проведено сравнительное изучение широкого круга представлений учащихся 16-18-летнего возраста об основных феноменах современного им российского общества – 90-х годов XX столетия и 20-х годов XXI века. Эти молодые люди представляют так называемое историческое поколение, которое определяется временным интервалом рождения родителей и их детей, то есть периодом в 25-30 лет [4]. Конфликт «отцов и детей» традиционен для любого поколения и имеет свои общие черты, когда взрослые, заинтересованные в полноценном личностном развитии подростков и готовые обеспечить это развитие, имеют неадекватное представление о проблемах подрастающего поколения, какие-то проблемы могут преувеличивать, а какие-то не замечать. Центральным для нас является положение культурно-исторической концепции о том, что социальная ситуация развития в каждом возрастном периоде определяет формы и пути, следуя по которым ребёнок приобретает новые свойства личности, черпая их из социальной действительности как из основного источника развития [6].

Гипотеза исследования: социальная ситуация развития, обусловленная цифровой социализацией и динамикой социально-политического развития общества, изменила социально-психологические характеристики современного юношества.

Метод исследования и выборка.

Сравнительное исследование проведено по результатам «Социально-психологического опросника изучения подростков и старшеклассников к некоторым проблемам современности» на основе двух выборок подростков 16-18 лет (M=17) – 1992-1993-х гг. (n=199, 125 девушки) и 2020-2021 гг. (n=437, 258 девушек) [6, с. 105-111].

Исследование проводилось в 2020-2021 учебном году на базе образовательных учреждений гг. Москвы и Подмосковья (ученики 10-11 классов, n = 151, 77 девушек, студенты

1-2 курса колледжей, n = 70, 69 девушек), гг. Орска и Челябинска (ученики 10-11 классов, n = 91, 51 девушек, студенты 1-2 курса колледжей, n = 125, 61 девушек).

В исследовании 1992-1993 гг. принимали участие 199 старшеклассников (125 девушек) гг. Москвы, Новомосковска и Усмани [6, с. 104].

Результаты исследования обработаны методом, описательной статистики (t-критерий Стьюдента для независимых выборок). Респонденты на каждый вопрос могли выбирать до 5-и вариантов ответов. Ранжирование проводилось на основе частотного анализа, 1-й ранг присваивался наибольшему проценту варианта ответа на вопрос, в рамках одной единицы присваивался одинаковый ранг.

Результаты и обсуждение

Изменения социально-психологических условий с начала 90-х годов XX века потребовали от нас частичной корректировки содержания опросника. Нами были исключены из тестового материала темы, связанные с отношением подростков к таким социальным проблемам как проституция, рэкет, ранняя половая жизнь, ранняя беременность и аборт. Мы добавили вопросы, связанные с коррупцией и развитием информационных технологий (компьютерные игры и социальные сети). Готовя тестовые материалы, мы обнаружили, что за 30 лет темы обсуждения с подростками вопросов полового воспитания в образовательной среде стали полностью табуированными.

В рамках настоящей статьи представлены результаты отношения подростков к социальным проблемам, ощущение психологического благополучия (страхи, помощь и поддержка) и их предпочитаемые активности, иллюстрирующие содержание досуга юношей и девушек 16-18 лет.

1. Предпочитаемы активности.

1.1. Вопрос: «Что Вам больше всего нравится делать?»

Отвечая на вопрос: «Что Вам больше всего нравится делать?», юноши и девушки больше всего выбрали варианты «встречаться с друзьями» и «слушать музыку» (64,16% и 62,79% ответов). Подростки ответили «смотреть видео» (41,1%) на 4% чаще, чем «проводить время в социальных сетях» (36,99%), а процент ответов «читать книги» (36,53%) практически равен ответам «проводить время в социальных сетях» (рис. 1).

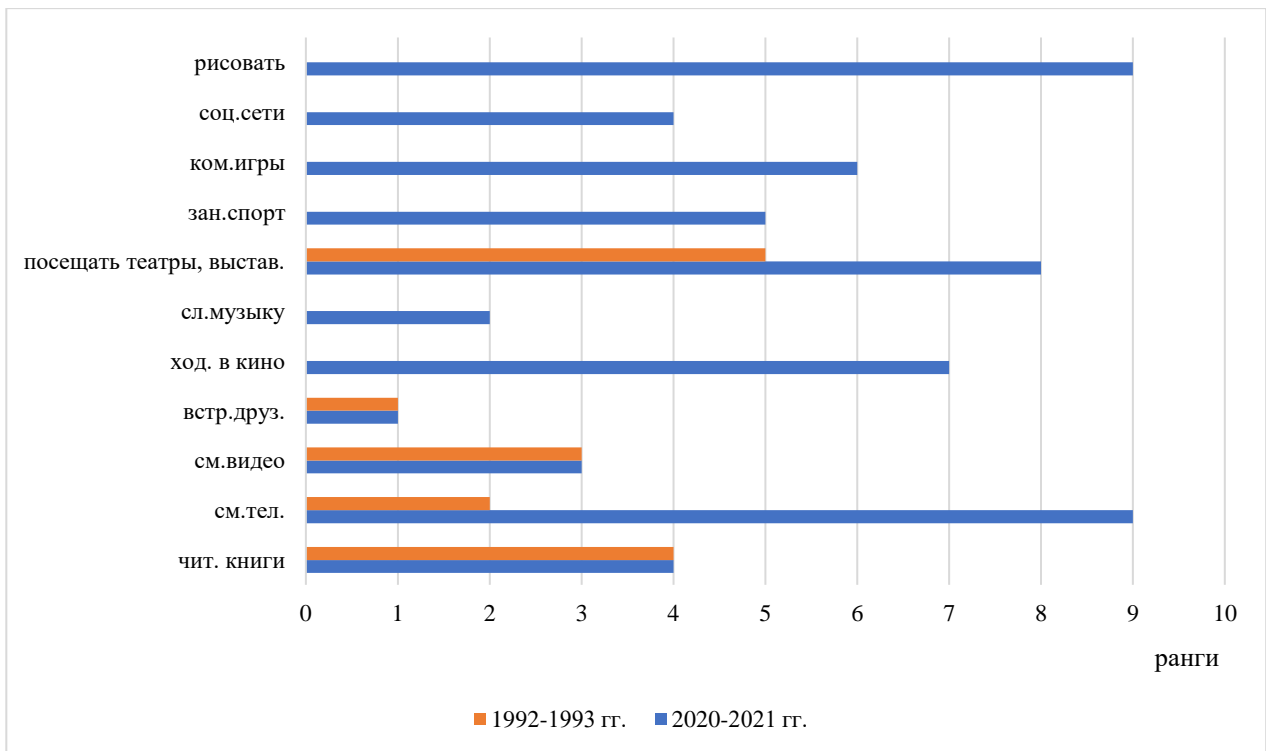

Рисунок 1 – Предпочитаемые активности старших подростков (в процентах)

Среди предпочитаемых активностей подростков неизменными за 30 лет остались желания встречаться с друзьями (1-й ранг), смотреть видео (3-й ранг) и читать книги (4-й ранг). Современные подростки практически не смотрят телевизор (9-й ранг), в первой же половине 90-х годов пункт «проводить свободное время перед телевизором» занимал у подростков 2-е место. Отмечается тенденция, что современные подростки стали меньше интересоваться театром и выставками (ранг предпочтений сместился с 5-го на 8-е место, рис. 1).

Таким образом, результаты анкеты показывают, что самым значимым для современных подростков, как и 30 лет назад, является общение с друзьями. Влияние мнения сверстников на подростка и прочные взаимоотношения с ровесниками остаются важнейшими составляющими их психологического благополучия [16].

1.2. Содержание интересов подростков.

1.2.1. *Вопрос: «Какие фильмы Вы предпочитаете смотреть?»*

Современные подростки в большинстве случаев, как и их ровесники 30 лет назад, предпочитают смотреть комедии и сериалы (1-й и 2-й ранг), за которыми следуют фантастические фильмы, триллеры и детективы (3, 4 и 5 ранги), затем фэнтези, мелодрамы и боевики (6, 7 и 8 ранги, рис. 2).

Подростки, участвующие в исследовании 30 лет назад, отмечали, что им нравится смотреть мультфильмы. Современные подростки

(3,88%) отдельно подчеркнули, что им интересны не просто мультфильмы, а именно аниме, указывая конкретные виды этого жанра. Увлечение подростков сериалами частично отражает увеличение качества сериалов в сравнение с началом 90-х годов, тенденцию «ухода» авторского кино в сериалы, 14% подростков отметили, что им нравятся «проблемные» фильмы.

Таким образом, в настоящее время юношей и девушек больше привлекают триллеры (4-й ранг переместился на 2-й), детективы (с 5-го на 3-й) и боевики (с 8-го на 4-й). Дополнительно в анкетах подростки уточняли самые разнообразные жанры триллеров, часто отмечали хорроры (рис. 2).

1.2.3. *Вопрос: «Что Вы больше всего любите смотреть по телевизору?»*

Почти половина подростков (43,38%) ответили, что они вообще не смотрят телевизор, а те, кто из них смотрит телевизор, указали кинофильмы (36,07%) и телесериалы (26,03%). Получены примерно одинаковые проценты по просмотру музыкальных передач, передач о животных, спортивных программ и передач о науке и технике (рис. 3). Единичными были ответы подростков о просмотре телеконкурсов (3,65%), телеигр (5,25%) и политических шоу (5,94%).

Динамика интереса подростков к телевизионным продуктам в течение 30 лет значительно изменилась в отношении телеигр и викторин, просмотр которых со 2-го ранга переместилось на 8-й, музыкальные передачи с 1-го

ранга сместились на 4-й ранг, а сериалы и кинофильмы в телеэфире стали больше привлекать молодых людей. Неизменным остался интерес

подростков к просмотру спортивных передач (рис. 3).

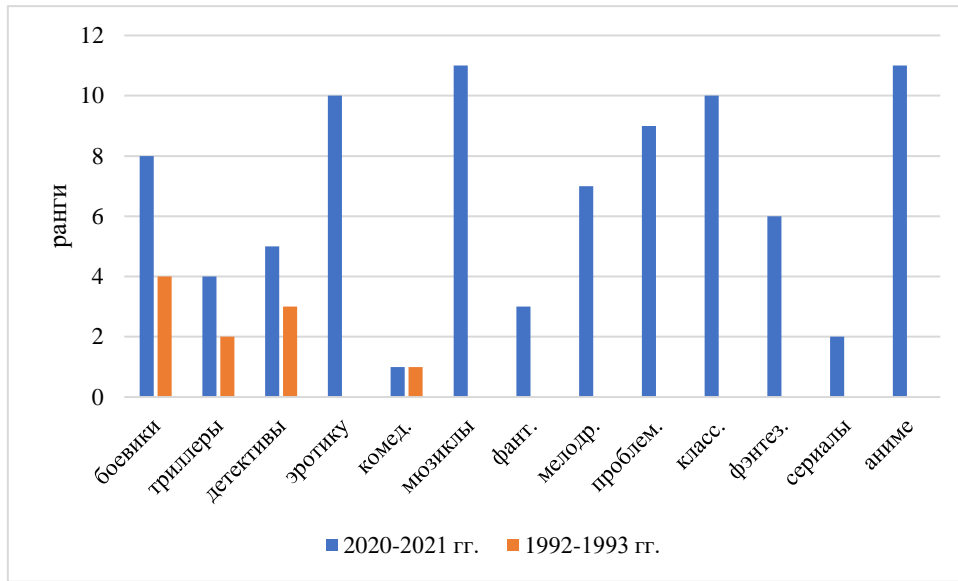

Рисунок 2 – Жанры предпочитаемых фильмов

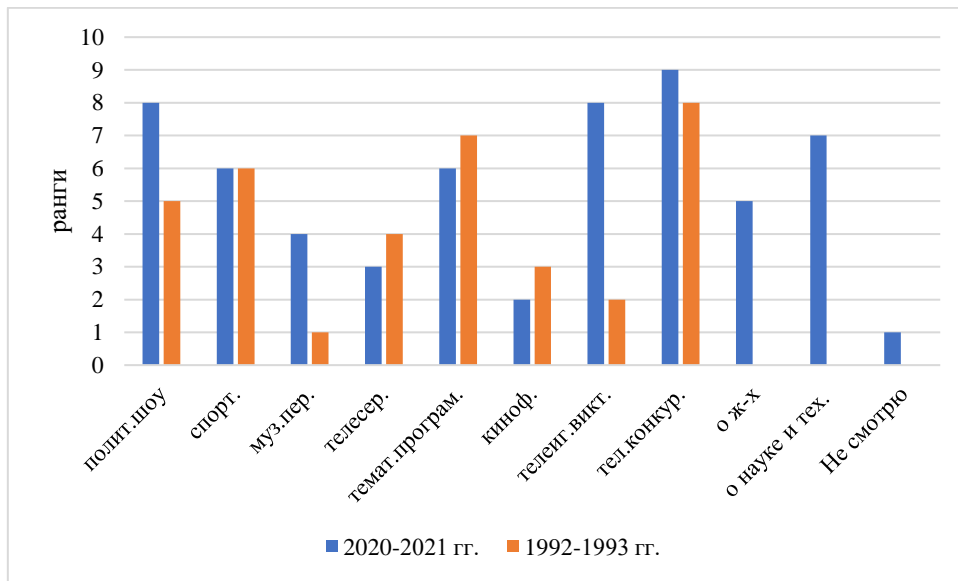

Рисунок 3 – Предпочитаемые старшими подростками телевизионные передачи и кинофильмы

Таким образом, несмотря на расширение телевизионных программ, более 40% современных старших подростков не смотрят телевизор, предпочитая получать информацию и развлекательный контент из других источников. Среди предпочитаемых телевизионных продуктов у юношей и девушек кинофильмы и телесериалы, меньше всего молодых людей интересуют политические шоу и телевизионные конкурсы.

1.2.4. Вопрос: «Какая музыка Вам больше всего нравится?»

Самым популярным музыкальным жанром старших подростков является поп-музыка (57%) и реп (45,21%), а на выборке юношей, учащихся в колледжах, выбор репа – 60%. Популярность поп-музыки и репа сохранила первые две позиции у подростков, как и в начале 90-х годов XX века. Классический рок и классическая музыка занимают по полярности у подростков 3-й и 4-й ранги (31,74% и 25,57%), а тяжелым роком также как и 30 лет назад интересуется не более 16% подростков (рис. 4).

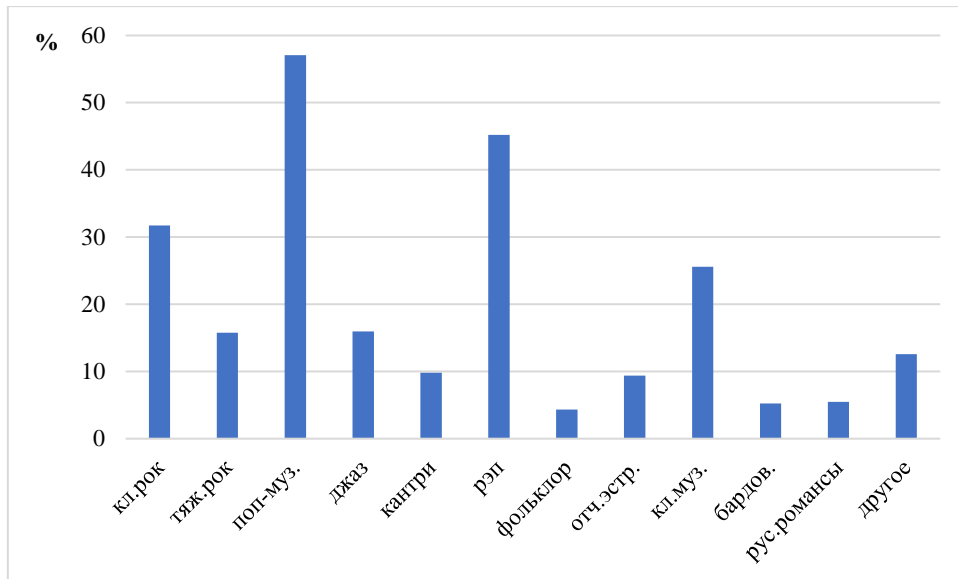

Рисунок 4 – Популярные музыкальные направления

Поп-музыка и отечественная эстрада, как и 30 лет назад, больше популярна у девушек ($t = 3,81, t = 3,66, p < 0,01$). Классический и тяжелый рок чаще предпочитают юноши. Получен неожиданный результат популярности классической музыки среди подростков с тенденцией большего увлечения юношей классическими музыкальными жанрами ($t = 2,1, p < 0,05$). Однако на данный результат также может оказывать переменная «студентов спортивно-художественного и педагогического колледжа», в выборке которой студенты профессионально занимаются музыкой и танцами. В разделе «другое»

подростки указывали конкретные музыкальные жанры, которые им нравятся.

1.2.5. Вопрос: «Что Вы обычно читаете в свободное время (помимо школьной программы)?»

Только 22% подростков отметили, что они читают мало, и 7,5% признали, что они вообще ничего не читают вне школьной программы. Современные юноши и девушки, также как и подростки начала 90-х годов, выбирают для чтения в свободное время романы. Выбор приключенческой литературы у современных подростков сместился со 2-го на 6-й ранг, им больше сейчас нравится читать детективы и фэнтези (рис. 5).

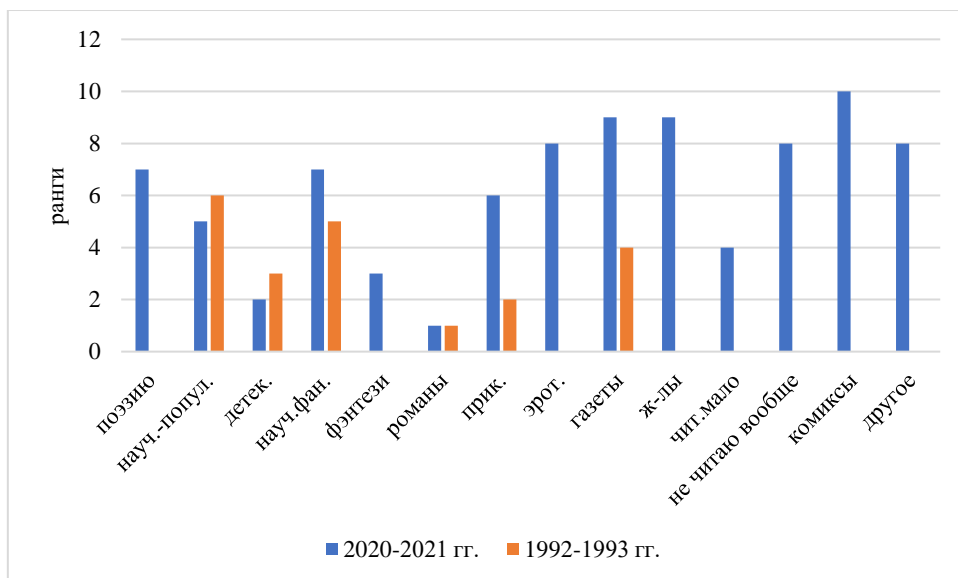

Рисунок 5 – Предпочитаемые литературные жанры

Современные старшие подростки отмечали больше литературных жанров, чем их сверстники начала 90-х годов прошлого века. Однако, как и 30 лет назад девушки предпочитают романы и детективы, а юноши научно-популярную литературу и научную фантастику.

Таким образом, современные молодые люди 16-18 лет также как и предыдущие поколения, в первую очередь, проводят свободное время с друзьями, им нравится слушать популярную музыку и реп. В отличие от подростков начала 90-х гг. XX века среди современных старших подростков более популярен классический рок и классическая музыка. Подросткам, как и раньше, нравится смотреть комедии, но их также привлекают разнообразные жанры фильмов ужасов и сериалы. Современных подростков практически абсолютно перестали интересовать телевизионные игры и музыкальные передачи, 43% подростков сказали, что они вообще не смотрят телевизор. Подростки, которые отмечали, что смотрят телевизор, указывали, что это кинофильмы и сериалы, спортивные матчи, научно-популярные или тематические передачи.

Таким образом, включение в социальную среду подростков продуктов информационных технологий не лишило их основной потребности – встречаться с друзьями. Пункт «проводить время в соцсетях» делит 4-й ранг среди

предпочитаемых активностей с «читать книги», при этом в соцсетях больше проводят время девушки, молодые же люди предпочитают компьютерные игры. Игра в компьютерные игры в свободное время среди предпочитаемых активностей следует у молодых людей на 3-м месте, уступая «встречаться с друзьями» и «слушать музыку». Респонденты специально не были опрошены по вопросу целей пользования интернетом, однако многие самостоятельно указывали в анкетах, что обычно просматривают новостной контент, читают книги, слушают музыку, смотрят фильмы через соцсети.

2. Негативные эмоциональные переживания, чувство безопасности и поддерживающие ресурсы.

2.1. Чувство безопасности. Вопрос «Насколько безопасно Вы себя чувствуете?»

Тридцать лет назад большинство подростков отвечали, что они никогда не сталкивались с настоящей опасностью, у современных подростков этот ответ занимает 2-й ранг. Первый ранг с четвертого переместился в ответах подростков на пункт «стараюсь избегать возможной опасности». Современные подростки (4,34%) отметили, что им довольно часто приходится сталкиваться с настоящей опасностью, по данным тридцатилетней давности таких ответов в анкетах не было ни одного (рис. 6).

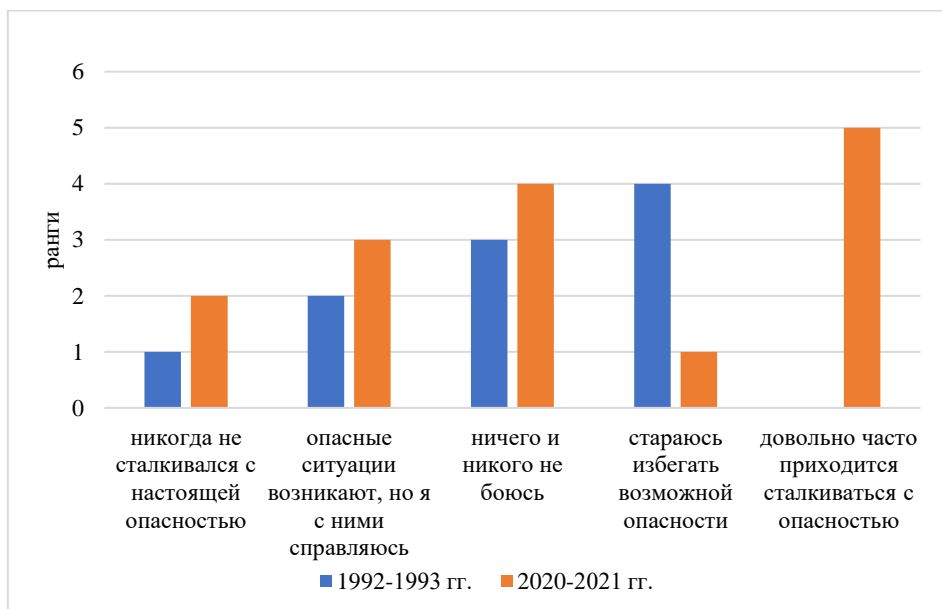

Рисунок 6 – Чувство безопасности

Девушки стараются избегать возможной опасности ($t = 2,62, p < 0,01$), а юноши более чем в 2 раза чаще отмечали, что они ничего и никого не боятся ($t = 3,51, p < 0,01$).

Подростки, проживающие в г. Москве и Подмосковья, более осторожные, они

стараются избегать опасностей ($t=3,47, p < 0,01$). Московские юноши в два раза чаще отмечали, что они стараются избегать опасности, чем юноши южно-уральского региона ($t=3,05, p < 0,01$, рис. 7).

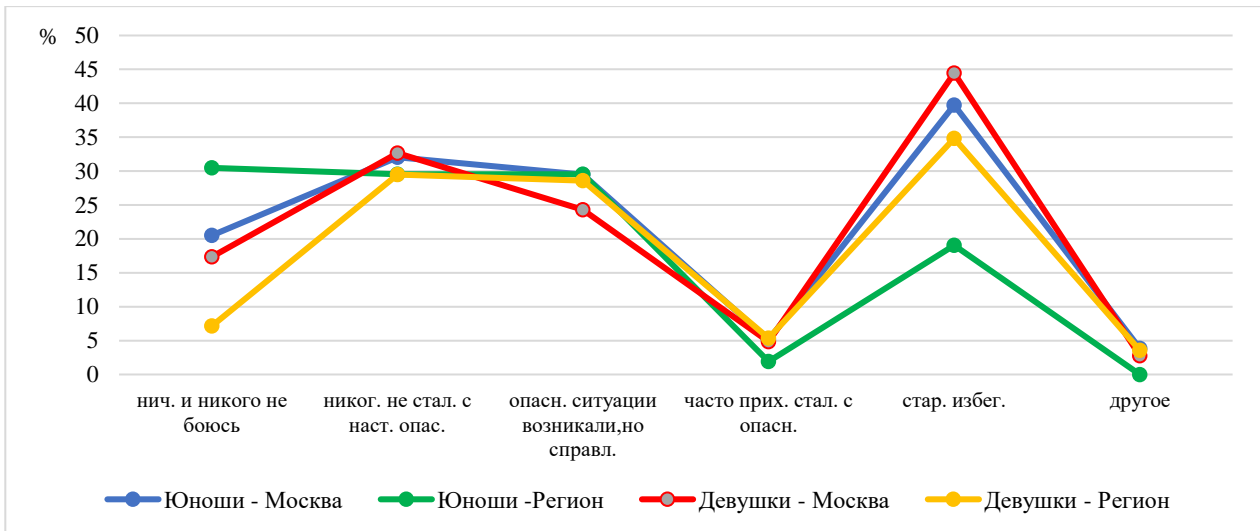

Рисунок 7 – Чувство безопасности юношей и девушек, проживающих в разных регионах

Таким образом, отмечается тенденция снижения ощущения психологического благополучия у современных подростков, они стали реже чувствовать себя безопасно и чаще переживают негативные эмоции. Обнаружены традиционные гендерные различия по отношению к опасным ситуациям – девушки тревожней и осторожнее. Самыми смелыми юношами нашей выборки, а более вероятно считающимися, что им никому не следует подчиняться и никого, и ничего не надо бояться, предстают юноши южно-уральского региона. Девушки, проживающие в том же регионе, меньше всех чувствуют себя безопасно (получено 7% ответов на пункт «никого и ничего не боюсь»). С осторожностью можно предположить, что криминогенная ситуация южно-уральского региона более опасная для подростков, чем в Москве и Подмоскowie, где гендерные различия в ощущении безопасности незначительные. Данный результат отчасти подтверждается данными о представлении подростков о девиантном поведении, в котором подростки, состоящие на учёте в подразделении по делам несовершеннолетних, были больше информированы о делинквентном поведении, чем «подростки условной нормы» [13].

2.2. *Содержание страхов и опасений подростков. Вопрос: «Чего Вы боитесь больше всего в этой жизни?»*

Первая пятерка наиболее актуальных негативных переживаний подростков за 30 лет не

изменилась. Как и раньше подростки боятся оказаться инвалидами, прикованными к кровати, заболеть неизлечимой болезнью, сойти с ума и подвергнуться нападению насильника. Однако наиболее актуальным для современных старших подростков стал страх потерять близких и остаться одному, который с 5-го ранга переместился на первое место. Современные подростки также немного больше стали бояться потерять жилье и стать бездомными. Список актуальных страхов современных подростков пополнился переживаниями стать жертвой обмана, массовых беспорядков и теракта (рис. 8).

Девушки, кроме опасения заболеть наркоманией, по всем категориям больше юношей переживают негативные эмоции в отношении своего благополучия. Получены достоверные различия между девушками и юношами в страхе одиночества ($t=3,16, p<0,01$), подвергнуться нападению уголовника, насильника ($t=7,33, p<0,001$), оказаться на территории военного конфликта ($t=2,88, p<0,01$), попасть в катастрофу и стать жертвой теракта ($t=3,28, t=3,34, p<0,01$, рис. 9).

Сравнение выборок по региональному признаку показывает, что московские подростки больше подвержены негативным переживаниям (рис. 9). Они больше опасаются стать жертвой катастрофы ($t=3,92, p<0,01$), бояться одиночества ($t=3,17, p<0,01$), стать инвалидами ($t=2,8, p<0,01$) и жертвой теракта ($t=2,74, p<0,01$).

Рисунок 8 – Негативные эмоциональные переживания подростков 1992-1993 гг. и 2021-2020 гг.

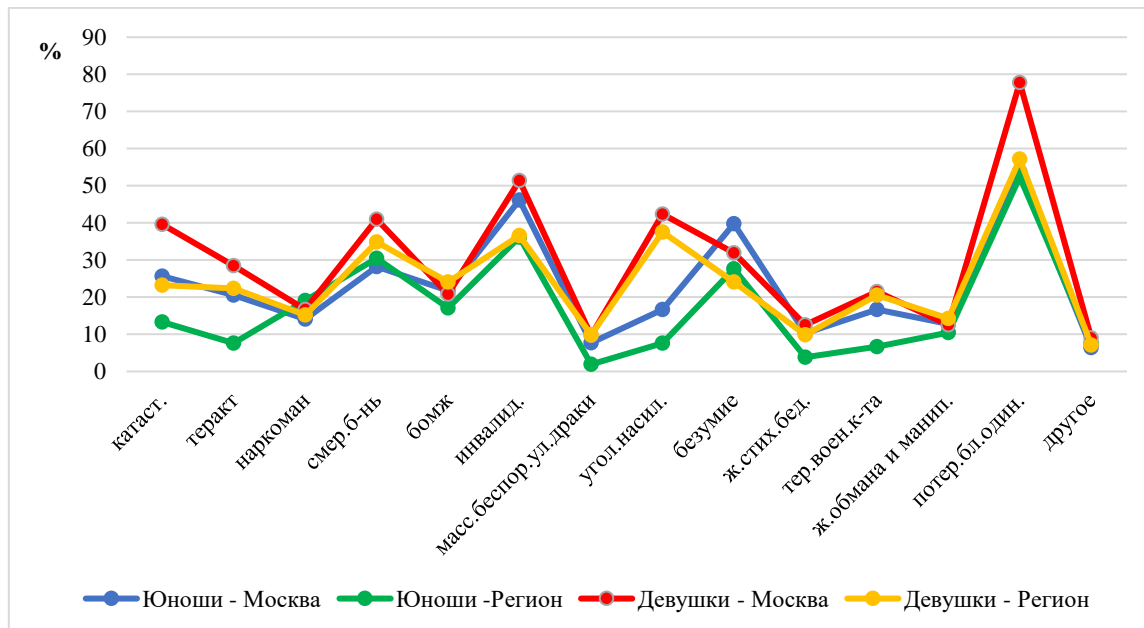

Рисунок 9 – Негативные переживания юношей и девушек, проживающих в разных регионах

Достоверных различий между юношами, проживающими в разных регионах, не получено. Московские девушки больше, чем девушки южно-уральского региона, боятся попасть в катастрофы ($t=2,86, p<0,01$) и одиночества ($t=3,53, p < 0,01$).

Таким образом, содержание негативных переживаний старших подростков с начала 90-х годов прошлого века существенно не изменилось, но современные юноши и девушки стали больше бояться одиночества. Девушки чаще молодых людей переживают разнообразные страхи. Подростки, проживающие в гг. Москве и Подмосковья имеют больше поводов для актуализации страхов. Наиболее актуальный страх

молодых людей – потерять близких и остаться в одиночестве (62%), можно сравнить с результатами межпоколенческого исследования Собкина В.С. и Калашникова Е.А., в котором 40,3% подростков отметили, что они опасаются угроз жизни своей будущей семье [9, с. 59].

2.3. Поддерживающие ресурсы. Вопрос «Что или кто является для Вас поддержкой и опорой в трудную минуту, помогает Вам «справиться с жизнью», с возникающими трудностями и проблемами?»

Современные подростки отметили, что, в первую очередь, в трудную минуту они обратились бы за помощью и поддержкой к родителям и друзьям (65,3%), такие же ответы были

получены и 30 лет назад, но пункт «родители» получил тогда 2-й ранг предпочтения. Подростки 16-18 лет большего всего опасаются остаться без поддержки близких им людей, которые воспринимаются ими как ресурс преодоления трудных жизненных обстоятельств. Таким

образом, несмотря на разнообразные кризисы института семьи, основной ресурс помощи подростков сохраняется за родительством и близкими друзьями, остается неизменной важность для подростков сохранения эмоционального контакта с родителями [7, 11, 13].

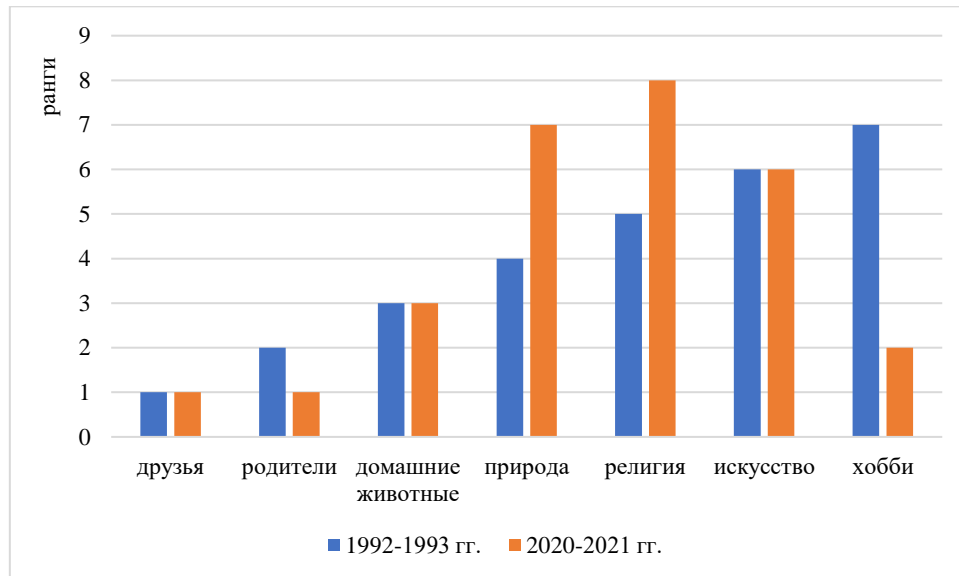

Рисунок 10 – Ресурсы помощи и поддержки

Многие подростки подчеркивали важность роли семьи, близких людей в трудную минуту, указывая дополнительно, что они обратились бы за помощью, прежде всего, к своим интимным друзьям («парню» или «девушке»). Неизменной осталась и роль домашних питомцев в решении эмоциональных проблем членов семьи.

Значительно изменилась роль хобби в качестве копинг-стратегии у подростков, по частоте выбора пункт «хобби» получил 2-й ранг, в конце же XX века этот пункт занимал 7-й ранг. Многие респонденты дополнительно отмечали то, чем они конкретно увлекаются, и как им это помогает справляться с трудностями (конкретные виды искусства, занятия спортом). «Природа» и «религия» стали меньше привлекать подростков в качестве способа снятия эмоционального напряжения.

Таким образом, наиболее важным для старших подростков в сложных жизненных обстоятельствах, как и 30 лет назад, является поддержка родителей и друзей, хотя многим взрослым кажется, что подросткам, не отрывающимся от своих гаджетов, поддержка со стороны близких взрослых стала неважной [10]. Среди ответов старших подростков не было ни одного, где бы они сослались на то, что в трудную минуту

они могут обратиться к представителю государства (учитель, полицейский и т.п.).

2.4. *Отношение к здоровью. Вопросы: «Что такое, на Ваш взгляд, «здоровый образ жизни?» и «Считаете ли Вы для себя необходимым придерживаться принципов здорового образа жизни?»*

Современные подростки считают, что занятие спортом это наиболее важная активность, обеспечивающая здоровый образ жизни. Второе место занимает – «не употреблять наркотики», третье место поделили пункты «не принимать спиртное» и «не курить» (рис. 11).

Представление подростков о здоровом образе жизни меньше всего изменились только по пунктам «заниматься спортом» (1-й ранг вместо 2-го) и «полноценное и правильное питание» (4-й ранг вместо 3-го). Выбор подростков «вести осмысленную жизнь» с первого ранга сместился на 5-й. Меньше всего современные подростки придают значение пункту «не вести беспорядочную половую жизнь». Лояльность современных подростков в отношении вредных привычек (курение, спиртное и наркотики) за 30 лет стала намного ниже, что, на наш взгляд, отражает не только ценность здоровья, а также и направленность молодых людей на просоциальное поведение.

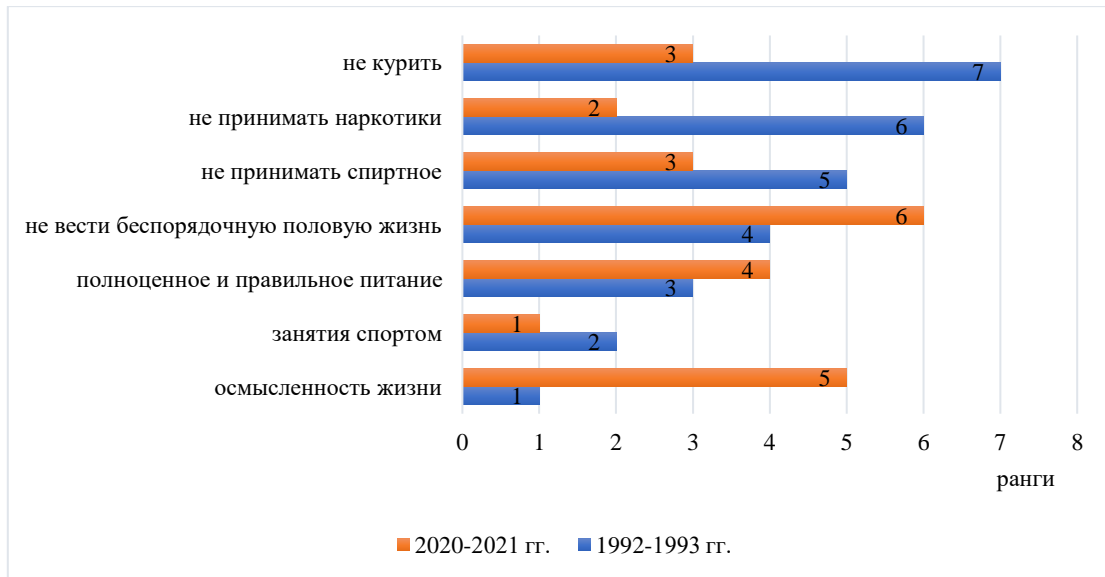

Рисунок 11 – Динамика представления подростков о здоровом образе жизни

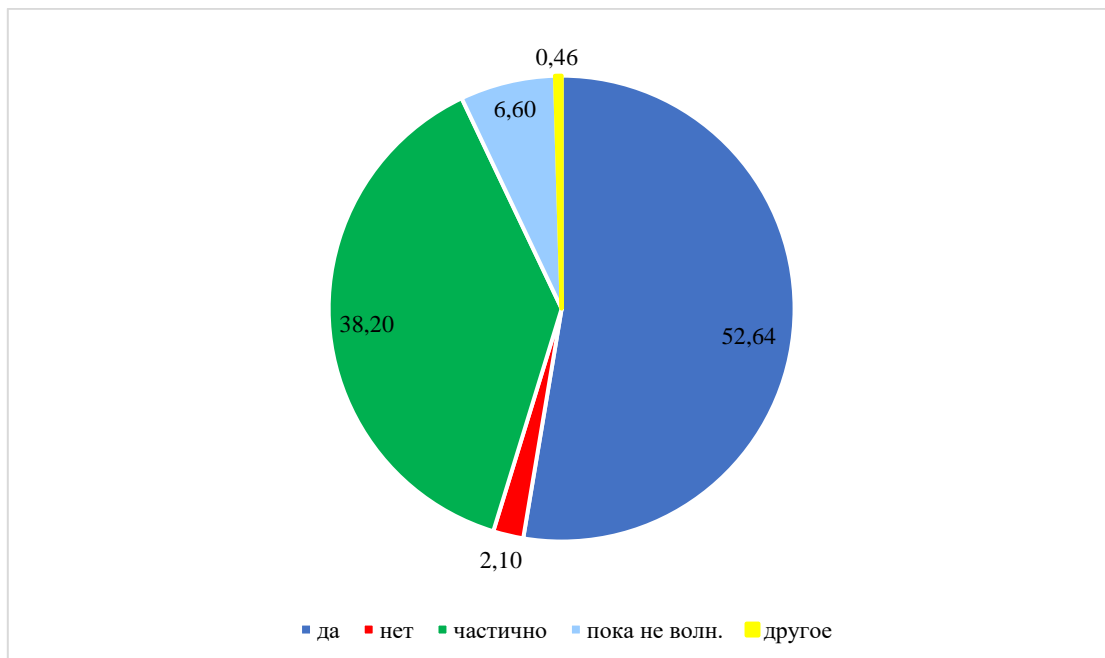

Рисунок 12 – Готовность подростков вести здоровый образ жизни в процентах

Более половины подростков отметили, что они считают для себя необходимым придерживаться здорового образа жизни (52,64%). Больше трети подростков (38,2%) отметили, что они частично придерживаются здорового образа жизни, только менее 10% подростков (6,6%) отметили, что эта проблема их пока не волнует, а меньше 3-х процентов ответили, что не считают необходимым для себя придерживаться здорового образа жизни (рис. 12).

Таким образом, современные юноши и девушки ориентированы на здоровый образ жизни. Представление подростков о здоровом образе жизни: заниматься спортом, не принимать наркотики, не курить и не пить спиртного.

3. Отношение к социальным проблемам.

3.1. Лояльность к оружию. Вопрос: «Хотели бы Вы иметь какое-нибудь оружие? Какое?»

Отсутствие интереса к любому оружию получено у 40% подростков, которые ответили, что они не хотят никакого оружия (20,32%) или не задумывали об этом (19,63%). Среди подростков, выразивших желание иметь оружие, большинство ответов получено на пункт «баллончик для самообороны» (39,95%), желание иметь травматический пистолет занимает 4-й ранг (15,53%), за которым следует желание иметь холодное оружие (13,47%) и боевой пистолет (13,24%). Желание обладать кастетом высказали

8,95% подростков, иметь всё из перечисленного оружия высказали 1,37% подростков. Несмотря на то, что 13% подростков выразили желание иметь боевой пистолет, реально боевое оружие привлекает больший процент подростков, т.к. многие дополнительно указывали конкретные марки огнестрельного оружия, которые они бы хотели иметь, не отмечая пункт «боевой пистолет» (рис. 13). Однако следует отметить, что

среди ответов юношей было много перечислений оружия из сюжетов фантастических романов и фэнтези.

Девушки, как и 30 лет назад, отдают предпочтение газовому баллончику ($t=5,27, p < 0,01$), а юноши боевому пистолету ($t=4,6, p < 0,01$). Сохранилась тенденция с конца XX века у московских девушек к отказу от владения любым видом оружия ($t=2,68, p < 0,01$).

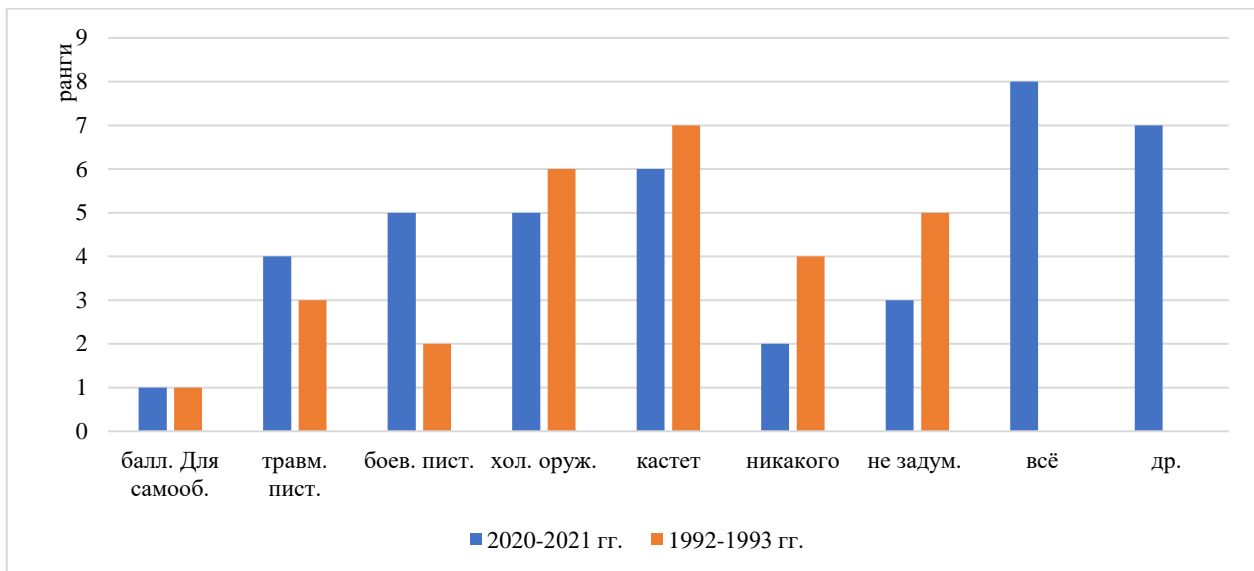

Рисунок 13 – Отношение подростков к наличию в собственности оружия

Юноши, проживающих в московском регионе, лояльнее относятся к наличию в собственности боевого пистолета, но достоверных различий с выборкой юношей из южно-уральского региона не получено. Последние же чаще отмечали, что они хотели бы иметь в собственности кастет ($t=2,56, p < 0,01$), что может отражать большую осведомленность подростков гг. Орска и Челябинска о криминальной культуре, опыт участия в драках и т.п. Учитывая, что юноши московского региона чаще высказали желания иметь боевой пистолет (27%) и «другое» оружие (18%), открытым остается вопрос изучения переменной на то, что владение оружием может быть никак не связано с мотивами причинить вред государству, либо частным лицам [15].

3.2. Отношение к наркотикам. Вопрос: «Если бы Вы узнали, что Ваш друг (подруга) употребляет наркотики, Вы бы ...?»

Подавляющее большинство подростков (80,37%) ответили, как и 30 лет назад, что они постарались бы помочь избавиться другу от привычки принимать наркотики. Действовать в этой ситуации они предпочли бы самостоятельно, менее 20% подростков ответили, что обратились бы за помощью к взрослым, среди которых большинство девушек ($t=3,23, p < 0,01$). Некоторые

подростки (12,79%) ответили, что они сохранили бы дружеские контакты, не обращая внимания на эту проблему. Немедленно прекратить общение с другом в этой ситуации готовы только 8,68% подростков, а открытых лояльных ответов в отношении приёма наркотиков было не более 1% от выборки (рис. 14).

Таким образом, современные подростки продемонстрировали наряду с отрицательным отношением к наркотикам, ценность для них сохранения дружеских контактов, готовность оказать помощь друзьям, а также недоверие к позиции взрослых по этому вопросу.

3.3. Отношение к незаконному заработку. Вопрос: «Считаете ли Вы приемлемым получение доходов способами, противоречащими закону (мошенничество, шантаж, вымогательство, коррупция и др.)?»

Большинство современных подростков, как и 30 лет назад, считают, что необходимо бороться с незаконными доходами, они относятся к подобным заработкам с осуждением. Четверть подростков ответили, что они не задумывались над этим вопросом, менее 10% подростков ответили, что могут представить себя в аналогичном бизнесе и считают этот заработок не хуже другого (рис. 15).

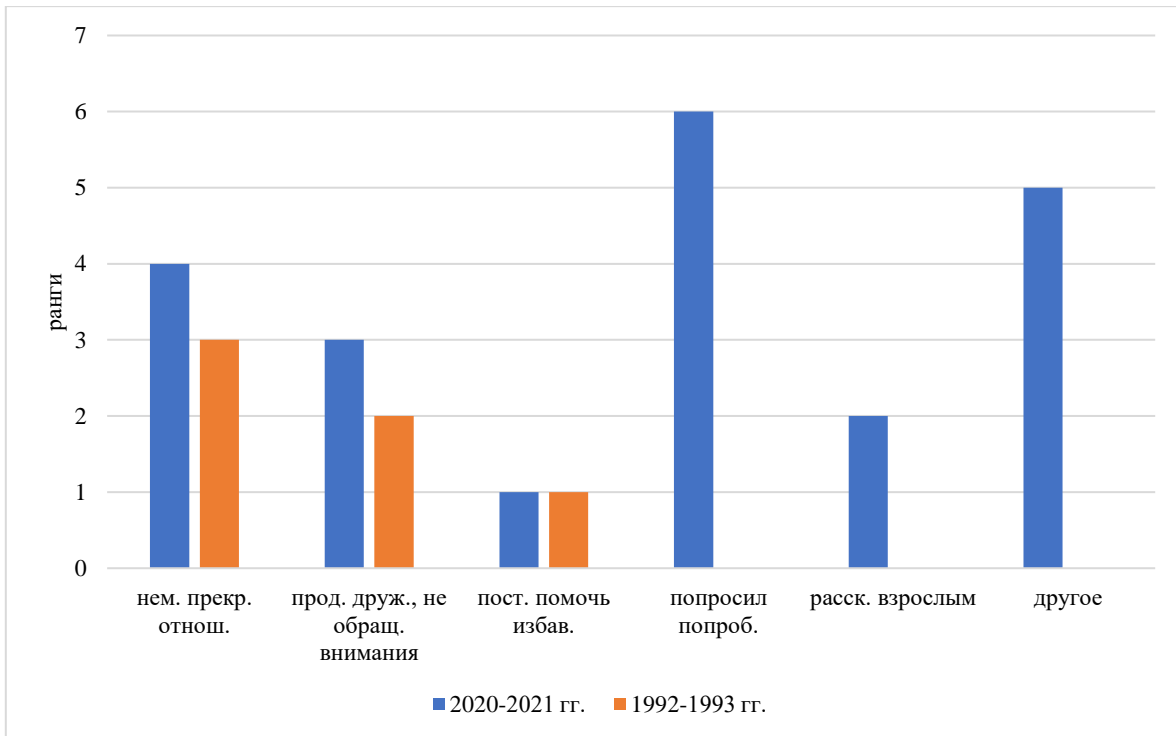

Рисунок 14 – Отношение подростков к лицам, принимающим наркотики

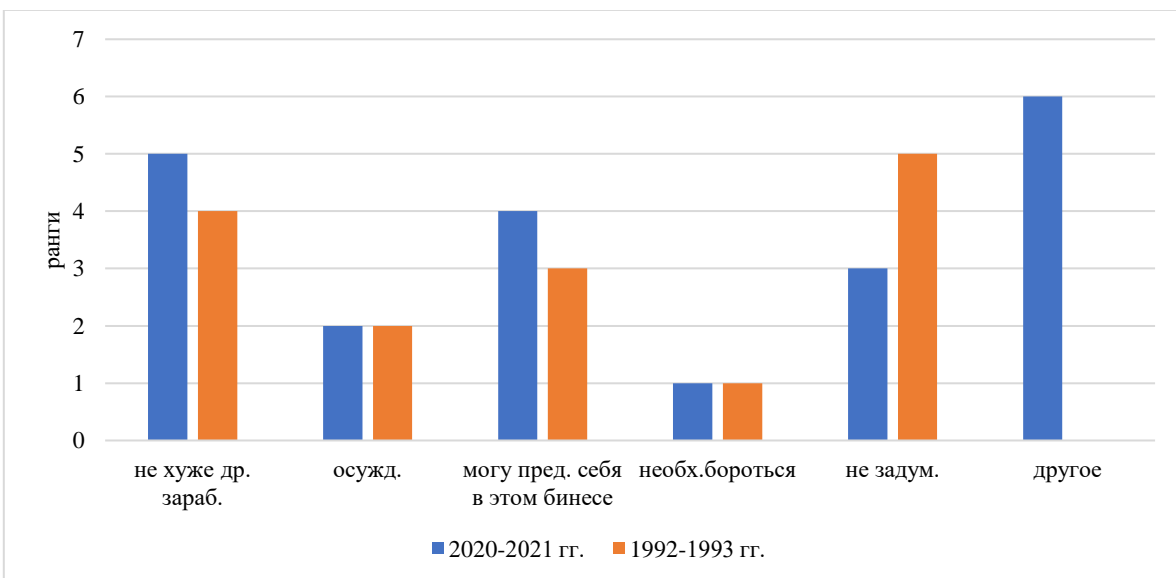

Рисунок 15 – Отношение подростков к незаконному доходу

Достоверных различий между подростками по гендерному признаку и типу образовательного учреждения не получено. Однако подростки, проживающие в Москве и Подмосковье, чаще высказывали резко отрицательные позиции в отношении получения незаконного заработка ($t=2,6$, $p<0,01$), что вероятно обусловлено более сильным информационным полем, связанным с обнародованием коррупционных расследований со стороны оппозиции.

Таким образом, современные подростки, за редким исключением, отметили, что они с осуждением относятся к незаконному

заработку, считают это социальной проблемой, с которой необходимо бороться. Мы предполагаем, что тема коррупции воспринимается современными подростками как угроза их безопасному будущему аналогичным образом как и в исследовании их ровесников в Косово, в котором отмечает недоверие к полиции и другим органам власти из-за кумовства и коррупции [14].

Подытоживая результаты, нами получен следующий социально-психологический портрет подростков 16-18 лет.

Современные подростки предпочитают, в первую очередь проводить свободное время с друзьями. Они любят слушать популярную музыку и реп. Подросткам нравится смотреть комедии и сериалы, их привлекают разнообразные жанры фильмов ужасов. Современных подростков практически абсолютно перестали интересовать телевизионные игры и музыкальные передачи, 43% подростков отметили, что они вообще не смотрят телевизор. Подростки, которые отмечали, что смотрят телевизор, указывали, что это кинофильмы и сериалы, научно-популярные или тематические передачи.

Подростки мало времени уделяют чтению, но продолжают читать, предпочитая романы и детективы. Юношей больше привлекает чтение научной фантастики и научно-популярной литературы, а девушек романы, детективы и фэнтези.

Подростки опасаются одиночества, они боятся потерять близких, а в трудных жизненных обстоятельствах для них важна поддержка родителей и друзей. Подростки стараются избегать опасных ситуаций. Несмотря на то, что многие подростки отметили, что никогда не сталкивались с настоящей опасностью, они не готовы отказываться от возможности иметь оружие, но большинство удовлетворились бы газовым баллончиком для самообороны.

Подавляющее большинство подростков готовы придерживаться здорового образа жизни. Они считают, что важно заниматься спортом, не курить, не принимать спиртное и наркотики.

Современные подростки, за редким исключением, отметили, что они с осуждением относятся к незаконному заработку, считают это социальной проблемой, с которой необходимо бороться.

Отрицательное отношение большинства подростков к возможности участвовать в незаконном заработке, злоупотреблять спиртным и принимать наркотики, владеть оружием отражает, на наш взгляд, сформированную к 16-18 годам психологическую готовность к просоциальному поведению. Обыденное правосознание старших подростков отражает понимание ими современных проблем общества, однако вектор направленности становления правосознания и правовой культуры зависит от институциональных воспитательных мер, т.е. от того насколько молодые люди получают возможность

убедиться в уважении со стороны власти к закону и порядку [8].

Выводы

1. Проведённое сравнительно-историческое исследование показало, что за четверть века содержание основных поведенческих, эмоциональных, социально-психологических и личностных характеристик юношества существенно не изменилось. Предпочитаемые виды активностей в социальном и личном пространствах, копинг-стратегии, потенциальные области негативных эмоциональных переживаний (причины страхов и тревожности) старших подростков начала 1990-х гг. и 2020-2021 гг. значительно не различаются. Полученные данные свидетельствуют о том, что радикальное изменение социальной ситуации развития современного ребёнка (цифровизация взаимодействия человека с окружающей средой) привело к появлению новых инструментальных возможностей в организации личного и социального пространства взросления, но не затронуло основных механизмов социализации старших подростков.

2. Единственная переменная, по которой зафиксированы различия на уровне тенденции между сравниваемыми выборками, это субъективное переживание психологической безопасности. В 2021 г. выявлен более высокий уровень тревожности в отношении возможных угроз со стороны социума. Можно предположить, что подростки начала 1990-х гг. были более «наивны» в отношении потенциальных опасностей изменяющегося общества, что и определяло отношение к миру как достаточно безопасному. Данные сравнительного изучения отношения учащихся раннего юношеского возраста к социальным проблемам современности позволяют с осторожностью предположить, что исторический, цифровой и эпидемиологический контексты современной ситуации взросления, так радикально отличные от реалий 25-летней давности, не являются критичными для психологического благополучия современных старших подростков и юношей.

3. Отношение к социальным проблемам современных юношей и девушек может выступать в качестве прогностического параметра рисков противоправного поведения молодёжи. Знание актуальных тем, волнующих подростков, представляется необходимым для создания эффективных психолого-педагогических приёмов воздействия на формирование правосознания.

Список литературы:

1. Андреева, А.Д. Детство в субъективных представлениях современных взрослых и подростков о жизненных циклах / А.Д. Андреева // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 42-51.
2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – Москва: Новый юрист, 1998. – С. 572-587.
3. Енгальчев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: Автореф. дисс. ... доктора психологических наук / В.Ф. Енгальчев. – Санкт-Петербург, 2006. – 44 с.
4. Лисовский, В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях (размышления социолога о преемственности поколений) / В.Т. Лисовский // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 111-116.
5. Любцова, А.В. Ценностные ориентиры современной молодёжи в контексте формирования про-социального поведения / А.В. Любцова // Российский психологический журнал. – 2020. – 17(4). С. 65-79. – DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4>.
6. Психологические программы развития личности в подростковом и старшем школьном возрасте. Пособие для школьных психологов / под общей редакцией И.В. Дубровиной. – Москва: Издательский центр «Академия», 1995. – С. 101-120.
7. Румянцев, Н.Е. Социально-гражданское воспитание с психологической точки зрения / Н.Е. Румянцев // Вестник воспитания: научно-популярный журнал. – 1916. – Том 7. – С. 1-43.
8. Румянцев, Н.Е. Социально-гражданское воспитание с психологической точки зрения / Н.Е. Румянцев // Вестник воспитания: научно-популярный журнал. – 1916. – Том 8. – С. 1-40.
9. Собкин, В.С. К вопросу о межпоколенческих различиях в социальном самочувствии подростков: жизненная позиция и оценка значимости угроз / В.С. Собкин, Е.А. Калашникова // Психологическая наука и образование. – 2021. – Том 26. – № 3. – С. 54-69. – DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260303>.
10. Толстых, Н.Н. Социальные представления о школе и учении в разных группах участников образовательного процесса / Н.Н. Толстых, Н.В. Тер-Аванесова, Н.А. Черняк // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24. – № 6. – С. 5-15. – DOI: [10.17759/pse.2019240601](https://doi.org/10.17759/pse.2019240601).
11. Хейманс, П. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования / П. Хейманс, О.А. Идобаева, О.А. Карабанова, А.И. Подольский // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 2. – С. 9-20.
12. Шамионов, Р.М. Роль ценностей в приверженности молодёжи различным видам социальной активности / Р.М. Шамионов, Е.Е. Бочарова, Е.В. Невский // Социальная психология и общество. – 2022. – Том 13. – № 1. – С. 124-141. – DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>.
13. Шульга, Т.И. Представления подростков о девиантном поведении [Электронный ресурс] / Т.И. Шульга, Н.В. Дворянчиков // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 174-188. – DOI: [10.17759/psylaw.2020100312](https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100312).
14. Fabienne, L.R. Coenders Growing Up in Post-Conflict Kosovo. Youth's Insecurities and Their Attitudes Towards Police / L.R. Fabienne // Journal of Human Security. – 2020. – Volume 16. – Issue 2. – Pages 66-81. – DOI: [10.12924/johs2020.16020066](https://doi.org/10.12924/johs2020.16020066).
15. Light, M. How gun control policies evolve: Gun culture, 'gunscares' and political contingency in post-Soviet Georgia / M. Light, E. Slonimerov // Theoretical Criminology. – 2020. – №24(4). – Pp. 590-611. – DOI: [10.1177/1362480618822832](https://doi.org/10.1177/1362480618822832).
16. Patton, G.C. Our future: a Lancet commission on adolescent health and wellbeing / G.C. Patton, S.M. Sawyer, J.S. Santelli [et all] // Lancet. – 2016. – Jun. 11; 387(10036): 2423-78. – DOI: [10.1016/S0140-6736\(16\)00579-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(16)00579-1). Epub 2016 May 9. PMID: 27174304; PMCID: PMC5832967.

L.A. Begunova

**ATTITUDE TO SOCIAL PROBLEMS AS STRUCTURAL COMPONENT
OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF SENIOR ADOLESCENTS**

Abstract: Disclosure of the psychological content of the youth's social self-determination process is traditionally the subject of the research in psychological science. The relevance of the topic is determined by the demand of the society in effective psychological and pedagogical practices of educating the civic position of young people. The attitude of adolescents to the actual social problems of the society is considered by us as components of legal consciousness, which we define as an emotional assessment of legal norms and institutions of law (A. B. Vengerov). The article presents the dynamics of the attitude of adolescents aged 16-18 to weapons, drugs, corruption, a sense of security and the availability of support resources for 25 years. The data obtained indicate that a radical change in the social situation of the development of a modern child (digitalization of human interaction with the environment) has led to the emergence of new instrumental opportunities in organizing the personal and social space of growing up but has not affected the main mechanisms of adolescent socialization. The attitude to social problems of modern boys and girls can act as a prognostic parameter for the risks of young people's illegal behavior. Knowledge of current topics of concern to adolescents seems necessary to create effective psychological and pedagogical methods of influencing the formation of legal consciousness.

Key words: legal consciousness; value preferences; socio-psychological characteristics; adolescents.

References:

1. Andreeva A.D. Detstvo v subyektivnykh predstavleniyakh sovremennykh vzroslykh i podrostkov o zhiznennykh tsiklakh // Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya. 2020. V. 13. № 1. P. 42-51 (In Russ.).
2. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. – M.: Novy yurist, 1998. P. 572-587 (In Russ.).
3. Engalychev V.F. Psikhologicheskiye osnovy vuzovskoi podgotovki spetsialistov v yuridicheskoi psikhologii // Abstract Doctor diss / V.F. Engalychev, SPb: 2006. 44 p.
4. Lisovsky V.T. «Ottsy» i «deti»: za dialog v otnosheniyakh (razmyshleniya sotsiologa o preemstvennosti pokoleny) // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2002. № 7. P. 111-116 (In Russ.).
5. Lyubtsova A.V. (2020). Tsennostnye orientiry sovremennoi molodezhi v kontekste formirovaniya prosotsialnogo povedeniya. Rossiisky psikhologichesky zhurnal, 17(4), 65-79. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4> (In Russ.).
6. Psikhologicheskiye programmy razvitiya lichnosti v podrostkovom i starshem shkolnom vozraste. Posobiye dlya shkolnykh psikhologov. Gen. ed. by I.V. Dubrovina, M. PC «Akademia», 1995. P. 101-120. (In Russ.).
7. Rumyantsev N.E. Sotsialno-grazhdanskoye vospitaniye s psikhologicheskoi tochki zreniya // Vestnik vospitaniya: nauchno-populyarny zhurnal. 1916. Volume 7. P. 1-43 (In Russ.).
8. Rumyantsev N.E. Sotsialno-grazhdanskoye vospitaniye s psikhologicheskoi tochki zreniya // Vestnik vospitaniya: nauchno-populyarny zhurnal. 1916. Volume 8. P. 1-40 (In Russ.).
9. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. K voprosu o mezhpokolencheskikh razlichiyakh v sotsialnom samochuvstvii podrostkov: zhiznennaya pozitsiya i otsenka znachimosti ugroz // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 2021. Volume 26. № 3. P. 54-69. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260303> (In Russ.).
10. Tolstykh N.N., Ter-Avanesova N.V., Chernyak N.A. Sotsialnye predstavleniya o shkole i uchenii v raznykh gruppakh uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 2019. V. 24. № 6. P. 5-15. doi: 10.17759/pse.2019240601 (In Russ.).
11. Kheimans P., Idobaeva O.A., Karabanova O.A., Podolsky A.I. Psikhoemotsionalnoye blagopoluchiye sovremennykh podrostkov: opyt mezhdunarodnogo issledovaniya // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2011. № 2. P. 9-20 (In Russ.).
12. Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevsky E.V. Rol tsennostey v priverzhennosti molodezhi razlichnym vidam sotsialnoi aktivnosti // Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo. 2022. Volume 13. № 1. P. 124-141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108> (In Russ.).

13. Shulga T.I., Dvoryanchikov N.V. Predstavleniya podrostkov o deviantnom povedenii [Electronic resource] // Psikhologiya i pravo. 2020. Volume 10. № 3. P. 174-188. DOI:10.17759/psylaw.2020100312. (In Russ.).
14. Fabienne L.R. Coenders Growing Up in Post-Conflict Kosovo; Youth's Insecurities and Their Attitudes Towards Police Journal of Human Security j 2020 j Volume 16 j Issue 2 j Pages 66-81. DOI: 10.12924/johs2020.16020066 (In Engl.).
15. Light M, Slonimerov E. How gun control policies evolve: Gun culture, 'gunscares' and political contingency in post-Soviet Georgia. Theoretical Criminology. 2020; 24(4): 590-611. doi:10.1177/1362480618822832 (In Engl.).
16. Patton GC, Sawyer SM, Santelli JS, et al Our future: a Lancet commission on adolescent health and wellbeing. Lancet. 2016 Jun 11; 387(10036): 2423-78. doi: 10.1016/S0140-6736(16)00579-1. Epub 2016 May 9. PMID: 27174304; PMCID: PMC5832967 (In Engl.).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022

Ю.Н. Гут, Ю.Н. Левшук

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: Исследование посвящено анализу проблемы развития правовой грамотности и правового сознания подрастающего поколения разными социальными институтами. В качестве основных методов исследования использован метод анализа научных источников и нормативных правовых актов. В результате проанализированы нормы законодательства Российской Федерации, ориентированные на развитие правосознания и правовой грамотности подростков, от которых будет зависеть будущее нашей страны. Раскрыта роль основных социальных институтов (государство, семья, образовательные учреждения), ответственных за социализацию подростков, в том числе и правовую. Подробно рассмотрена роль семьи, как первого и основного института социализации ребёнка, влияющего на развитие физического, психического, духовно-нравственного развития и правовой культуры личности в работах отечественных ученых. Отмечено, что ряд ученых считают, что формирование нравственных норм и ценностей начинается с детства, поскольку в этом возрасте ребёнок весьма восприимчив к усвоению нравственных норм и требований. Однако особое внимание развитию правового сознания следует уделять в подростковом возрасте - периоде активного формирования Я-концепции, когда созревают и когнитивные, и эмоциональные, и личностные предпосылки к становлению правовой культуры взрослого человека. В заключении предлагаются основные рекомендации по формированию правового сознания и грамотности подростков.

Ключевые слова: правовое сознание; подростковый возраст; Я-концепция; самоотношение; правовая социализация; институт семьи; воспитание; нравственность; правонарушение.

Введение. В Российской Федерации в последнее время всё чаще встают вопросы формирования гражданского общества, повышения правовой культуры его членов, обозначение базовых ценностей и принципов жизни общества с приоритетным значением человека и его прав и свобод в этой шкале ценностей. Целью правовой культуры является интеграция в социальную среду с определенным влиянием на формирование правовых установок, развитие у членов общества понимания необходимости определённого правового поведения [12]. Актуальность данной проблемы заключается в важности роли правовой культуры в процессе социализации личности.

Правовая культура упорядочивает и систематизирует практику отношений, получающую общественное признание [18].

Сторонники идеального подхода в изучении правовой культуры рассматривают её как достигнутый обществом или отдельным индивидом определённый уровень знаний и понимания права, как идеальное, интеллектуально-эмоциональное явление. На когнитивном уровне правовая культура выражается в правовых знаниях; на эмоциональном – в уверенности в действительности права и его регулирующих возможностей, уважение к нему [14; 15; 16].

С 2011 года в нашей стране эффективно реализуются Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан,

утвержденные Президентом Российской Федерации и определяющие принципы, цели, основные направления и содержание социально-правовых функций государства по развитию правовой грамотности и правосознания граждан в целом, так и по формированию правовой грамотности и правосознания подростков, в частности [4].

То есть, вопросу формирования правосознания и правовой грамотности подрастающего поколения государство придаёт особое внимание, акцентируя его на исторически сложившихся нормах морали, на общепризнанных нравственных ценностях многонационального народа нашего государства, которые нашли закрепление в нормах права, гарантируя тем самым правомерное поведение подростков, исключая любые формы национального и религиозного экстремизма или посягательств на общественную нравственность и правопорядок, гражданский мир и национальное согласие, и, как следствие, формируя позитивное правовое сознание несовершеннолетних российских граждан.

Правосознание и подростковый возраст

По мнению Ратинова А.Р., «именно в подростковом возрасте, по и Ефремовой Г.Х., формируется более или менее устойчивая ценностно-нормативная модель поведения («правовая концепция»), развивающаяся и укрепляющаяся в течение всей жизни» [17].

Вместе с этим, систематически и комплексно совершенствуется российское законодательство и правоприменительная практика, модернизируется как государственное, так и муниципальное управление, правоохранительная деятельность в целях предупреждения и пресечения коррупции, подмены в бюрократических интересах демократических общественных целей и задач, что так же положительно влияет на формирование правосознания подростков, мотивируя их на получение знаний и умений в области права.

Целью данного исследования является анализ нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения с участием несовершеннолетних, выявление проблем формирования правосознания подростков и определение факторов, развивающих правовую грамотность подрастающего поколения.

Понятие «правосознание» имеет междисциплинарное значение и изучается философией, юриспруденцией, социологией и др.

В последнее время анализ данного феномена весьма широко проводится и психологами. При всем многообразии теорий и концепций, на наш взгляд, самой проработанной является структурно-функциональная модель А.Р. Ратинова, состоящая из трех основных элементов: когнитивный, оценивания и регулятивный. Где когнитивный компонент включает в себя правовые знания, компонент оценивая – систему оценок и критериев оценивания правового поведения людей, а регулятивный – волевою структуру личности и социальные установки, относящиеся к правовой системе.

Вне всяких сомнений, среди формирующих правосознание подростков факторов, в первую очередь, необходимо назвать степень обеспечения реализации принципа верховенства права, гарантирующего безусловное исполнение закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за его нарушение, а именно, возрастающую роль нормативных правовых актов в системе социальных регуляторов, усиливающую правовые начала в поведении всех членов общества в целом, и подростков, в частности.

В психологии возрастной аспект изучения правосознания изучается при правовой социализации личности. Известно, что главным социальным институтом выступает семья, чье воздействие считается наиболее длительным и всеобъемлющим. Законопослушное поведение родителей, характер воспитания и моральный климат в семье имеет ключевое значение в процессе формирования правовой культуры и позитивного правосознания ребёнка и его поведения.

В соответствии со ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации, родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей [2]. Согласно утверждению Ю.М. Антоняна, «формирование личности, т.е. усвоение ею социальных ролей и правил поведения, развитие системы ценностей и мировоззрения начинается с самых ранних ступеней жизни человека, иными словами, от рождения» [6, с. 735].

Приобретение общественно необходимых качеств личности, формирования сознания, в том числе и правового, происходит в процессе овладения социальными нормами и правилами и ценностями, позволяющими успешно функционировать в обществе. Наиболее интенсивным периодом социализации ученые указывают детство и подростковый возраст [10; 22]. По мнению И.И. Кона, подростковый возраст является критическим для формирования самоотношения. И таких новообразований, как рефлексия на себя, на других и на общество в целом [9; 13]. В этом возрасте усиливается потребность изучать социум и искать своё место в нём, понять особенности взаимодействия людей [7; 21; 23]. Именно в подростковом возрасте, как утверждают представители возрастной и юридической психологии, «данный процесс (познание правовых норм и отношений) носит уже осмысленный характер, в отличие от предыдущих возрастных периодов, когда нормы усваивались через внушение и подражание» [8, с. 139].

В связи с активностью процессов биологического созревания организма, подростки остро реагируют на всё происходящее вокруг, а социальная обстановка отражается на каждом подростке [11; 18]. Поэтому следующим важным фактором, влияющим на формирование правосознания подростков, является качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания. В психологии этот феномен называется «вторичной социализацией», когда происходит формирование целостности личности, коррекция внешнего правового поведения личности путём подготовки к той или иной социальной роли в обществе.

Особого внимания заслуживает такой фактор формирования правосознания подростков, как создание благоприятствующих условий для распространения и использования доступных и лёгких, интересных для восприятия информационных сведений, просветительского в области

права характера, посредством печати, электронных ресурсов, в том числе через средства массовой информации.

Немаловажным для формирования правового сознания у подростков является понятность, доступность и эффективность действующего законодательства, адекватно регулирующего реально сложившиеся общественные отношения, гарантирующего реализацию принципов справедливости и равноправия, обеспечивающего соответствие норм права интересам и потребностям всех членов общества. Оптимизация действующего законодательства в соответствии с потребностями развивающихся общественных отношений, выявление правовых пробелов, устранение коллизий, своевременная законодательная кодификация, установление единых подходов в правоприменении, установление и решение проблемных аспектов правоприменения в связи с неправильным толкованием и применением законодательства так же положительно сказывается на формировании правосознания несовершеннолетних, на формировании у них уважительного отношения к закону.

Эффективная, профессиональная и законная деятельность правоохранительных и иных уполномоченных органов по выявлению и пресечению преступлений и правонарушений, обеспечение неотвратимости соразмерного и справедливого наказания за нарушение закона тоже мотивирует подростков на правомерное поведение и формирует у них стремление к правовой грамотности.

Обеспечение правопорядка в жизненно важных сферах жизни подростков, соблюдение нормативных требований организациями и учреждениями, осуществляющими реализацию товаров и услуг, является ещё одним фактором формирования у подростков позитивного правосознания.

На наш взгляд, деятельность лиц творческих профессий и их объединений, средств массовой информации, организаторов эфирного и кабельного вещания, издательских организаций, производителей рекламной продукции, направленная на создание и распространение произведений, активно продвигающих в общественное сознание модель законопослушного поведения в качестве общественно одобряемого образца, с одновременным ограничением распространения произведений, прямо или косвенно пропагандирующих непочтительное отношение к закону, суду и государству, правам человека и гражданина, поэтизирующих и пропагандирующих криминальное поведение, может сыграть решающую роль при формировании

у несовершеннолетних правового сознания и мотивации их на достижение правовой грамотности.

Расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы. Возможности трансграничного оборота информации всё чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. При этом практика внедрения информационных технологий без увязки с обеспечением информационной безопасности существенно повышает вероятность проявления информационных угроз. Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий.

Отмечается тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объёма материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации. Российские средства массовой информации зачастую подвергаются за рубежом откровенной дискриминации, российским журналистам создаются препятствия для осуществления их профессиональной деятельности.

Нарастает информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодёжь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В связи с этими угрозами Указом Президента Российской Федерации в 2016 году была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [5], определившая стратегические цели обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности, такие, как: защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение

основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры.

Ключевыми направлениями обеспечения информационной безопасности в России являются повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, и противодействия таким правонарушениям, а также нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения.

Деятельность государственных органов по обеспечению информационной безопасности основывается на принципе законности общественных отношений в информационной сфере и правовом равенстве всех участников таких отношений, основанных на конституционном праве граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1].

Отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; при применении информационных технологий; при обеспечении защиты информации урегулированы Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, основывается на принципах, с одной стороны, свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом, с другой стороны, неприкосновенности частной жизни, недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2021).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.07.2021).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2021).
4. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержд. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года Пр-1168 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Заключение. Вопросу формирования правосознания и правовой грамотности подрастающего поколения в нашей стране уделяется большое внимание, акцентируя его на исторически сложившихся нормах морали, на общепризнанных нравственных ценностях нашего государства, которые нашли закрепление в нормах права, гарантируя тем самым правомерное поведение, и, как следствие, формируя позитивное правовое сознание несовершеннолетних российских граждан. В наши дни развитием правового сознания осуществляют разные субъекты: государство в лице органов государственной власти, общественные организации, образовательные учреждения, СМИ, однако самым первым институтом социализации является семья. Именно семья имеет ключевое значение в процессе формирования правовой культуры и позитивного правосознания и поведения.

Развитие нравственного и правового сознания личности начинается с раннего детства в процессе социализации. Это развитие последовательно на всех этапах психического развития человека. Однако сензитивным периодом зарождения правовой культуры человека является подростковый возраст, когда процесс правовой социализации становится систематическим. В период формирования Я-концепции, когда развиваются процессы самосознания и самоопределения, приводящие, в конечном счете, к той жизненной позиции, с которой ребёнок начинает свою самостоятельную жизнь, он особенно восприимчив к усвоению нравственных норм и требований.

Таким образом, процесс правового сознания происходит по следующей схеме: усвоение нормативно-правовых знаний, определяющих меру возможного поведения; овладение социальными навыками; осознание своих прав и выстраивание взаимоотношений между правовыми институтами.

5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержд. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2021).
6. Антонян, Ю.М. Криминогенное влияние на личность на стадии ранней социализации / Ю.М. Антонян // *Lex Russica*. – 2013. – № 7. – С. 735.
7. Атагимова, Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России [Электронный ресурс] / Э.И. Атагимова // *Правовая информатика*. – 2017. – № 2. – С. 18-27. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30032108> (дата обращения: 01.05.2022).
8. Бойкина, Е.Э. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка [Электронный ресурс] / Е.Э. Бойкина, В.А. Чернов // *Психология и право*. – 2021. – Том 11. – №1. – С. 135-149. – URL: <https://www.doi.org/10.17759/psylaw.2021110111> (дата обращения: 01.05.2022).
9. Гуд, М.Б. Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних [Электронный ресурс] / М.Б. Гуд // *Психология и право*. – 2017. – Том 7. – № 4. – С. 1-9. – URL: <https://www.doi.org/10.17759/psylaw.2017070401> (дата обращения: 02.05.2022).
10. Гут, Ю.Н. Природные и социальные факторы девиантного поведения у подростков / Ю.Н. Гут, М.К. Кабардов // *Психологическая наука и образование*. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 80-90. – DOI 10.17759/pse.2018230408.
11. Достовалов, С.Г. Доверие к социальному миру как фактор формирования правосознания у подростков [Электронный ресурс] / С.Г. Достовалов // *Психология и право*. – 2013. – Том 3. – № 1. – URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58316.shtml> (дата обращения: 07.05.2022).
12. Кибизова, Е.К. Проблема формирования правовой культуры молодёжи в России [Электронный ресурс] / Е.К. Кибизова // *Инновационная наука*. – 2017. – №4-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-pravovoy-kultury-molodezhi-v-rossii> (дата обращения: 05.05.2022).
13. Кон, И.С. Психология старшеклассника / И.С. Кон. – Москва: Просвещение, 1980. – 192 с.
14. Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.В. Лазарев, Л.А. Морозова, Т.Н. Радько. – Москва: Издательство Проспект, 2020. – 568 с.
15. Малько, А.В. Теория государства и права: курс лекций / А.В. Малько, Н.И. Матузова. – Москва: Юристъ, 2021. – 623 с.
16. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства [Электронный ресурс] / В.С. Нерсисянц. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 272 с. – URL: <http://be5.biz/pravo/t001/index.html> (дата обращения: 05.05.2022).
17. Ратинов, А.Р. Избранные труды / А.Р. Ратинов; сост. М.В. Кроз, Н.А. Ратинова; предисловие О.Д. Ситковская; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2016. – 212 с.
18. Усманова, Е.Ф. Задачи правовой культуры и её роль в правотворческой и правоприменительной деятельности [Электронный ресурс] / Е.Ф. Усманова // *Мир науки и образования*. – 2015. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-pravovoy-kultury-i-ee-rol-v-pravotvorcheskoy-i-pravoprimenitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.05.2022).
19. Яцко, А.Г. Влияние неблагополучной семьи на личностный потенциал подростка / А.Г. Яцко, Ю.Н. Гут // *Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход: Материалы IX Всероссийской конференции с международным участием, Курск, 21-22 ноября 2019 года / под ред. П.В. Ткаченко*. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2019. – С. 327-333.
20. Bonewits, I. The Advanced Bonewits' Cult Danger Evaluation Frame [Electronic resource] / I. Bonewits. – URL: <https://neopagan.net/ABCDEF.html> (дата обращения: 30.03.2020).
21. Boykina E.E., Chernov V.A. Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment [Electronic resource] / E.E. Boykina, V.A. Chernov // *Psychology and Law*. – 2021. – Vol. 11, no. 1. – Pp. 135-149. – DOI: 10.17759/psylaw.2021110111.
22. Salakhova, V.B. Dynamics of the value-motivation sphere under the influence of socio-psychological correction in a person prone to deviant behavior / V.B. Salakhova, T.I. Shulga, M.A. Erofeeva, I.V. Ulyanova, O.B. Malkina, E.M. Klimova, S.L. Evenko // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. – 2018. – Vol. 8. – № 12. – P. 32-45.

Yu.N. Gut, M.V. Levshuk

ON ISSUE OF ADOLESCENTS' LEGAL AWARENESS DEVELOPMENT

Abstract: The research is devoted to the analysis of the problem of the development of the younger generation's legal literacy and legal consciousness by various social institutions. The method of analysis of scientific sources and normative legal acts is used as the main research methods. As a result, the norms of the legislation of the Russian Federation focused on the development of legal awareness and legal literacy of adolescents, on whom the future of our country will depend, are analyzed. The role of the main social institutions (state, family, educational institutions) responsible for the socialization of adolescents, including legal ones, is revealed. The role of the family as the first and main institution of the child's socialization, influencing the development of physical, mental, spiritual and moral development and legal culture of the individual in the works of domestic scientists is considered in detail. It is noted that a number of scientists believe that the formation of moral norms and values begins in childhood, since at this age the child is very susceptible to the assimilation of moral norms and requirements. However, special attention should be paid to the development of legal consciousness in adolescence - the period of active formation of the Self-concept, when both cognitive, emotional, and personal prerequisites for the formation of legal culture of an adult mature. In conclusion, the main recommendations for the formation of adolescents' legal consciousness and literacy are proposed.

Key words: legal consciousness; adolescence; Self-concept; self-attitude; legal socialization; family institution; upbringing; morality; offense.

References:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) // Ofitsialny internet-portal pravovoi informatsii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Semeiny kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (ed. on 02.07.2021) // Ofitsialny internet-portal pravovoi informatsii <http://pravo.gov.ru> – 02.07.2021.
3. Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: Federalny zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 30.12.2021) // Ofitsialny internet-portal pravovoi informatsii <http://pravo.gov.ru> – 29.12.2020.
4. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere razvitiya pravovoi gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan, utverzhd. Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 28 aprelya 2011 goda Pr-1168 // SPS «KonsultantPlyus».
5. Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii, utverzhd. Ukazom Prezidenta Rossiiskoj Federatsii Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 // Ofitsialny internet-portal pravovoi informatsii <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2016.
6. Antonyan Yu.M. Kriminogennoye vliyanie na lichnost na stadii rannei sotsializatsii // Lex Russica. 2013. № 7. P. 735.
7. Atagimova, E.I. Rol instituta semyi pri formirovanii nrvstvvennosti i pravosoznaniya lichnosti v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo prostranstva Rossii // Pravovaya informatika. 2017. № 2. – P. 18-27.
8. Boikina E.E., Chernov V.A. Pravosoznaniye podrostkov pokoleniya tsentinalov: prognosticheskaya otsenka // Psikhologiya i pravo. 2021. Volume 11. № 1. P. 135-149.
9. Gud M.B. Vospitaniye v semye kak faktor pedagogicheskoi korrektsii pravovogo soznaniya u nesovershennoletnikh // Psikhologiya i pravo. 2017. Volume 7. № 4. P. 1-9.
10. Gut, Yu.N., Kabardov M.K. Prirodnye i sotsialnye faktory deviantnogo povedeniya u podrostkov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. – 2018. – V. 23. – № 4. – P. 80-90.
11. Dostovalov S.G. Doveriye k sotsialnomu miru kak faktor formirovaniya pravosoznaniya u podrostkov // Psikhologiya i pravo. 2013. Volume 3. № 1.
12. Kibizova E.K. Problema formirovaniya pravovoi kultury molodezhi v Rossii // Innovatsionnaya nauka. 2017. № 4-2.
13. Kon I.S. Psikhologiya starsheklassnika. – Moscow: Prosveshcheniye, 1980 – P. 192.
14. Lazarev V.V., Morozova L.A., Radko T.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. Moscow: PH Prospekt, 2020. 568 p.
15. Malko A.V., Matuzova N.I. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsy. Moscow: Yurist, 2021. 623 p.

16. Nersesyants V.S. Obschchaya teoriya prava i gosudarstva.
17. Ratinov A.R. Izbrannye trudy / Coll. by M.V. Kroz, N.A. Ratinova; introd. by O.D. Sitkovskaya; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii. M. 2016. 212 p.
18. Usmanova E.F. Zadachi pravovoi kultury i eyo rol v pravotvorcheskoi i pravoprimeritelnoi deyatelnosti // Mir nauki i obrazovaniya. 2015. №2.
19. Yatsko A.G., Gut Yu.N. Vliyaniye neblagopoluchnoi semyi na lichnostny potentsial podrostka // Psikhologiya zdorovya i bolezni: kliniko-psikhologichesky podkhod: Materialy IX Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem., Kursk, 21-22 November 2019. Ed. by P.V. Tkachenko. – Kursk: Kursk State Medical university, 2019. – P. 327-333.
20. Bonewits I., The Advanced Bonewits' Cult Danger Evaluation Frame.
21. Boykina E.E., Chernov V.A. Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment. Psychology and Law, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 135-149.
22. Salakhova V.B., Shulga T.I., Erofeeva M.A., Ulyanova I.V., Malkina O.B., Klimova E.M., Evenko S.L. Dynamics of the value-motivation sphere under the influence of socio-psychological correction in a person prone to deviant behavior Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. №12. P. 32-45.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022

**МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ И ПОИСК ПУТЕЙ
ИХ СНИЖЕНИЯ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЁЖИ**

УДК 159.9

DOI 10.54072/26586568_2022_5_2_85

Т.Г. Хащенко

**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОДРОСТКОВ
К ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ**

Аннотация: В статье представлен теоретико-методологический анализ проблемы формирования личностной устойчивости детей и подростков к деструктивному информационному влиянию в цифровом пространстве. Обосновывается необходимость реализации в единстве триады основных подходов к решению проблемы безопасности личности в цифровой среде: через управление содержанием самой информационной среды; посредством оптимизации режима взаимодействия личности с виртуальным миром и профилактику гаджет-зависимости, а также посредством формирования внутреннего психологического фундамента устойчивости к деструктивному информационному воздействию. Раскрываются основные аспекты проблемы личностной устойчивости детей и подростков к деструктивному информационному воздействию, требующие внимания исследователей: отсутствие единого научного понимания данного феномена и принятой в научном сообществе теоретической модели, применимой к детям и подросткам; дефицит психометрически проверенного диагностического инструментария и верифицированных психолого-педагогических технологий, связанный с недостаточной изученностью психологических закономерностей и механизмов функционирования и развития детской психики в цифровом пространстве, а также с недостаточным пониманием возможностей и ограничений е-форматов управления этим развитием, необходимым для оптимизации соотношения непосредственно контактных и онлайн-режимов взаимодействия участников процесса в условиях межпоколенческого цифрового разрыва.

Ключевые слова: цифровое пространство; психологическая безопасность; деструктивная информация; личностная устойчивость.

Всеобъемлющая цифровизация различных сфер человеческого бытия в сочетании с интенсивным распространением агрессивных информационных технологий вторжения во внутренний мир человека на фоне ускорившегося перманентного обновления средств коммуникации и информационных технологий, опосредующих взаимодействие человека с внешним миром и с его собственным «внутренним» содержанием, порождают новые угрозы психологической безопасности человека и общества. Эти угрозы специфичны относительно разных возрастных периодов и различных этапов социализации личности, но особенно актуальны по отношению к детям и подросткам, поскольку в этом возрасте воздействие деструктивной информации не ограничивается опасными «здесь и сейчас» изменениями внутреннего состояния и внешней активности ребёнка, но способствует развитию устойчивых деформаций его личности в жизненной перспективе.

Решение проблемы информационной безопасности личности ищется на текущий момент

в рамках трех основных подходов: через управление содержанием самой информационной среды (внедрение эффективных инструментов поиска, анализа, диагностики и устранения потенциальных и реальных информационных «вредностей» в цифровой среде); посредством оптимизации режима взаимодействия личности с виртуальным миром и профилактику (коррекцию) гаджет-зависимости, а также управление внутренним содержанием личности (поиск эффективных инструментов формирования внутреннего психологического фундамента устойчивости к деструктивному информационному воздействию). Первые два подхода и в научном, и практическом планах реализуются значительно активнее, чем третий, прежде всего, по причине недостаточной изученности феномена личностной устойчивости к деструктивному информационному воздействию. Между тем, если обратиться к метафоре, то самые совершенные меры «санитарно-гигиенического» плана в условиях опасных пандемий эффективны только в единстве с мерами

по иммунизации людей. В той же логике острая социальная проблема психологической безопасности человека и социума в цифровом пространстве закономерно актуализирует научную проблему личностного фундамента устойчивости к деструктивной информации, выдвигая в качестве первоочередной научной задачи разработку научных основ формирования личностной устойчивости к деструктивной информации у детей и подростков. Решение этой задачи зависит от ответов на комплекс взаимосвязанных вопросов, которые пока остаются открытыми.

Несмотря на то, что доля «детских» работ в общем числе научных исследований человека в цифровом пространстве пока невелика [18] и носит по большей мере описательный и фрагментарный характер, накопленные данные позволяют исследователям говорить о новом – «цифровом» – измерении самого феномена детства, размывающим сложившуюся модель единого образа детства в отечественной психологии [18]. Указывая на активное замещение традиционных форм социализации новыми цифровыми формами, исследователи отмечают качественное изменение социальной ситуации развития, определяющей направление, содержание и характер возрастного развития. Поэтому активизация изучения особенностей развития и функционирования психики ребёнка в цифровом пространстве, психологических закономерностей и механизмов становления его личности в жизненном пространстве с размытыми границами между виртуальной и физической действительностью, становится необходимым условием его психологической безопасности.

Анализ показывает, что результаты активизировавшихся в последнее десятилетие исследований связи психического развития детей с использованием цифровых инструментов носят пока фрагментарный характер, а внимание авторов фокусируется преимущественно на изменениях в психике детей вследствие их «погруженности» (длительности пребывания) в цифровую среду, и на изменениях преимущественно когнитивных процессов, показателях интеллектуального развития [2, 3, 12, 17, 26, 29 и др.]. Делаются выводы как о позитивном влиянии использования гаджетов на развитие интеллекта детей и подростков (при условии соблюдения временного оптимума «погруженности» в цифровое пространство), так и о негативном эффекте погружения в определенный контент (в частности, в визуальный контент, ориентирующий на признаки «внешние, сходные, конкретные, но не внутренние, невидимые и абстрактные» [17]). Вместе с тем иные аспекты функционирования и

изменения детской психики в цифровой среде (аффективные, мотивационные и т.п.), изучаются менее активно. В ряде работ описывается негативный эффект широкой цифровизации в отношении развития эмоционального интеллекта у детей, отмечается, что многие дети, покидая цифровой мир, не способны к конструктивному общению, полноценному осуществлению действий по самореализации и самопознанию [7]. В целом же исследования фиксируются преимущественно на связи длительности пребывания в цифровой среде и характеристик её контента с особенностями детской психики, фиксируемыми оффлайн. При этом, как правило, делается вывод о «пользе» или «вреде» конкретного контента для психического развития ребёнка без допущения возможности более сложной причинно-следственной взаимосвязи между этими переменными: выбор контента и «зависание» в виртуальном пространстве может определяться теми особенностями психики ребёнка, которые рассматриваются авторами как их последствие.

Получаемая в описанных выше исследованиях информация важна для разработки «внешних» мер защиты детской психики от вредной информации в цифровом пространстве и оптимизации режима пребывания в нем, но недостаточна для понимания того, как функционирует детская психика в этом пространстве с учётом возрастной зрелости её структур, без которого затруднительна разработка инструментов формирования у детей и подростков «внутренней» защиты от деструктивного влияния информации. То есть, вопрос о закономерностях и механизмах функционирования психики детей и подростков в цифровой среде, о специфике их психических процессов (с учётом возрастного развития) в этой среде – это пока один из недостаточно разработанных вопросов, связанных с проблемой личностной устойчивости детей и подростков к деструктивной информации в цифровом пространстве.

Другой открытый вопрос – это вопрос о сути обсуждаемого феномена, его структурно-содержательном строении и возрастной специфике, без ответа на который невозможна разработка теоретической модели, применимой к детям и подросткам. При отсутствии эмпирически и теоретически обоснованной концептуальной модели, объясняющей основные психологические закономерности и механизмы формирования этой личностной особенности в процессе социализации на разных возрастных этапах, затруднена операционализация, необходимая для разработки диагностического

инструментария и эффективных формирующих психотехнологий.

Под психологической устойчивостью человека в широком толковании этого феномена понимается сохранность надежного функционирования всех его психофизиологических систем, сохранения психических функций, необходимого уровня и качества психической деятельности и субъективного благополучия в неблагоприятных для этого обстоятельствах, при наличии деструктивных факторов. Большинство исследований, посвященных этому феномену в разных его проявлениях, объединены общим пониманием психологической устойчивости как системного индивидуально-психологического качества, интегрирующего биологически и социально обусловленные когнитивные, аффективно-волевые и поведенческие составляющие, взаимодействие которых обеспечивает устойчивость индивида по отношению к факторам, которые могут привести к нарушению или снижению продуктивности деятельности, субъективному благополучию, негативно сказаться на физическом и психологическом здоровье и т.д. [11]. То есть, предполагается, что это системное образование включает как биологические основания устойчивости к «вредностям», так и сформированные в процессе социализации личностные основания. Личностная устойчивость в контексте такой трактовки может рассматриваться как подсистема общей психологической устойчивости, проявляющаяся в устойчивости внутреннего мира личности, её внутреннего содержания и отдельных её структур к влиянию неблагоприятных факторов.

Научный интерес к фундаментальной проблеме психологической устойчивости отражён в широком спектре исследований её проявлений в различных видах деятельности, в многообразных авторских описаниях её структурно-содержательных и уровневых характеристик, критериев оценки и методов диагностики, однако единое, общепринятое, научное представление о её структурно-содержательном строении пока отсутствует, в связи с чем научное обоснование сущности и психологического содержания личностной устойчивости к деструктивному информационному воздействию требует не только обобщения и концептуализации всех накопленных данных, но и детальной проработки используемых теоретических конструктов.

Сопоставление имеющихся данных позволяет рассматривать личностную устойчивость к деструктивному информационному воздействию как устойчивость внутреннего мира личности, её внутреннего содержания и актуального

состояния (субъективного благополучия) в деструктивном информационном контексте, проявляющуюся поведенчески в активном и избирательном отношении личности к информационному контенту, в способности формировать самостоятельные выводы на основе верифицированной информации, противостоять скрытым в цифровом контенте манипуляциям, в том числе, формирующим «ложные» представления и актуализирующим ценности и установки, опасные для личности и общества. Однако возникает необходимость научно корректного определения понятий, используемых при описании сущности этого явления. В частности, при использовании понятия «личностная устойчивость к деструктивному информационному воздействию» необходимо исключение многозначности в трактовке термина «устойчивость». Неслучайно при переводе с русского на другие языки применяются разные понятия для разных видов психологической устойчивости: стабильность, резистентность, сопротивление и др. Явления, обозначаемые этими понятиями, хоть и близки, но не тождественны и различаются «мерой» внутренней активности субъекта, занимаемая разное место в континуумах «реактивность-активность» и «адаптация – надситуационная активность».

Если стабильность определяется в словарях как способность конкретной системы функционировать, не изменяя собственную структуру и находясь в равновесии, то сопротивление трактуется в тех же словарях как активное противодействие чему-либо, способное устранить сам негативный фактор, преобразовать источник воздействия. Промежуточное место по параметру активности-реактивности занимает трактовка понятия «резистентность». Резистентность в общем плане понимается как сопротивляемость (устойчивость, невосприимчивость, противодействие) чего-либо или кого-либо неблагоприятным, вредоносным факторам. Однако, получив широкое распространение в разных науках, это понятие приобрело в каждой из них своё специфическое наполнение, которое может быть не тождественным. Если в технической литературе и инженерно-психологических исследованиях резистентность определяется как надежность, прочность в экстремальных условиях, то в биологической и медицинской науках – как невосприимчивость (сохранность) организма к действию повреждающего фактора, которая обеспечивается не только его «заданными» анатомо-физиологическими особенностями, но способностью изменяться при изменении условий (благодаря механизмам активной

адаптации). В психологических и педагогических исследованиях последнего десятилетия понимание психологической устойчивости, реализуемой не только через механизм адаптации, но и через активное преобразование внешнего контекста (в над-адаптивном проявлении), оказывается шире трактовки резистентности в других науках.

Относительно личностной устойчивости к деструктивному информационному воздействию принципиально важно понимать, идет ли речь о сохранности сложившегося внутреннего (психологического) баланса при встрече с потенциальной или реальной информационной угрозой или о внутренне мотивированной преобразующей активности. От ответа на этот вопрос зависят структурно-содержательное строение изучаемого явления и его индикаторы.

Не менее важным препятствием в разработке теоретической модели этого феномена выступает отсутствие единого научного понимания, что такое «деструктивная информация» и «деструктивное влияние (воздействие) информации», в чем их близость и отличие от уже известного понятия «психологическое воздействие» [6]. Несмотря на большой массив исследований, посвященных деструктивной информации в цифровом пространстве, эти словосочетания большей частью используются в их житейском понимании. В науке понятие «деструктивный» трактуется как разрушающий существующую структуру, систему, процесс, приводящий к утрате их функций. Применительно к информационному воздействию деструктивность может проявляться в нарушении психических процессов, в разрушении субъективного благополучия личности и её деятельности, в деформации её Я-концепции и внутренней картины мира, в разрушении адекватных и формировании «ложных» представлений о событиях и людях, в актуализации ценностей и установок, опасных для личности и общества, в разрушении нравственной детерминации самоопределения личности и принимаемых ею решений и т.д. При таком понимании деструктивности информационного воздействия личностная устойчивость к нему в цифровом пространстве может трактоваться как устойчивость внутреннего мира, психической деятельности и субъективного благополучия личности на основе сформированной способности активно противостоять присутствующим в контенте негативным факторам (имеющая когнитивное, аффективно-волевое и поведенческое измерения).

В отечественной психологии большинство эмпирических данных о психологической

устойчивости к деструктивному влиянию информации на деятельность человека получено в инженерно-психологических исследованиях психического состояния и деятельности человека в особых и неблагоприятных условиях (в том числе в ситуациях информационных перегрузок и помех), а также при изучении факторов формирования деструктивных социальных установок. Исследования последних лет, посвященные безопасности информационной среды, деструктивным сетевым сообществам и Интернет-зависимости [4, 5, 8, 13-16, 19 и др.] ориентированы преимущественно на выявление и минимизацию вредоносной информации в цифровой среде и в меньшей мере на поиск индивидуально-психологических коррелятов активности человека в цифровой среде. Кроме того, в большей части эти исследования касаются взрослых. Формирование же внутренних психологических оснований защиты личности от такой информации исследуется менее активно [1, 10].

Значительный объём зарубежных данных получен в рамках исследований психологических механизмов преодоления сопротивления информации, связанной с инновациями (потребительскими, технологическими и др.) [24, 25], а также с общественно-значимыми мерами (например, противоэпидемическими) [28]. В большей степени эти данные концентрируются вокруг социально-демографических, возрастных, гендерных и поведенческих коррелятов этого сопротивления и носят описательный характер, хотя и ставится проблема преодоления сопротивления, которая предполагает, в том числе, изучение его внутриличностных оснований. Анализируется, как влияют на отношение к информации конкретные отзывы целевой группы [22]. Вместе с тем, в последние годы за рубежом заметно возрос интерес исследователей к психологии фейков. В этих исследованиях дается психологическое обоснование «вмешательств», направленных на противодействие распространению фальшивых новостей и дезинформации в Интернете (преимущественно развенчивающего и упреждающего характера). Предлагается «исследовательская программа открытых вопросов» в области психологической науки о причинах и способах распространения фальшивых новостей и способах противостояния им. Изучается устойчивость эффекта «вмешательств», роль достоверности источников, ставится вопрос о том, объясняется ли обмен фальшивыми новостями «познавательной мотивацией» или невнимательностью, указывается на сложность разработки психометрически проверенных инструментов для измерения влияния

«вмешательств» на восприимчивость к фальшивым новостям на индивидуальном уровне [23, 27]. И хотя по большей части эти исследования относятся, скорее, к первым двум из описанных выше подходов, полученные в них данные могут использоваться при разработке теоретико-методологических оснований формирования личностной устойчивости к деструктивному информационному воздействию.

Вместе с тем, описанные выше вопросы, требующие ответа при обосновании научного понятия и структурно-содержательной модели личностной устойчивости к деструктивной информации, не исчерпывают содержания проблемы формирования этого интегрального личностного качества у детей и подростков, поскольку при разработке её технологических решений возникает ещё ряд открытых вопросов. В том числе: в чём специфика психолого-педагогических условий развития личности и эффективности используемых в этих целях развивающих (формирующих, корректирующих) технологий в цифровой среде по отношению к детям и подросткам; какова возможность применения в цифровой среде психолого-педагогических технологий, апробированных оффлайн в непосредственно контактных формах взаимодействия, и каково в этой связи оптимальное соотношение онлайн- и офлайн-форматов реализации таких технологий на фоне межпоколенческого цифрового разрыва. Вопрос о преодолении указанного разрыва стоит остро, поскольку также, как нельзя научить плаванию на берегу, не входя в воду и ограничиваясь объяснениями и демонстрацией примеров, необходимым психолого-педагогическим условием эффективного управления развитием детской психики в цифровом пространстве выступает способность взрослого взаимодействовать с детьми и подростками в этом пространстве. Присутствующее у многих авторов редуцирование сущности цифрового разрыва между поколениями до «расхождения» в цифровой компетентности между поколениями и предположение, что этот разрыв может быть преодолен только путём повышения цифровой компетентности, неверны, поскольку психологическая сущность этого явления заключается в различии между поколениями в самом

способе существования, функционирования в виртуальной реальности, в способности перемещаться из физической реальности в виртуальную, сохраняя (или утрачивая) восприятие границ между ними, в различиях когнитивной и эмоциональной саморегуляции в цифровом пространстве [20, 21].

Таким образом, проблема личностной устойчивости детей и подростков к деструктивному информационному воздействию имеет, как минимум несколько аспектов, требующих неотложного внимания исследователей:

– неразработанность единого научного понимания данного феномена и принятой в научном сообществе его теоретической модели, применимой к детям и подросткам,

– дефицит диагностического инструментария для оценки сформированности и уровня развития этого качества у детей и подростков

– дефицит верифицированных психолого-педагогических технологий формирования личностной устойчивости детей и подростков к деструктивной информации в цифровой среде (обусловленный, в том числе, недостаточной изученностью психологических закономерностей и механизмов функционирования и развития детской психики в цифровом пространстве, а также недостаточным пониманием возможностей и ограничений e-форматов управления этим развитием, необходимым для оптимизации соотношения непосредственно контактных и онлайн-режимов взаимодействия участников процесса в условиях межпоколенческого цифрового разрыва).

Ответы на поставленные выше вопросы находятся в междисциплинарном поле широкого спектра наук: разных отраслей психологии, физиологии, педагогики, информатики, социологии и др. То есть, они могут быть получены только в результате сложного комплекса взаимосвязанных исследований или большой исследовательской программы, возможно с кросс-культурным компонентом для выявления инвариантных и вариативных закономерностей. Без этих ответов невозможно обеспечить психологическую безопасность детей и подростков в цифровом пространстве на современном этапе.

Список литературы:

1. Белашева, И.В. Эмоциональная компетентность и психологическая устойчивость личности студентов ВУЗА / И.В. Белашева // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51). – С. 284-287.
2. Безруких, М.М. Особенности интеллектуального развития детей 15-16 лет с разным опытом работы за компьютером / М.М. Безруких, Ю.Н. Комкова // Экспериментальная психология. – 2010. – № 3. – С. 110-122.

3. Богачева, Н.В. Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр / Н.В. Богачева, А.Е. Войскунский // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12. – № 1. – С. 29-53.
4. Брусенцева, Д.М. Формирование современным медиапространством террористических установок в молодежной среде / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиятулина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – №1. – С.193-198.
5. Емелин, В.А. Психологические последствия развития информационных технологий / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 1(7). – С. 81-87.
6. Енгальчев, В.Ф. Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности / В.Ф. Енгальчев // Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов. – Москва: Юнити-Дана, 2001. – С. 378-398.
7. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 560 с.
8. Демьянова, Е.Г. Дети и подростки как группа риска информационной зависимости / Е.Г. Демьянова, Е.Г. Колесник // Молодой ученый. – 2014. – №4. – С. 946-948.
9. Дружилов С.А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности / С.А. Дружилов // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 4. – С. 89-92.
10. Житченко, О.Н. Формирование устойчивости личности к деструктивному информационному воздействию в процессе её профессионализации в среднем профессионально ориентированном образовательном учреждении: постановка и состояние разработанности проблемы / О.Н. Житченко, Т.Г. Хащенко // Modern Humanities Success. – 2019. – №4. – С. 20-27.
11. Крупник, Е.П. Психологическая устойчивость личности в трудных жизненных ситуациях. Монография / Е.П. Крупник, Н.В. Кисельникова. – Москва: МПСИ, 2014. – 256 с.
12. Кузнецова, А.В. Когнитивные способности интернет-активных школьников 14-16 лет: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук / А.В. Кузнецова. – Москва, 2011. – 27 с.
13. Никитина, Е.А. Влияние социальных сетей на формирование социально-психологических установок / Е.А. Никитина, А.Ю. Желобанова // Известия Юго-западного государственного университета. – 2021. – Т.11. – №3. – С. 158-171.
14. Парфенова, Н.Б. Молодёжь в пространстве информационно-нормативного влияния: методологическое обоснование концептуальной модели исследования / Н.Б. Парфенова, Е.И. Середа // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 4 (27). – С. 20-23.
15. Патрикеева, Э.Г. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодёжи / Э.Г. Патрикеева, О.А. Соловьева, Т.А. Селезнева // Молодой ученый. – 2015. – № 10. – С. 1342-1346.
16. Петрова, Е.В. Информационная среда и её воздействие на человека: проблемы экологии человека в информационном обществе / Е.В. Петрова // Философские науки. – 2017. – № 5. – С. 98-114.
17. Регуш, Л.А. Особенности мышления подростков, имеющих разную степень погруженности в интернет-среду / Л.А. Регуш, Е.В. Алексеева, О.Р. Веретина, А.В. Орлова, Ю.С. Пежемская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2019. – №194. – С. 19-29.
18. Солдатова, Г.У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик. – Москва: Смысл, 2020. – 375 с.
19. Столяренко, А.М. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия. [Электронный ресурс] / А.М. Столяренко, Н.В. Сердюк, В.В. Вахнина, О.М. Боева // Психология и право. – 2019. – № 4. – С. 75-89. – DOI: 10.17759/psylaw.201909040.
20. Хащенко, Т.Г. Межпоколенческий разрыв в цифровом пространстве: актуальные вызовы в системе профессионального образования / Т.Г. Хащенко, О.Н. Житченко // Сб. статей «Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике». – Москва: Психологический институт РАО, 2020. – С. 86-89.
21. Хащенко, Т.Г. Профессионализация личности в цифровом образовательном пространстве: Актуальные вызовы и риски психологического образования / Т.Г. Хащенко // XVII Междунар. научно-практич. конференция «Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию» (Москва, 5-8 июля 2020). – Москва, 2020. – С. 85-89.

22. Apolinário-Hagen Jennifer et al. «Exploring the influence of testimonial source on attitudes towards e-mental health interventions among university students: Four-group randomized controlled trial». – PloS one 16.5 (2021): e0252012.
23. Ecker, Ullrich KH, et al. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction. *Nature Reviews Psychology* 1.1 (2022): 13-29.
24. Huang D., Jin X., Cohlan A. Advances in consumer innovation resistance research: A review and research agenda. *Technological Forecasting and Social Change* 166 (2021): 120594.
25. Hussain S., Li Y., Li W. Influence of platform characteristics on purchase intention in social commerce: Mechanism of psychological contracts. *Journal of theoretical and applied electronic commerce research* 16.1 (2021): 1-17.
26. Sparrow B., Liu J., Wegner D. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // *Science*. – 5 August 2011. – Vol. 333. – No 6043. – P. 776-778.
27. Van der Linden, Sander, et al. How can psychological science help counter the spread of fake news? – *The Spanish Journal of Psychology*, 24 (2021).
28. Walsh, Jane C., et al. «The psychological and behavioural correlates of COVID-19 vaccine hesitancy and resistance in Ireland and the UK». – *Acta psychologica*, 225 (2022): 103550.
29. Wilmer H.H., Sherman L. E., Chein J. M. Smartphones and Cognition: A review of research Exploring the Links between Mobile Technology Habits and Cognitive Functioning // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – № 8(605). – DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00605.

T.G. Khashchenko
**NEW CHALLENGES AND TOPICAL ASPECTS
OF PROBLEM OF ADOLESCENTS' PERSONALITY RESISTANCE
TO DESTRUCTIVE INFORMATION INFLUENCE**

Abstract: The article presents a theoretical and methodological analysis of the problem of the formation of personal resistance of children and adolescents to destructive information influence in the digital space. The necessity of implementing in unity of the triad of the main approaches to solving the problem of personal security in the digital environment is substantiated: through the management of the content of the information environment itself; by optimizing the mode of interaction of the individual with the virtual world and preventing gadget addiction, as well as by forming an internal psychological foundation of resistance to destructive information influence. The main aspects of the problem of personal resistance of children and adolescents to destructive information influence that require the attention of researchers are revealed: the lack of a unified scientific understanding of this phenomenon and the theoretical model accepted in the scientific community applicable to children and adolescents; the lack of psychometrically proven diagnostic tools and verified psychological and pedagogical technologies associated with insufficient knowledge of psychological patterns and mechanisms of functioning and development of the child's psyche in the digital space, insufficient understanding of the possibilities and limitations of e-formats for managing this development, necessary for optimizing the ratio of direct contact and online modes of interaction of participants in the process in the conditions of the intergenerational digital divide.

Key words: digital space; psychological security; destructive information; intrapersonal resistance.

References:

1. Belasheva I.V. Emotsionalnaya kompetentnost i psikhologicheskaya ustoichivost lichnosti studentov VUZA // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2015. № 2 (51). P. 284-287.
2. Bezrukikh M.M., Komkova Yu.N. Osobennosti intellektualnogo razvitiya detei 15-16 let s raznym opytom raboty za kmpyuterpom // *Ekspperimentalnaya psikhologiya*. 2010. № 3. P. 110-122.
3. Bogacheva N.V., Voiskunsky A.E. Kognitivnye stili i impulsivnost u geimerov s raznym urovnem igrovoi aktivnosti i predpochitayemym tipom igr // *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki*. 2015. V. 12. № 1. P. 29-53.
4. Brusentseva D.M., Gafiatulina N.H. Formirovaniye sovremennym mediaprostranstvom terroristicheskikh ustanovok v molodyozhnoi srede // *Gosudarstvennoye i municipalnoye upravleniye. Uchenye zapiski*. 2019. № 1 P.193-198.

5. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Psikhologicheskiye posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnology // Natsionalny psikhologichesky zhurnal. 2012. № 1(7). P. 81-87.
6. Engalychev V.F. Psikhologicheskoye vozdeistviye v pravookhranitelnoi deyatelnosti // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov. M.: Uniti-Dana, 2001. P. 378-398.
7. Goulman D. Emotsionalny intellekt. Pochemu on mozhet znachit bolshe, chem IQ // Mann, Ivanov i Ferber. 2018. – 560 p.
8. Demyanova E.G., Kolesnik E.G. Deti i podrostki kak gruppa riska informatsionnoi zavisimosti // Molodoi ucheny. 2014. № 4. P. 946-948.
9. Druzhilov S.A. «Zagryaznennost» informatsionnoi sredy i problemy psikhologicheskogo zdorovya lichnosti // Sovremennyye naukoemkiye tekhnologii. 2013. № 4. P. 89-92.
10. Zhitchenko O.N., Khashchenko T.G. Formirovaniye ustoichivosti lichnosti k destruktivnomu informatsionnomu vozdeistviyu v protsesse eyo professionalizatsii v srednem professionalno orientirovanom obrazovatelnom uchrezhdenii: postanovka i sostoyaniye razrabotannosti problemy // Modern Humanities Success. 2019. № 4, P. 20-27.
11. Krupnik E.P., Tagirova R.A. Izucheniye problemy ustoichivosti v razlichnykh pedagogicheskikh shkolkakh // Psikhologiya cheloveka v usloviyakh sotsialnoi nestabilnosti / Ed. by B.A. Sosnovsky. M.: MPGU, 1994. P.119-139.
12. Kuznetsova A.V. Kognitivnyye sposobnosti internet-aktivnykh shkolnikov 14-16 let: abstract dis. ... Cand. Psychological Sciences. M., 2011. 27 p.
13. Nikitina E.A., Zhelobanova A.Yu. Vliyaniye sotsialnykh setei na formirovaniye sotsialno-psikhologicheskikh ustanovok //Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. (11) №3. P. 158-171.
14. Parfenova N.B., Sereda E.I. Molodezh v prostranstve informatsionno-normativnogo vliyaniya: metodologicheskoye obosnovaniye kontseptualnoi modeli issledovaniya // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4 (27). P. 20-23.
15. Patrikeeva E.G., Solovyeva O.A., Selezneva T.A. Vliyanie virtualnogo prostranstva seti Internet na zhiznennyye tsennosti sovremennoi molodezhi // Molodoi ucheny. 2015. № 10. P. 1342-1346.
16. Petrova E.V. Informatsionnaya sreda i eyo vozdeistviye na cheloveka: problemy ekologii cheloveka v informatsionnom obshchestve // Filosofskiy nauki. 2017. № 5. P. 98-114.
17. Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.P., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Osobennosti myshleniya podrostkov, imeyushchikh raznuyu stepen pogruzhennosti v internet-sredu // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2019. №194. P. 19-29.
18. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoye pokoleniye Rossii: kompetentnost i bezopasnost. M.: Smysl, 2020. 375 p.
19. Stolyarenko A.M., Vakhnina V.V., Boeva O.M. Psikhologicheskiye aspekty destruktivnogo informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya [Electronic resource] // Psikhologiya i parvo. 2019(9), № 4. P.75-89. doi: 10.17759/psylaw.2019090406.
20. Khashchenko T.G. Zhitchenko O.N. Mezhpokolenchesky razryv v tsifrovom prostranstve: aktualnyye vyzovy v sisteme professionalnogo obrazovaniya // Coll. works «Mezhpokolencheskiye otnosheniya: sovremenny diskurs i strategicheskyye vybory v psikhologo-pedagogicheskoi nauke i praktike». M.: Institute of Psychology RAS. 2020. P. 86-89.
21. Khashchenko T.G. Professionalizatsiya lichnosti v tsifrovom obrazovatelnom prostranstve: Aktualnyye vyzovy i riski psikhologicheskogo obrazovaniya // XVII Mezhdunar. nauchno-praktich. konferentsiya «Novaya psikhologiya professionalnogo truda pedagoga: ot nestabilnoi realnosti k ustoichivomu razvitiyu» (Moscow, 5-8 July 2020). P. 85-89.
22. Apolinário-Hagen Jennifer et al. «Exploring the influence of testimonial source on attitudes towards e-mental health interventions among university students: Four-group randomized controlled trial». PloS one 16.5 (2021): e0252012.
23. Ecker, Ullrich KH, et al. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction. Nature Reviews Psychology 1.1 (2022): 13-29.
24. Huang D., Jin X., Cohlan A.. Advances in consumer innovation resistance research: A review and research agenda. Technological Forecasting and Social Change 166 (2021): 120594.
25. Hussain S., Li Y., Li W. Influence of platform characteristics on purchase intention in social commerce: Mechanism of psychological contracts. Journal of theoretical and applied electronic commerce research 16.1 (2021): 1-17.

26. Sparrow B., Liu J., Wegner D. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 5 August 2011. Vol. 333. No 6043. P. 776-778.
27. Van der Linden, Sander, et al. How can psychological science help counter the spread of fake news? The Spanish Journal of Psychology 24 (2021).
28. Walsh, Jane C., et al. The psychological and behavioural correlates of COVID-19 vaccine hesitancy and resistance in Ireland and the UK. Acta psychologica 225 (2022): 103550.
29. Wilmer H.H., Sherman L.E., Chein J.M. Smartphones and Cognition: A review of research Exploring the Links between Mobile Technology Habits and Cognitive Functioning // Frontiers in Psychology. 2017. № 8(605). DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00605.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022

Г.А. Казарян, А.Г. Тер-Степанян, А.А. Егиазарян
**СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ
И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация: В связи со стремительным проникновением интернета и социальных сетей во все сферы жизни, актуальны исследования не только изучения технических средств и возможностей виртуального пространства, но и, главное, изучения его воздействия на человека. Становится важным изучение психологических особенностей личности, которые проявляются или формируются в виртуальном мире, особенно в подростковом и юношеском возрасте, когда происходит формирование профессионального самоопределения, социальных позиций, построение жизненного плана, поиск личных связей.

Цель нашего исследования – выяснить соотношение между индивидуальными особенностями молодёжи и интернет-коммуникации. Гипотеза исследования заключается в том, что выбор средств интернет-коммуникаций коррелирует с индивидуальными особенностями молодёжи.

В исследовании приняли участие 35 пользователей в возрасте от 18 до 22 лет, в группа включает представителей как женского, так и мужского пола.

В ходе исследования мы использовали следующие методы: опросник уровня агрессивности Басса-Дарки, методы диагностики коммуникативных установок (В.В. Бойко), опросник оценки эмоционального темперамента TEMPS-A (Акискал С.), а также опросник, определяющий «Социально-психологические особенности молодёжи, обусловленные интернет-общением».

Анализируя результаты исследования, можно сказать, что молодёжь 18-22 лет склонна к виртуальному общению, отчасти все общаются через социальные сети, выбор которых связан с расширением общения, с целью преодоления ряда проблем: чувство одиночества, чувство неудовлетворенности своим положением среди сверстников, а также сверстников противоположного пола, неудовлетворенность собственной внешностью, стремление приблизить своё «Реальное Я» к «Идеальному Я».

Ключевые слова: личностные характеристики; интернет-коммуникация; социальное поведение; коммуникативная установка; эмоциональный темперамент; молодёжь; корреляция.

Введение: Интернет-общение стало социальной реальностью и стал актуален вопрос общения молодёжи. Интернет-общение занимает всё больше и больше свободного время молодёжи, часто не оставляя места для живого общения. В настоящее время существует великое множество форм интернет-общения, которые могут способствовать возникновению новых моделей социального поведения и интеграции в живое общение. На пути изучения данного вопроса особый интерес представляет молодёжь, как отдельная социальная группа, так как они активно ищут своё место в социальной структуре, усваивают социальные нормы, ценности и модели поведения.

Существует несколько возможных причин, по которым интернет рассматривается как средство коммуникации [11]:

1. Недостаточный уровень общения в реальной жизни – в таких случаях пользователи быстро теряют интерес к интернет-общению, если предоставляется возможность удовлетворить соответствующие потребности в реальной жизни.

2. Возможность реализовать личностные качества, взять на себя роли, испытать эмоции, что в реальной жизни по тем или иным причинам невозможно. Такая возможность обусловлена особенностями интернет-общения: анонимность, не грубая нормативность, уникальное восприятие пользователя. Желанием испытать ту или иную эмоцию, вероятно, объясняется то, что пользователи стараются сделать текст эмоционально насыщенным.

Люди чаще используют различные медиаканалы и время их использования увеличивается. Существуют различные виды интернет-коммуникаций. Они могут содержать как текстовые сообщения, так и видео-фото сообщения, которые можно условно разделить на мгновенные (online-общение в реальном времени) и не мгновенные (offline-отложенное общение).

Основными формами интернет-общения являются видеочаты (через Skype, FaceTime и другие программы), электронная почта (Mail.ru, Google.com и другие средства), мессенджеры (чаты)-(приложения Messenger, WhatsApp, Viber), онлайн-трансляция, которая показывает пользователя в режиме реального

времени, позволяет друзьям и подписчикам рассказать о собственной жизни, блоги (публичный дневник), форумы, социальные сети и т.д. [11].

Обзор литературы: Ряд психологических исследований связан с изучением причин самопрезентации в социальных сетях, профильным анализом, оценкой некоторых характеристик личностных черт, свойств личности (Д. Кломпер, Дара Н. Гринвуд), самовыражения в интернете (Донат, Сулер, Туркле), создания различных виртуальных личностей (Э.П. Белинская, А.Е. Жичкина, А.Э. Войскунский, О.Н. Арестова, О.В. Смыслова, К. Янг, Дж. Сулер, Э. Рид, Б. Беккер). Физическое отсутствие, наряду с анонимностью, открывает неограниченный простор для подачи подозрительной информации, с одной стороны, и построения предположений о собеседнике, с другой. В результате этого для собеседников в интернет-общении стираются границы, ограничения, барьеры общения, которые обусловлены такими характеристиками, как пол, возраст, социальный статус, внешняя привлекательность, а также коммуникативная компетентность личности (его невербальная сторона) [3, 5].

Кроме того, интернет-технологии делают общение трансграничным, то есть общение больше не зависит от местонахождения коммуникаторов. С учётом этого интернет может выполнять социально-творческую функцию, иначе говоря, создавать новые сообщества с полной информационной базой и общим ценностно-нормативным фундаментом.

Ряд научных работ по социальной психологии посвящены проблеме межличностного, межгруппового общения, особенностям интернет-взаимодействия, формированию впечатления и чувства идентификации между пользователями. В социальной лингвистике

и в психологической лингвистике интернет-коммуникация рассматривается как «электронный дискурс» и как опосредованная речевая деятельность (И.Н. Розина, Л.Ю. Шипицина, Е.И. Горошко, А.Г. Аврамова, Ф.О. Смирнов, Е.Н. Галичкина) [2].

Работы, созданные на основе анализа литературных источников, вносят существенный вклад в изучение основных психологических принципов, определяющих поведение человека в киберпространстве.

Несмотря на то, что наблюдается рост исследований в этой области, специфика интернет-коммуникации и социального взаимодействия молодёжи до сих пор не ясна.

Цель нашего исследования – выяснить взаимосвязь между индивидуальными особенностями молодёжи и интернет-коммуникации. Гипотеза исследования заключается в том, что выбор средств интернет-коммуникаций коррелирует с индивидуальными особенностями молодёжи.

В исследовании приняли участие 35 пользователей в возрасте от 18 до 22 лет, в группу включает представителей как женского, так и мужского пола.

Методы исследования: В ходе исследования мы использовали следующие методы: опросник уровня агрессивности Басса-Дарки, методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко, опросник оценки эмоционального темперамента TEMPS-A (Akiskal H.S.), а также опросник, выявляющий «социально-психологические особенности молодёжи, обусловленные интернет-общением» [9, 10].

Согласно опроснику уровня агрессивности Басса-Дарки, мы получили следующие средние баллы для группы (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Типы агрессии и степень выраженности показателей

№	Типы агрессии	Максимальные сырые баллы	Средний показатель группы/Сырые баллы	Уровень выраженности
1	Физическая агрессия	10	5,31	Средний
2	Вербальная агрессия	13	7,54	Средний
3	Косвенная агрессия	9	5,14	Средний
4	Негативизм	5	3,23	Средний
5	Раздражение	11	6,29	Средний
6	Подозрительность	10	4,97	Средний
7	Обида	8	3,43	Средний
8	Чувство вины	7	5,11	Средний
	Индекс агрессивности` («1» + «2» + «3»)/3	10,67	5,91	Средний
	Индекс враждебности` («6» + «7»)/2	9	4,22	Средний

Как мы видим из таблицы 1, степень выраженности среднего арифметического показателя всех форм агрессии – физической, вербальной, косвенной, негативизма, раздражения, подозрительности, обиды и чувства вины для рассматриваемой нами группы, а также индекс агрессивности и индекс враждебности находятся в пределах средних показателей, нет ни низких, ни высоких показателей агрессивности, что говорит об адаптивном поведении у молодёжи.

Также рассмотрим количество высоких, средних и низких показателей всех видов агрессии среди членов группы. Так, показатели физической агрессии: *низкие* – у 8 исследуемых, *средние* – у 20, *высокие* – у около 7; показатели вербальной агрессии: *низкие* – у 8 исследуемых, *средние* – у 17, *высокие* – у около 10; показатели косвенной агрессии: *низкие* – у 4 исследуемых, *средние* – у 26, *высокие* – у около 5; раздражение: *низкие* – у 3 исследуемых, *средние* – у 21, *высокие* – примерно у 11; подозрительность: *низкие* – у около 10 исследуемых, *средние* – у 22, *высокие* – у около 3; обида: *низкие* – у около 10 исследуемых, *средние* – у 23, *высокие* – у около 2;

чувство вины: *низкие* – 1 исследуемый, *средние* – у 19, *высокие* – у 15; индекс агрессии: *низкие* – у 11 испытуемых, *средние* – у 20 и *высокие* – у 4. Особый интерес представляют показатели негативизма и индекс враждебности, которые отличаются от общей картины, у большей части группы эти показатели высокие. Так, показатели негативизма: *низкие* – у 6 исследуемых, *средние* – у 13, *высокие* – у 16, т.е. у большинства респондентов он рассматривается как оппозиционная форма бунтарского поведения против власти, которая может трансформироваться из пассивного противодействия в активные действия против установленных требований, правил и норм. У индекса враждебности показатели такие: *низкие* – у 6 исследуемых, *средние* – у 8 и *высокие* – у 21 исследуемых, т.е. большое количество людей в группе в целом имеют негативное, недоверчивое отношение к среде.

Согласно «Методике диагностики коммуникативной установки (В.В. Бойко)», для выражения среднего арифметического показателя группы выявлены следующие коммуникативные установки (см. табл. 2).

Таблица 2 – Коммуникативные установки и степень выраженности

№		Средние арифметические показатели группы	max
1	Завуалированная жестокость в отношениях к людям, в суждениях о них	14,77	20
2	Открытая жестокость в отношениях к людям	31,43	45
3	Обоснованный негативизм суждениях о людях	2,31	5
4	Брюзжание	4,54	10
5	Негативный личный опыт общения с окружающими	10,57	20
	Негативная коммуникативная установка	63,14	Выше 33

Как видно из табл. 2, почти все среднеарифметические значения коммуникативных установок для группы – завуалированная жестокость в отношениях к людям, в суждениях о них, обоснованный негативизм суждениях о людях, брюзжание, негативный личный опыт общения с окружающими – находятся в пределах нормы. Однако, как мы видим, имеют место проявления открытой жестокости по отношению к людям, т.е. исследуемые не скрывают и не смягчают своих негативных оценок и чувств по отношению ко многим окружающим, делают о них строгие однозначные выводы. Похоже результаты мы видели в результатах предыдущей методики - высокие показатели негативизма и индекс враждебности у большинства группы, и это можно объяснить возрастными максималистскими проявлениями, отсутствием дипломатического подхода. Также наблюдается средняя

высокая негативная коммуникативная позиция – 63,14. Проблемы могут возникнуть даже в том случае, если человек успешно скрывает своё негативное отношение к окружающим, ведь когда он пытается сдерживать себя, быть сдержанным, возникает постоянное напряжение. С этической точки зрения всё может быть очень правильно, но за это приходится платить высокую психологическую цену: рано или поздно напряжение приведет к стрессу, нервному срыву. И не исключено, что разрядка время от времени может быть вне работы/активности при общении с друзьями, семьей или на публике, что малоэффективно или неприятно.

По результатам опросника оценки эмоционального темперамента (TEMPS-A), средние арифметические показатели для группы показаны ниже(см. табл. 3):

Таблица 3 – Данные анкеты для оценки эмоционального темперамента

Тип эмоционального темперамента	Максимальное количество	Средние арифметические показатели группы	%
Дистимный	9	4,23	47
Циклотимный	17	9,54	56,11
Гипертимный	13	8,09	62,23
Возбудимый	9	3,71	41,22
Тревожный	9	2,94	32,67

Согласно требованиям теста, если получен ответ «да» более чем на 65% вопросов, то данный эмоциональный темперамент выражен у указанного лица. У человека может проявляться больше одного типа эмоционального темперамента [9].

Как видно из таблицы 3, все среднеарифметические показатели эмоционального

темперамента по группе – дистимный, циклотимный, гипертимный, возбудимый, тревожный, находятся в пределах нормы.

Мы провели корреляционный анализ шкал опросника оценки эмоционального темперамента (TEMPS-A) и опросника агрессивности Басса – Дарки (см. табл. 4).

Таблица 4 – Корреляционный анализ Пирса между шкалами опросника уровня агрессивности Басса – Дарки и опросника оценки эмоционального темперамента (TEMPS-A)

		TEMPSA_D	TEMPSA_C	TEMPSA_H	TEMPSA_I	TEMPSA_A
Физическая агрессия	Pearson Correlation	-.365*	.054	.320	.340*	-.250
	Sig. (2-tailed)	.031	.757	.061	.046	.148
Вербальная агрессия	Pearson Correlation	-.358*	.116	.350*	.376*	-.220
	Sig. (2-tailed)	.035	.506	.039	.026	.204
Косвенная агрессия	Pearson Correlation	-.238	.330	.194	.479**	-.006
	Sig. (2-tailed)	.168	.053	.265	.004	.972
Негативизм	Pearson Correlation	-.146	.259	.013	.190	.169
	Sig. (2-tailed)	.401	.132	.940	.273	.332
Раздражение	Pearson Correlation	-.068	.380*	.056	.492**	.113
	Sig. (2-tailed)	.696	.024	.751	.003	.516
Подозрительность	Pearson Correlation	.154	.082	-.238	.397*	.431**
	Sig. (2-tailed)	.377	.638	.169	.018	.010
Обида	Pearson Correlation	.257	.332	-.353*	.527**	.438**
	Sig. (2-tailed)	.136	.051	.037	.001	.009
Чувство вины	Pearson Correlation	.607**	.176	-.552**	.202	.413*
	Sig. (2-tailed)	.000	.311	.001	.244	.014
Индекс агрессивности	Pearson Correlation	-.439**	.165	.389*	.516**	-.208
	Sig. (2-tailed)	.008	.343	.021	.002	.230
Индекс враждебности	Pearson Correlation	.273	.192	-.363*	.501**	.475**
	Sig. (2-tailed)	.113	.269	.032	.002	.004

** – Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed)

* – Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

Исходя из данных корреляционного анализа в табл. 4, отмечается сильная корреляция между дистимным типом эмоционального темперамента и чувством вины ($r=.607^{**}$, $p<0,001$) и, обратно пропорциональная связь с общим индексом агрессии ($r=-,439^{**}$, $p<0,008$). Достоверной корреляции между циклотимическим типом

эмоциональным темпераментом и типами агрессии не обнаружено. Имеется обратная корреляция между шкалами чувства вины и гипертимным типом эмоционального темперамента ($r=-,552^{**}$, $p<0,001$, $<0,005$). Можно сказать, что чем ярче выражен гипертимный тип эмоционального темперамента, тем ниже показатели

шкалы чувства вины. Больше всего корреляции выявлены между возбудимым типом эмоционального темперамента и типами агрессии – коварная агрессия ($r=0,479^{**}$, $p<0,005$), раздражение ($r=0,492^{**}$, $p<0,005$), обида ($r=0,527^{**}$, $p<0,001$), индекс агрессии ($r=0,516^{**}$, $p<0,005$), индекс враждебности ($r=0,501^{**}$, $p<0,005$). Наблюдается корреляция между тревожным типом эмоционального темперамента и подозрительностью ($r=0,431^{**}$, $p<0,01$), обидой ($r=0,438^{**}$, $p<0,01$), индексом враждебности ($r=0,475^{**}$, $p<0,005$), то есть можем сказать, что высокие показатели тревожного типа эмоционального темперамента сопровождаются такими качествами как подозрительность, обида и индекс враждебности.

Согласно Пирсону, корреляционный анализ показывает, что между некоторыми шкалами методики диагностики коммуникативной установки (В.В. Бойко) и шкалами опросника уровня агрессивности Басса-Дарки имеются сильные корреляционные связи: подозрение и открытая жестокость по отношению к людям ($r=0,458^{**}$, $p<0,005$), подозрение и негативный личный опыт общения с окружающими ($r=0,475^{**}$, $p<0,005$), подозрение и негативные коммуникативные установки ($r=0,496^{**}$, $p<0,005$), то есть у испытуемых вышеперечисленные пары качеств принадлежащие обоим шкалам проявляются одновременно и выражены эквивалентно.

Социальное поведение представляет собой сложный процесс, так как его объект имеет множество качественных признаков. Изучение социального поведения человека основывается на анализе его деятельности, такой как образ жизни, поведенческие стратегии, отклонения от нормы [7].

Человеческое поведение – это по большей части форма деятельности, набор человеческих шагов, которые относительно непрерывны в постоянных или меняющихся условиях. Одной и той же деятельности могут соответствовать разные формы поведения, точно так же, как одно и то же поведение может наблюдаться в разных видах деятельности. В повседневной жизни мы ежедневно сталкиваемся с тем, что осознанные намерения человека не всегда соответствуют его реальному поведению. Более заметно противоречие между «реальными шагами» и вербализованной информацией (речевого выражения). Такое несоответствие можно объяснить различиями в структуре и содержании индивидуальных и общественных интересов. Члены общества постоянно вынуждены адаптировать ценности, нормы и ролевые соглашения, принятые в одной

сфере деятельности, к требованиям другой сферы [7].

Социальное поведение человека представляет собой совокупность поведенческих процессов, связанных с удовлетворением физических и социальных потребностей, возникающих как ответная реакция на окружающую социальную среду. Социальное поведение индивидов регулируется социальной структурой, в частности, ролевой структурой общества [8].

Целью социального поведения человека является конечный результат преобразования окружающей действительности, осуществления социальных изменений в обществе, формирования социально-психологических явлений в группе, преобразования личности.

Для определения взаимосвязи индивидуальных особенностей молодежи и интернет-коммуникации, мы также использовали анкету, которая состоит из 6 блоков, 19 вопросов. Проанализировав ответы, мы получили следующие данные [4]:

Первый блок состоит из общих вопросов: какими сетевыми сервисами вы пользуетесь? Сколько времени тратите на общение в социальных сетях? В какие группы вы входите в социальных сетях?

Результаты исследования показывают, что молодые люди в возрасте 18-22 лет склонны к виртуальному общению, более или менее все общаются через социальные сети, не менее 1-2 часов в день.

Второй блок – это факторы, влияющие на выбор социальных сетей, которые являются основным средством общения среди молодежи: в какой среде вам легче знакомиться с молодой девушкой/юношей? Каким образом вам легче выразить своё несогласие с кем-то? Бывало так, что вы размещали в социальных сетях не своё фото или размещали фото какого-либо созданного персонажа (абстрактного, животного, киногероя и т.д.)?

Выбор социальных сетей в качестве основного средства общения связан с расширением круга общения с целью преодоления ряда проблем: преодоление чувства одиночества в юности, чувства неудовлетворенности сверстниками, а также сверстниками противоположного пола, неудовлетворенность своей внешностью, стремление приблизить своё «настоящее» «Я» к «идеальному Я».

Третий блок – понятие виртуальной дружбы, особенности виртуального общения: какие ассоциации вызывает у вас понятие «виртуальный друг»? Какую часть виртуальных друзей вы знаете лично (в реальной жизни) (%)? Как

вы себя чувствуете, когда вы не добавлены в список друзей? В каком случае вы перестанете общаться с виртуальным другом?

Ответы на эти вопросы позволяют понять отношение современных юношей и молодежи к дружбе. Отрадно, что большинство молодых исследуемых предпочитают живое общение.

Четвёртый блок – особенности коммуникативных элементов в виртуальном общении: если в реальной жизни человек общается и имеет много друзей, то в социальных сетях тоже имеет много виртуальных друзей, если в реальной жизни человек не коммуникабелен, то в социальных сетях он компенсирует недостаток общения, поэтому имеет много виртуальных друзей. Помогает ли вам общение в социальных сетях быть более активным в жизни? Может ли виртуальное общение быть средством развития коммуникативных навыков?

Ответы на эти вопросы позволяют предположить, что виртуальное общение может способствовать письменному общению, а его роль в межличностном общении дискуссионна.

Пятый блок – как молодые люди реагируют на виртуальное общение и преодолевают одиночество. С чем у вас ассоциируется понятие «одиночество»? Как вы считаете, виртуальное общение помогает преодолеть чувство одиночества или только помогает на время забыть про состояние одиночества, общение в социальных сетях мне помогает, меня освобождает от... ?

Чувство одиночества – боязнь одиночества, а также кризис близости – относятся к возрасту молодёжи. Чувство привязанности в этот период зависит от общих коммуникативных качеств человека.

Ответы на вопросы шестого блока помогут понять: Является ли виртуальное общение способом преодоления одиночества? Нужно ли всё время давать информацию про себя в социальных сетях чтоб тебя не забыли (поменять фотографию, поменять статус, поставить лайки, написать сообщение и т.д.), это вас угнетает? Какими средствами вы выражаете интерес к виртуальному другу противоположного пола, испытываете ли вы дискомфорт, когда не знаете, с кем общаетесь в социальной сети (пол, возраст неизвестен, отсутствует фото ...)? На наш взгляд, это наиболее важная группа вопросов.

Результаты и дискуссия: Мы сделали корреляционный анализ данных по Пирсону между ответами выше представленного опросника и опросника уровня агрессивности Басса-Дарки, который показал сильную достоверную корреляцию между временем, проведенным в социальных сетях и вербальной агрессией

($r=0,490^{**}$, $p<0,005$), раздражением ($r=0,542^{**}$, $p<0,001$), то есть чем больше времени исследуемый пробудет в социальных сетях тем выше показатели агрессии, раздражения. Также выявлено обратная корреляция между наличие друзей в реальной жизни и индексы общей агрессии ($r=-,426^{**}$, $p<0,01$), вербальной агрессии ($r=-,461^{**}$, $p<0,005$), раздражение ($r=-,495^{**}$, $p<0,005$), то есть при наличии большего количества друзей в реальной жизни, индекс общей агрессии, показатели вербальной агрессии, раздражения намного ниже. Также существует сильная корреляция между чувством вины и виртуальным общением как методом преодоления чувства одиночества ($r=500^{**}$, $p<0,005$).

Выявлены корреляции между типами эмоционального темперамента и вопросами анкеты: прямая корреляционная связь между гипертимным типом эмоционального темперамента и уровнем активности в социальных сетях (размещение фото, электронная почта, лайки, сообщения) ($r=430^{**}$, $p<0,01$), также сильная обратная связь между уровнем активности в социальных сетях и тревожным типом эмоционального темперамента, ($r=-574^{**}$, $p<0,001$). Мы можем сказать, что при выраженности гипертимного типа эмоционального темперамента наблюдается более высокая активность в социальных сетях, также при проявлении тревожного типа эмоционального темперамента активность в социальных сетях понижается.

22,9% исследуемых не состоят ни в каких группах в социальных сетях, 14,3% проводят время в Instagram, 28,6% активны в университетских группах, 14,3% занимаются в художественных, гуманитарных и спортивных кружках, 5,7% состоят в научно-профессиональных группах.

Изучение отношения к понятию «виртуальный друг» показало, что 45,7% исследуемых относятся к нему нейтрально, 42,9% – отрицательно, недоверчиво и 11,4% – положительно, доверяют. Около 80% исследуемых лично знакомы с 80-100% «виртуальных друзей». 65,7% опрошенных испытывают дискомфорт, когда неизвестно, с кем они общаются при виртуальном общении, 34,3 % не испытывают дискомфорта от общения с незнакомым человеком.

Заключение: Анализируя результаты исследования, можно сказать, что молодёжь 18-22 лет склонна к виртуальному общению, отчасти все общаются через социальные сети, выбор которых связан с расширением общения, с целью преодоления ряда проблем, чувство одиночества в юности, совладание, чувство неудовлетворенности своим положением среди сверстников, а также сверстников противоположного пола,

неудовлетворенность собственной внешностью, стремление приблизить своё «настоящее я» к «идеальному я». Чем больше времени молодой человек проводит в социальных сетях, тем меньше у него реальных контактов, тем больше он склонен к недовольству и словесной агрессии. Люди с тревожным типом эмоционального темперамента менее активны в социальных сетях, меньше информации о себе. Большинство опрошенных молодых людей (80%) предпочитают знать лично при общении с виртуальным другом в социальных сетях, испытывают дискомфорт, когда реальная личность виртуального друга неизвестна.

Таким образом, в связи со стремительным проникновением интернета и социальных сетей во все сферы жизни, актуальными являются исследования не только изучения технических средств и возможностей виртуального пространства, но и, главное, исследования, направленные на его воздействие на человека. Важным становится изучение психологических особенностей личности, которые проявляются или формируются в виртуальном мире, особенно в подростковом и юношеском возрасте, когда происходит профессиональное самоопределение, поиск личных связей, строятся социальные установки, жизненные планы.

Список литературы:

1. Бабаева, Ю.Д. Интернет: воздействие на личность / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смылова // Гуманитарные исследования в Интернете. – Москва: Можайск-Терра, 2000. – С. 32-40.
2. Войскунский, А. Интернет – новая область исследований в психологической науке / А. Войскунский // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1. – Москва: Смысл, 2002, – С. 82-101.
3. Гоффман, Э. Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гоффман. – Москва: ИС РАН, 2004. – 751 с.
4. Желонкина, О.К. Социально-психологические особенности юношества, обусловленные виртуальным общением / О.К. Желонкина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – №1 (31). – С. 220-224.
5. Жичкина, А. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты / А. Жичкина. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 165 с.
6. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине [Электронный ресурс] / Норберт Винер. – URL: https://booksafe.net/book/viner_norbert-kibernetika_ili_upravlenie_i_svyaz_v_zhivotnom_i_mashine-233860.html.
7. Самсонова, Н.Н. Взаимосвязь интернет-коммуникаций и социального поведения молодёжи: Автореф. дисс. ... кандидата психологических наук / Н.Н. Самсонова. – Москва, 2018. – 26 с.
8. Социальное поведение личности: оценки и стратегии: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2016. – 276 с.
9. Չափաբարձի Խ., Ղազարյան Գ. և ուրիշներ. Բժշկական հոգեբանություն: Ուսումնական ձեռնարկ. Եր., 2015, - 417 էջ [Гаспарян, Х. Медицинская Психология. Учебное пособие / Х. Гаспарян, Г. Казарян [и др.]. – Ереван, 2015. – 417 с.].
10. Ենգալիչև Վ.Ֆ., Ղազարյան Գ.Հ. Դատական հոգեբանական փորձաքննության պրակտիկում: Ուսումնա-մեթոդական ձեռնարկ - Եր.: ՀՀ ԱՆ ԱԿԻ, 2018 – 297 էջ [Енгальчев, В.Ф. Практикум по судебно-психологической экспертизе. Учебно-методическое пособие / В.Ф. Енгальчев, Г.А. Казарян. – РА МЗ НИЗ, 2018. – 297 с.].
11. Barnes, J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish / J.A. Barnes // Human Relations. – New York: Hafner Press, 1975.
12. GlobalWebIndex. Custom Market Research, Customized Surveys & Customer Research – GlobalWebIndex [Electronic resource]. – URL: www.globalwebindex.com (Retrieved 22 January 2020).
13. James, W. The Principles of Psychology / W. James. N.-Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2015. – 812 p.

G.A. Kazaryan, A.G. Ter-Stepanyan, A.A. Egiazaryan
CORRELATION BETWEEN INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF YOUNG PEOPLE
AND INTERNET COMMUNICATION

Abstract: In connection with the increasing penetration of the Internet and social networks into all spheres of our life, the research is relevant not only to the field of studying technologies and possibilities of the virtual space, but also, what is most important, of studying its impact on humans. It becomes important to study the psychological characteristics of an individual, which are manifested or formed in the virtual world, especially during adolescence and youth, when professional self-determination, social positions, lifestyle planning, search for personal connections takes place.

The purpose of our research is to study the correlation of the young people's individual characteristics and the Internet communication. The hypothesis of the research is that the choice of ways of the Internet communications correlates with the individual characteristics of young people.

The research involves 35 users aged 18-22, the group includes representatives of both female and male genders. We have used the following methods in the research: A. Bass and A. Darkie Aggression Index Questionnaire, Communicative Dispositions Diagnosis Methods Questionnaire (Boyko), Emotional Temperament Assessment Questionnaire TEMPS-A (Akiskal H. S.), as well as a questionnaire identifying the «Social-psychological characteristics of young people determined by the Internet communication».

Analyzing the results of the research, we can say that young people aged 18-22 tend to have virtual communication, everyone more or less communicates through social networks, the choice of which is related to the expansion of communication, in order to overcome a number of problems, feeling of loneliness, feelings of dissatisfaction with one's own position among peers, as well as peers of the opposite sex, dissatisfaction with one's own appearance, a desire to bring one's «real self» closer to the «ideal self».

Key words: personal characteristics; Internet communication; social behaviour; communicative disposition; emotional temperament; young people; correlation.

References:

1. Babaeva Yu.D., Voiskunsky A.E., Smyslova O.V. Internet: vozdeistvie na lichnost // Gumanitarnye issledovaniya v Internete. M.: Mozhaisk-Terra, 2000. P. 32-40.
2. Voikunsky A. Internet – novaya oblast issledovaniya v psikhologicheskoi nauke. Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU. Issue 1. – M: Smysl, 2002. – P. 82-101.
3. Goffman E. Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoi zhizni. – M.: IS RAN, 2004. – 751 p.
4. Zhelonkina O.K. Sotsialno-psikhologicheskiye osobennosti yunoshchestva, obuslovlennyye virtualnym obshcheniem. Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva, № 1 (31), 2015., P. 220-224.
5. Zhichkina A. Sovremennyye issledovaniya virtualnoi kommunikatsii: problemy, gipotezy, rezultaty / A. Zhichkina. – M.: YUNITI-DANA, 2004. – 165 p.
6. Norbert Viner. Kibernetika, ili upravleniye i svyaz v zhivotnom i mashine. https://bookscafe.net/book/viner_norbert-kibernetika_ili_upravlenie_i_svyaz_v_zhivotnom_i_mashine-233860.html.
7. Samsonova N.N. Vzaimosvyaz internet-kommunikatsij i sotsialnogo povedeniya molodyozhi. Abstract diss // Cand. Psych. Sc. M., 2018, 26 p.
8. Sotsialnoye povedeniye lichnosti: otsenki i strategii: kollektivnaya monografiya / Resp. ed. A.Yu. Nagornov. – Ulyanovsk: Zebra, 2016. – 276 p.
9. Գասպարյան Ի., Ղազարյան Գ. և ուրիշներ. Բժշկական հոգեբանություն: Ուսումնական ձեռնարկ. Եր., 2015, - 417 էջ/ Gasparyan H., Kazaryan G., and oth.: Meditsinskaya Psikhologiya. Uchebnoye posobiye: Er., 2015. – 417 p.
10. Ենգալիչև Վ.Ֆ., Ղազարյան Գ.Հ. Դատական հոգեբանական փորձաքննության պրակտիկում: Ուսումնա-մեթոդական ձեռնարկ – Եր.: ՀՀ ԱՆ ԱՊԻ, 2018 – 297 էջ / Engalychev V.F., Kazaryan G.A., Praktikum po sudebno-psikhologicheskoi ekspertize. Uchebno-metodicheskoye posobiye – RA MZ NIZ, 2018. – 297 p.
11. Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. New York: Hafner Press, 1975.
12. GlobalWebIndex. «Custom Market Research, Customized Surveys & Customer Research – GlobalWebIndex». www.globalwebindex.com. Retrieved 22 January 2020.
13. James W. The Principles of Psychology. N.-Y.: CreateSpaceIndependentPublishingPlatform, 2015. – 812 p.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022

М.С. Круглова, В.П. Шуванова, И.Б. Шуванов, В.И. Шаповалов

ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕНИЯ МЕДИААКТИВНОСТИ И МЕДИАГРАМОТНОСТИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ШУМА

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам медиаактивности молодёжи в кризисном информационном поле и уровня её медиаграмотности в процессах восприятия информации и осуществления коммуникативных актов в современной медиасреде. Наряду с широким спектром средств массовой коммуникации и форм двусторонней связи медиакоммуникаторов с молодёжной аудиторией принципиальную важность обретает исследование практик коммуникативной деятельности и их сопряжения с категорией медиаграмотности молодёжи. Анализ научного дискурса позволил выявить основные предпосылки к исследованию медиаграмотности. В рамках настоящей работы авторами проведено социологическое исследование, по результатам которого сформулированы выводы о состоянии медийной грамотности молодого поколения, а затем – предложен ряд решений изучаемой проблематики и рекомендаций по их внедрению в студенческой среде. В качестве основного способа защиты от фейкового контента и информационного шума предлагается концепция медиаобразовательногоevent-мероприятия. Долгосрочное развитие инициативы рассмотрено в плоскости проектного подхода при разработке и реализации социального проекта «Медиаclub».

Ключевые слова: медиаактивность; медиаграмотность; информационное общество; психология массовых коммуникаций; фейковые новости; контент.

Введение. Нынешний этап развития коммуникационных технологий характеризуется их преобразованием из средства связи в интерактивную цифровую среду, которая заменяет все аналоговые инструменты информирования, общения, самовыражения и досуга на digital-инструментарий. Мировые научно-технические достижения в совокупности с социальным откликом на расширяющиеся коммуникативные возможности создали тренд на построение электронных государств и цифровизацию массовой культуры [1]. Футурологические прогнозы Маршалла Маклюэна о «глобальной деревне», Элвина Тоффлера о «третьей волне» и Д. Белла о постиндустриальном, информационном обществе воплотились во вполне осязаемую действительность эпохи с эффектом виртуального присутствия.

Тотальный переход социальной жизни в режим «онлайн» ускорился во время пандемии COVID-19, которая послужила триггером доминирования новых медиапривычек над традиционными формами взаимодействия. Эти процессы сопровождаются неизменным ростом объёмов производимой и потребляемой информации в сетевом медиапространстве. По данным опросов ВЦИОМ в 2021 г., 28% россиян активно пользуются Интернетом и считают его основным источником информации; при этом с каждым годом цифра увеличивается [10]. Однако следует учитывать, что общедоступный контент является активом, который может быть использован как во благо, так и во вред. О том, что проблематика разумной фильтрации цифровых

медиа сегодня является чрезвычайно злободневной, свидетельствует и лавинообразный поток её научного комментирования. Для профессионального исследовательского сообщества становится вызовом теоретическое осмысление корректного использования прикладного функционала медиа.

В соответствии с теорией поколений, особенно остро тенденции сказываются на «поколении Z» – людях, родившихся примерно с 1997 по 2012 годы. Технический «арсенал» и образ жизни современной молодёжи уже отличается от предыдущего поколения миллениалов (поколения Y) способами и качественными критериями как медиапотребления, так и восприятия получаемой информации [8]. В этом контексте постановка исследовательской задачи настоящей научной работы заключается в исследовании актуального состояния медиаактивности и одновременно медиаграмотности молодых людей, составляющих будущий кадровый, культурный, интеллектуальный, репродуктивный, социально-экономический резерв Российской Федерации.

Обзор литературы. Анализ современных публикаций показывает, что в изысканиях медиа и их участия в процессах социальной коммуникации наблюдается устойчивое разнообразие трактовок и научных подходов, поэтому произведем уточнение понятийного аппарата с целью создания целостной, непротиворечивой логики исследования. Центральное понятие – медиа (от лат. «medium» – посредник) – выступает в качестве носителя, обеспечивающего хранение,

репрезентацию и доставку информационного ресурса в определенной знаково-символической форме (код) [5]. Масс-медиа обращены к массовой аудитории и обеспечивают удовлетворение потребностей общества в фактографировании социальной реальности и обмене информацией.

Под медиаактивностью понимается качество человека постиндустриальной культуры, частота его обращения к средствам массовой информации в качестве коммуникатора или же реципиента, частота создания или использования медиапродуктов [5]. Отмечается, что медиаактивность может проявляться в отношении различных видов медиа: интернет-активность, телевизионная активность, рекламная активность и т.д.

Как отмечает А. Федоров, огромное значение средств массовой информации в жизни нынешнего российского общества парадоксальным образом сочетается с относительной неразвитостью отечественной медиакритики, тогда как она призвана анализировать актуальные творческие, профессионально-этические, правовые, экономические и технологические аспекты информационного производства в СМИ [13]. При этом автор подчеркивает, что развитию критического мышления аудитории большое значение придается в медиаобразовании.

Дефиниции понятия медиаобразования систематизированы в табл. 1.

Таблица 1 – Определения медиаобразования

№	Автор	Источник	Определение
1	И.А. Фатеева	«Медиаобразование: теоретические основы и опыт реализации» [12]	научно-образовательная область, предметом которой являются средства массовой информации и коммуникации в педагогическом аспекте их многообразных связей с миром, обществом и человеком
2	Н.Б. Кириллова	«Медиасреда российской модернизации» [6]	комплексный процесс воздействия, в котором участвует несколько наук, включая не только педагогику и психологию, но и культурологию, социологию, политологию, правоведение, теорию журналистики, экономику, искусствоведческие дисциплины
3	И.В. Жилавская	«О современной концепции медиаобразования» [4]	совокупность системных образовательных действий, способствующих развитию и самоорганизации личности в информационной среде, которые проявляются в осознанном медиаповедении на основе гуманистических идеалов и ценностей

По мнению В.А. Монастырского, «медиаграмотность – это результат медиаобразования, способность адекватного восприятия, интерпретации, оценки, а также создания медиатекстов» [2]. Определение медиаграмотности представлено в литературе следующим образом: совокупность медийных мотивов, знаний, умений, способностей личности, способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, а также анализу процессов функционирования медиа в социуме. К основным составляющим медиаграмотности относят: мотивационную, информационную, перцептивную, интерпретационную, оценочную, практико-операционную, деятельностьную, креативную. Это означает, что медиаграмотность обеспечивает стратегии, позволяющие человеку принимать и расшифровывать информацию, которую он получает через каналы массовых коммуникаций, а также генерировать индивидуальную

оценку услышанного или прочитанного, аккумулировать и творчески применять информацию в своей деятельности.

Современный подросток по мере взросления, в момент перехода от родительского контроля к самостоятельной, взрослой жизни, продолжает своё становление без прежних информационных ограничений, которые ранее выстраивались родителями и школьными педагогами. Оказавшись в состоянии информационного хаоса, молодой человек, студент, нуждается в формировании интеллектуальных фильтров, которые послужат основой для рационального отбора источников. В противном случае, сверхпотребление контента превышает порог насыщения информацией (рис. 1) и провоцирует синдром информационной усталости – специфическое психологическое состояние человека, которое впоследствии ведёт к неверным оценкам реальности.

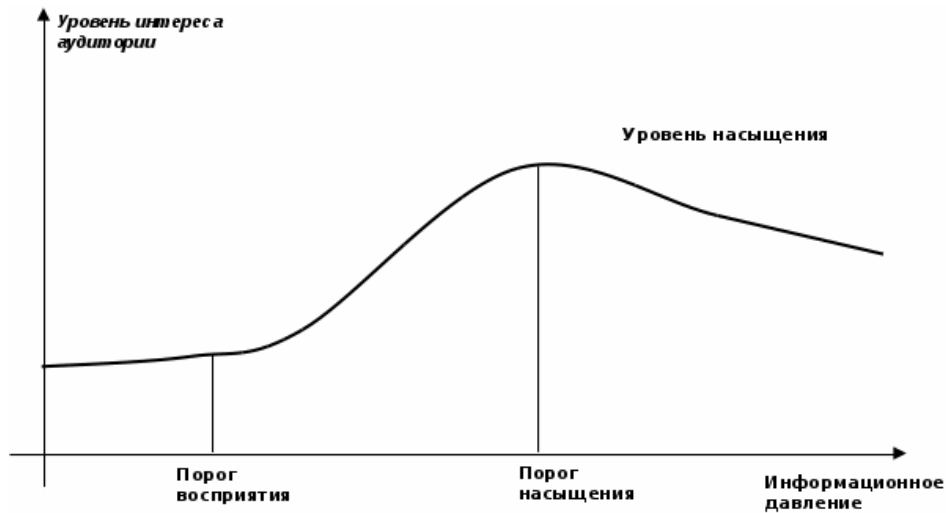

Рисунок 1 – Порог насыщения при информационном воздействии (В. Вундт) [4]

Ключи к интерпретации медийных сообщений, которые формируются в сознании посредством развития медиаграмотности, позволяют делать обоснованный выбор относительно того, какие из медийных программ выбрать к просмотру и как понимать информацию, которая будет доставлена к потребителю через выбранные каналы коммуникации [1].

Несмотря на стремительный рост медиаактивности в социуме, в данный момент медийная неграмотность остается общественной проблемой по нижеследующим причинам.

1. Информационный шум и барьеры коммуникации. В теории коммуникации барьеры классифицируют по характеру действующих помех: 1) технические; 2) психологические; 3) психофизиологические; 4) социальные 5) культурно-национальные. Возникающие «шумы» на пути передачи месседжа искажают сигнал, поэтому коммуникатору важно получать от реципиента информацию о том, правильно ли понята информация. Для этого в модель коммуникативного акта включается канал обратной связи, привнесенный Н. Винером в классическую схему Г. Лассуэлла. Понятие семантического шума в модель коммуникации добавил Е. Шеннон, подчеркнув отсутствие шанса изолировать информационный поток от барьеров и необходимость прогнозирования информационного «шума» для сокращения ошибочной перцепции [12].

2. Сила эмоционального воздействия. Новые медиатехнологии, как замечает Дж.Ф. Джонс, ориентированы на упаковку информации в яркий «эмоциональный конверт», а также на использование наименее информационно нагруженных медиа, способных в большей степени привлечь внимание аудитории. Такие

элементы медиапродукции как звук, цвет, форма, освещение, размер передают смысл, опираясь на вызов эмоциональной реакции на образы [15].

3. Элитарность медиа. Печатная пресса, телевидение и радио уступили пальму первенства в рейтингах медиапотребления, однако именно официальные СМИ, чье имя стало брендом, окружены ореолом элитарности – всеобщего убеждения об их престиже и влиятельности. Масс-медиа порождают интенсивные смысловые, когнитивные потоки и управляют ими через производство значений, образов и метафор в массовом контенте, оказывая воздействие на характер массового сознания, его доминантные интенции [14].

4. Ценностное манипулирование. Медиакоммуникатор может использовать слова, апеллирующие к ценностным установкам общества или конкретной социальной группы, и с помощью этого приёма склоняет аудиторию принять роли, перспективы и ориентации определенных заинтересованных сторон. Предлагая аудитории путь «предпочтительного чтения» новостей, медиа могут подсвечивать акценты вне контекста и создавать ложные представления. В этом случае важно понимать, что формат сторителлинга в медиатексте может выбираться с опорой на личные интересы самого медиакоммуникатора с преобладающей точки зрения [2].

5. Феномен «постправды» и fakenews. Согласно теории «установления повестки дня» П. Лазарсфельда, озвученной ещё в 1940-х годах, СМИ осуществляют передачу информации аудитории через формирование картины мира. Позже появился термин, описывающий это явление наиболее ярко: слово «постправда» (post-truth) характеризует эпоху развития массовых

коммуникаций, когда принципиально важной становится не истина, а истории, преподнесённые в СМИ [20]. Определяющей чертой политики постправды является то, что участники подобных информационных кампаний продолжают повторять свои тезисы, даже если те получили опровержение через независимых экспертов. Это происходит из-за того, что раздробленность источников новостей создаёт ситуацию, в которой ложь, сплетни и слухи распространяются с необычайной скоростью. Фальшивые (поддельные, «фейковые») новости – это информационная мистификация, намеренное распространение дезинформации в медиа с целью введения в заблуждение и получения выгоды. Авторы поддельных новостей используют броские заголовки или сфабрикованные истории для увеличения читательской аудитории и цитируемости [17].

На основании вышеизложенного отметим, что СМИ могут стать источником формирования стереотипов, площадкой применения манипулятивных техник и создания иллюзорного отражения реальности, которое выдается за достоверную модель нашего мира, что обнаруживается при использовании специальных экспертных техник [3]. В связи с этим, можно говорить о необходимости сопряжения медиаактивности и медиаграмотности в молодёжной среде – их непереносимом сопутствии, совмещении и неразрывной взаимосвязи данных явлений. По мнению Я. Засурского, сеть Интернет сегодня подобна «улице без правил движения» [5], которые должны быть установлены, чтобы можно было обеспечить доступ к достоверным источникам, находить сайты, к которым можно с доверием относиться.

Создание на государственном уровне согласованных протоколов, стандартов и правил, регламентирующих допустимые форматы и процедуры передачи информации, а также нормы надзора и контроля – первостепенная потребность в области современных медиакоммуникаций. Без развития грамотного поведения личности в информационном поле невозможно сохранение качества медиаактивности при текущих темпах повышения её уровня. Рассмотрим далее соотношение названных категорий по результатам эмпирического анализа.

Методы исследования. В ходе выполнения исследовательской задачи авторами применена комплексная методология, сочетающая методы проблемного анализа, декомпозиции, анкетирования, восхождения от абстрактного к конкретному.

Анкетирование проводилось в виде онлайн-опроса, размещенного на базе сервиса Яндекс.Формы. Ссылка на прохождение опроса распространялась дистанционно, рассылкой по e-mail и в мессенджерах. Предложенная анонимная анкета включила вопросы закрытого типа.

В социологическом опросе приняли участие 60 человек в возрасте от 17 до 30 лет, из которых 76,7% составили респонденты женского пола и 23,3% – мужского. Больше половины выборки составили молодые люди 20-22 лет (53,3%), представители студенческой и работающей молодёжи одновременно (58,3%, рис. 2). Полученные данные обобщены и проанализированы в виде статистических сообщений в процентном выражении.

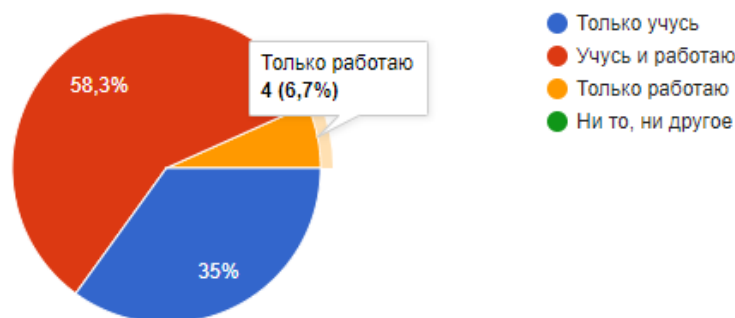

Рисунок 2 – Вопрос «Вы учитесь или работаете?»

Результаты и дискуссия. Опрошенные преимущественно используют смартфоны для получения информации и новостей из источников сети Интернет (рис. 3). На втором месте в рейтинге гаджетов – ноутбук, а на третьем –

уже стационарный ПК. Данные проведенного анкетирования подчеркивают популярность мобильных устройств в практиках медиапотребления.

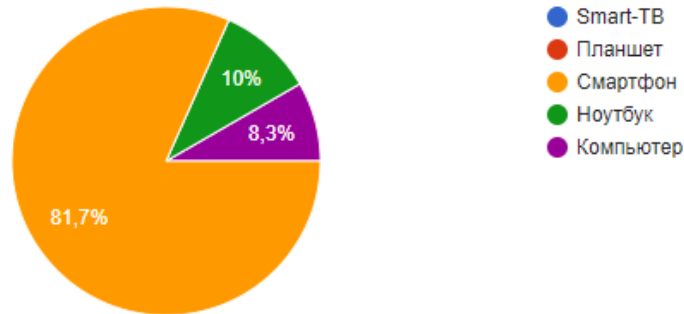

Рисунок 3 – Вопрос «Какое из имеющихся у Вас персональных информационных средств вы чаще всего используете для выхода в Интернет?»

Из перечня основных средств коммуникации респонденты выбрали в качестве наиболее предпочтительных, в первую очередь, Интернет-СМИ (73,3%), Telegram-каналы (51,7%), паблики ВКонтакте (33,3%), а также подкасты и ТикТок (по 20%). Любопытно, что социальные сети не стали лидерами в данном вопросе, уступив именно онлайн-изданиям (рис. 4). Наименее распространены среди молодого поколения оказались email-рассылки, печатная пресса и радио.

Опрос показал, что медийные контакты студенческой аудитории основаны на предпочтении мобильных версий Интернет-медиа.

Доверие к СМИ сохраняется, однако молодёжь уже готова к возможным фейковым сообщениям (рис. 5), старается их идентифицировать.

Из числа опрошенных 33,3% признают, что их мнение о человеке либо событии может кардинально меняться сразу после получения неожиданной информации в СМИ. Вместе с тем, 43,3% респондентов отмечают, что это происходит редко, и только 11,7% уверены, что не подвержены сильному влиянию новостей на собственные убеждения (рис. 6).

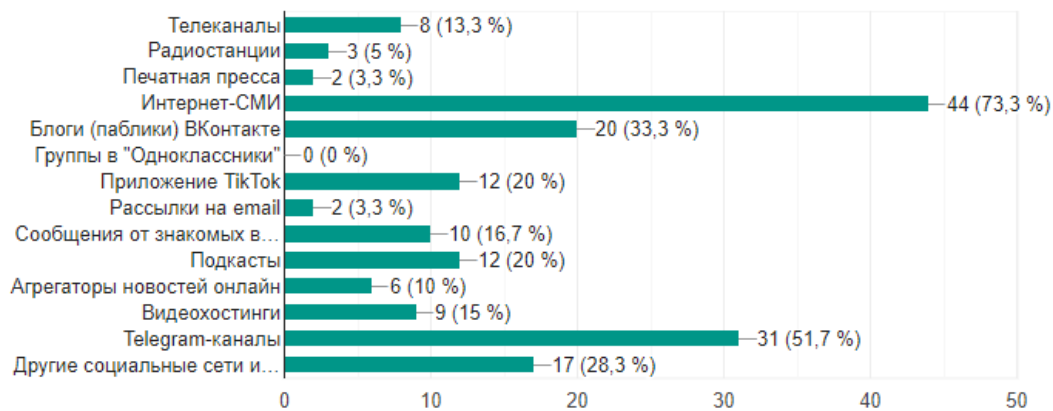

Рисунок 4 – Вопрос «Какие из перечисленных средств массовой коммуникации для Вас предпочтительнее с точки зрения получения информации?»

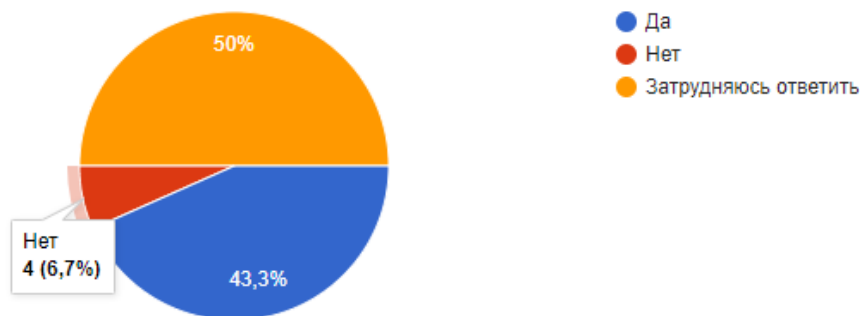

Рисунок 5 – Вопрос «Как Вы считаете, удастся ли Вам распознать фейковые сообщения/новости?»

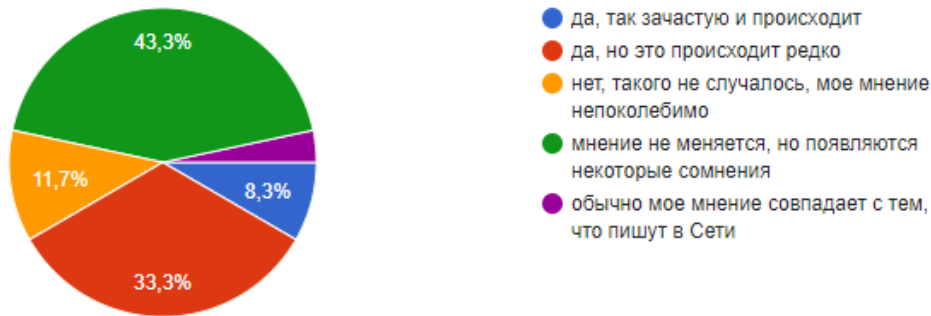

Рисунок 6 – Вопрос «Случалось ли такое, что Ваше мнение о человеке либо событии кардинально менялось после получения информации о нем в СМИ?»

На вопрос «Что из перечисленных явлений Вы часто замечаете за собой при использовании медиатехнологий?» большинство указали раздражение от перегруза лишней информацией (в том числе спамом) – 48,3%, а 20% – трудности в фильтрации фейкового контента.

Заключение. Распределение ответов на вопросы оказалось созвучно выделенным нами проблемам становления медиаграмотности в молодёжном сегменте аудитории СМИ. Интерпретация результатов опроса позволяет сформулировать выводы:

1) у студенческой молодёжи очень высокая кроссплатформенная медиаактивность, расфокусированная по различным каналам коммуникаций;

2) выбор делается в пользу конвергентных СМИ, представленных одновременно на разных площадках, доставляющих контент через целый комплекс интегрированных коммуникаций;

3) молодое поколение в достаточной степени осведомлено об опасности, которая может подстерегать в медиасфере (фейковые новости и аккаунты, манипуляции и пр.), однако нет

однозначной уверенности в способах фактчекинга и поиска достоверной информации. Вместе с тем, 50% затруднились определить готовность защиты от фейков;

4) почти половина опрошенных соглашается с тем, что прочтение даже одной публикации в каком-либо СМИ уже может мгновенно повлиять на их мнение, спровоцировать сомнения.

Рассмотрим поэтапно ряд авторских предложений и рекомендаций по развитию медиаграмотности в молодёжной, вузовской, студенческой среде.

1. Тематическое событие (Event). В качестве решения выявленных проблем целесообразно предложить проведение в учебных заведениях ежегодного Информационного дня, или Дня медиаграмотности – однодневного междисциплинарного события для студенческой молодёжи с основами ориентирования в мультиформатных потоках информации. Результаты опроса дают основание полагать, что подобная инициатива будет поддержана обучающимися (рис. 7).

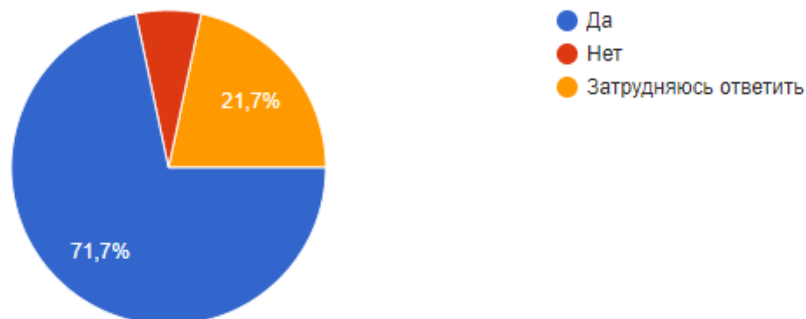

Рисунок 7 – Вопрос «Как Вы думаете, есть ли у молодёжи потребность в основах медиаграмотности, более глубоком изучении медиатехнологий?»

2. Диагностика. При реализации медиаобразовательных занятий с обучающимися вуза большое внимание следует уделить

диагностике уровня развития медиакомпетентности: с этой целью в студенческом коллективе при помощи заранее подготовленного

инструментария проводятся анкетирование, фокус-группы и тестирование, затем анализируется эмпирический материал. Результаты диагностики являются основанием для формирования релевантного содержания мастер-классов.

3. Геймификация. Непосредственное проведение Дней медиаграмотности предполагается в форме разделения на два блока – познавательный и игровой. В ходе познавательной части молодые люди проводят время с экспертами-преподавателями из сфер медиа, права и IT, слушают и конспектируют открытые лекции, задают вопросы, участвуют в круглых столах для обмена опытом и мнениями. Может быть рекомендовано применение методов тренинга развития медиаграмотности. Основным методом тренинга, который воспроизводит ситуации взаимодействия между медиакоммуникатором и реципиентом, – это ситуационно-ролевая игра. Между участниками медиатренинга распределяются роли, дается время на подготовку речи по своей роли и проводится дискуссия по выбранному кейсу при участии педагога в роли модератора. В рамках игровой части дня молодёжь «прокачивает» новые навыки, необходимые для жизни в XXI веке. Среди навыков, которые могут отрабатываться участниками в рамках мероприятия, такие как: критическое мышление, медиаграмотность, цифровой этикет, технологическая грамотность. Качество проведения мероприятия зависит как от актуальности обсуждаемых тем, так и от вовлеченности участников в формат обучения. В этом контексте возможно включение в программу квест-викторины, которая позволит геймифицировать восприятие сложных вопросов.

4. Практико-ориентированный подход. Развитию корректного восприятия медиатекстов помогает опыт их самостоятельного создания – через воркшопы и практикумы по основам журналистики, сторителлингу, контент-менеджменту, копирайтингу. На таких занятиях студенты изучают принципы и технологии проведения интервью, записи подкастов и радиошоу, съемки и монтажа видеоблога, создания макетов рекламных креативов, ведения веб-трансляций, верстки собственного журнала. В производстве контента молодёжь важно ориентировать на кодексы профессиональной этики журналистов и PR-специалистов [19]. Предлагается сделать акцент на принципе прозрачности – прозрачном управлении информационными потоками в условиях информационной открытости и доверительного взаимодействия с массовой аудиторией.

5. Медиакомпетентность спикеров. Процесс развития медийных и информационных умений и навыков у студентов требует развитой медиакомпетентности преподавателей вузов, что требует разработки соответствующих программ дополнительного профессионального образования для повышения квалификации.

6. Проектный подход. Помимо вышеприведенной концепции мероприятия, авторами разработан социальный студенческий проект «Медиаclub». Суть проекта заключается в создании площадки для формирования определенной интеллектуальной среды, объединяющей студентов различных направлений подготовки кадров, желающих повысить уровень медиаграмотности, обучиться основам медиакоммуникаций и получить представление о работе в молодёжных СМИ. Инициативная группа, ответственная за проект, под руководством профессорско-преподавательского состава, ведет подготовку студенческой редакции. Каждый месяц в течение семестра приглашается один сотрудник предприятия медиасферы г. Сочи для участия в мероприятии формата publictalk – открытой встречи для неформальной беседы со студентами.

7. Онлайн-курс. Помимо цикла встреч приглашенных практиков медиаотрасли с обучающимися, проект сфокусирован на подготовке видеолекций для участников Медиаclubа. Прохождение курса в дистанционном режиме поможет избежать трудностей совмещения учебного процесса с внеучебной деятельностью клуба. По завершении курса будет предложено прохождение итогового тестирования и проверка творческой работы для получения сертификата. Студенты, прошедшие курс, смогут быть отобраны в молодёжную редакцию Медиаclubа.

8. Интегрированные коммуникации. Информационное сопровождение проекта с участием студентов включает объединение таких направлений, как создание страниц проекта в социальных медиа, Telegram-канал с новостями проекта для участников, community-менеджмент сообществ в сетях «ВКонтакте» и Одноклассники, email-рассылка календаря открытых лекций по медиа, информационное партнерство и интеграции с блогерами и профильными СМИ.

В заключение отметим, что реализация проекта на постоянной основе представляет собой возможность освоения прикладных знаний по использованию медиа в личной и профессиональной жизни, интерпретации медиатекстов, применения информационных фильтров в восприятии сообщений СМИ, установки связей между ними, контекстом и ценностями,

отображаемыми в медиа, а также снижения уровня информационного шума для прозрачной социальной коммуникации. Таким образом, повышение медиаграмотности в сопряжении с высокой медиаактивностью молодежи требует комплексной, согласованной деятельности образовательных организаций, педагогов,

студенческих медиацентров и самих обучающихся. Сочетание исследовательской и образовательной работы в данном направлении позволит соблюсти равновесие между уровнем медийной грамотности аудитории, её потребностями в области массмедиа и решением конкретных медиаобразовательных задач.

Список литературы:

1. Бушев, А.Б. Медиаграмотность в системе новых медиа / А.Б. Бушев // Культура: теория и практика. – 2019. – №4 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-v-sisteme-novyh-media> (дата обращения: 24.04.2022).
2. Возчиков, В.А. Медиаграмотность в педагогической интерпретации [Электронный ресурс] / В.А. Возчиков, А.Ю. Арутюнян, Е.Б. Манузина, А.А. Немирич // Медиаобразование. – 2014. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-v-pedagogicheskoy-interpretatsii> (дата обращения: 24.04.2022).
3. Енгальчев, В/Ф. Проблема выявления недостоверных и ложных сообщений в экспертной беседе / В.Ф. Енгальчев, А.В. Юнда // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Калуга, 26-29 мая 2010 года / Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского; Ответственный редактор: В.Ф. Енгальчев. – Калуга: Издательство Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, 2010. – С. 137-143.
4. Жилавская, И.В. О современной концепции медиаобразования / И.В. Жилавская // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 8. – С. 62-72.
5. Как развивать медиаграмотность студента и преподавателя университета: стратегии и техники: сб. ст. Вып. 10 / редкол.: Д.И. Губаревич (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. В.В. Самохвала. – Минск: БГУ, 2017. – 199 с.
6. Кириллова, Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. – Москва: Академический Проект, 2006. – 448 с.
7. Круглова, М.С. Особенности правового регулирования в области рекламы и связей с общественностью / М.С. Круглова // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: международная научно-практическая конференция, 7-8 ноября 2019 г., Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. – Санкт-Петербург: СПбУТУиЭ, 2019. – С. 318-320.
8. Круглова, М.С. Сопряжение управленческих и креативных аспектов при создании студенческих проектных групп / М.С. Круглова // VII Международная научно-практическая конференция «Проблемы образования»: сборник материалов конференции /под редакцией Г.В. Кривцовой. – Дубна, 2021. – С. 79-86.
9. Крутицкая, Е.В. PR-технологии как инструменты управления социальными проектами [Электронный ресурс] / Е.В. Крутицкая // Власть. – 2016. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pr-tehnologii-kak-instrumenty-upravleniya-sotsialnymi-proektami> (дата обращения: 22.04.2022).
10. Медиапотребление россиян: мониторинг [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring>.
11. Прокина, П.А. Применение PR-технологий для решения социальных проблем [Электронный ресурс] / П.А. Прокина, О.А. Бударина // Молодой ученый. – 2020. – № 6 (296). – С. 313-316. – URL: <https://moluch.ru/archive/296/67199/> (дата обращения: 22.01.2022).
12. Фатеева, И.А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации: монография / И.А. Фатеева. – Челябинск, 2007. – 270 с.
13. Федоров, А. Медиаобразование, медиаграмотность, медиакритика и медиакультура [Электронный ресурс] / А. Федоров // Высшее образование в России. – 2005. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-mediagramotnost-mediakritika-i-mediakultura> (дата обращения: 24.04.2022).
14. Шаповалов, В.И. Средства массовой коммуникации в профессиональной ориентации подростков в постолимпийский период развития города Сочи [Электронный ресурс] / В.И. Шаповалов,

- И.Б. Шуванов, В.П. Шуванова // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27914> (дата обращения: 26.04.2022).
15. Шуванов, И.Б. СМИ в управлении процессом профориентации молодёжи [Электронный ресурс] / И.Б. Шуванов, В.И. Шаповалов // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-v-upravlenii-protsessom-proforientatsii-molodezhi> (дата обращения: 26.04.2022).
  16. Jeong, S.-H., Cho, H. and Hwang, Y. Media Literacy Interventions: A Meta-Analytic Review // Journal of Communication, 62, 2012. – Pp. 454-472.
  17. Potter, James W. The State of Media Literacy // Journal of Broadcasting & Electronic Media, 54:4, 2010. – Pp. 675-696.
  18. Rimal, R.N., Chung, A.H. and Dhungana, N. Media as Educator, Media as Disruptor: Conceptualizing the Role of Social Context in Media Effects // J Commun, 65, 2015. – Pp. 863-887.
  19. Vetitnev A., Kruglova M., Shuvanova V., & Shuvanov I. Volunteer Internships as a Factor of Formation of Students' Professional Competence for the Educational Program «Advertising and Public Relations» // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Science and Social Development (ESSD 2019) – July 2019. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 298. – Pp. 200-204.
  20. Zhang X., Ghorbani A., An overview of online fake news: Characterization, detection, and discussion [Electronic resource] // Information Processing & Management, Volume 57, Issue 2, 2020. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.03.004>.

M.S. Kruglova, V.P. Shuvanova, I.B. Shuvanov, V.I. Shapovalov
**PROBLEMS OF CONNECTING MEDIA ACTIVITY AND MEDIA LITERACY OF YOUTH
IN CONDITIONS OF INFORMATION NOISE**

Abstract: The article is devoted to the actual problems of media activity of young people in the crisis information field and the level of their media literacy in the processes of perception of information and the implementation of communicative acts in the modern media environment. Along with a wide range of mass media and forms of two-way communication between media communicators and the youth audience, it is of fundamental importance to study the practices of communicative activity and their association with the category of media literacy of young people. The analysis of scientific discourse made it possible to identify the main prerequisites for the study of media literacy. As part of this work, the authors conducted a sociological study, based on which conclusions were formulated about the state of media literacy of the younger generation, and then a number of solutions to the problem under study and recommendations for their implementation in the student environment were proposed. The concept of a media educational event is proposed as the main way to protect against fake content and informational noise. The long-term development of the initiative is considered in terms of the project approach in the development and implementation of the Media Club social project.

Key words: media activity; media literacy; information society; psychology of mass communications; fake news; content.

References:

1. Bushev A.B. Mediagramotnost v sisteme novykh media // Kultura: teoriya i praktika. 2019. №4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-v-sisteme-novykh-media> (Application date: 24.04.2022).
2. Vozchikov V.A., Arutyunyan A.Yu., Manuzina E.B., Nemirich A.A. Mediagramotnost v pedagogicheskoi interpretatsii // Mediaobrazovaniye. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-v-pedagogicheskoy-interpretatsii> (Application date: 24.04.2022).
3. Engalychev V.F., Yunda A.V. Problema vyyavleniya nedostovernykh i lozhnykh soobshcheny v ekspertnoi besede // Aktualnoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya sudebnoi psikhologii v Rossiiskoi Federatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. 2010. P. 138-144.
4. Zhilavskaya I.V. O sovremennoi kontseptsii mediaobrazovaniya // Sotsialno-gumanitarnye znaniya. – 2012. – № 8. – P. 62-72.

5. Kak razvivat mediagramotnost studenta i prepodavatelya universiteta: strategii i tekhniki : Col. art. Iss. 10 / Ed. board.: D.I. Gubarevich (res. ed.) [and oth.]; Gen. ed. by V.V. Samokhval. – Minsk: BGU, 2017. – 199 p.
6. Kirillova N.B. Mediakultura: ot moderna k postmodernu / N.B. Kirillova. – M.: Akademicheskyy Proyekt, 2006. – 448 p.
7. Kruglova M.S. Osobennosti pravovogo regulirovaniya v oblasti reklamy i svyazei s obshchestvennostyu // Rol intellektualnogo kapitala v ekonomicheskoy, sotsialnoy i pravovoy kulture obshchestva XXI veka: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 7-8 November 2019, Sankt-Peterburgskiy universitet tekhnology upravleniya i ekonomiki. – SPb.: SPbUMTE, 2019. – P. 318-320.
8. Kruglova M.S. Sopryazheniye upravlencheskikh i kreativnykh aspektov pri sozdanii studencheskikh proektnykh grupp // VII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Problemy obrazovaniya»: sbornik materialov konferentsii / Ed. by Krivtsova. – Dubna, 2021. – P. 79-86.
9. Krutitskaya E.V. PR-tekhnologii kak instrumenty upravleniya sotsialnymi proyektami // Vlast. 2016. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pr-tehnologii-kak-instrumenty-upravleniya-sotsialnymi-proektami> (Application date: 22.04.2022).
10. Mediapotrebleniye rossiyan: monitoring <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring>
11. Prokina, P.A. Primeneniye PR-tekhology dlya resheniya socialnykh problem / P.A. Prokina, O.A. Budarina. // Molodoi ucheny. – 2020. – № 6 (296). – P. 313-316. – URL: <https://moluch.ru/archive/296/67199/> (Application date: 22.01.2022).
12. Fateeva I.A. Mediaobrazovaniye: teoreticheskiye osnovy i praktika realizatsii: monografiya / I.A. Fateeva. – Chelyabinsk, 2007. – 270 p.
13. Fedorov A. Mediaobrazovaniye, mediagramotnost, mediakritika i mediakultura // Vyshee obrazovaniye v Rossii. 2005. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-media-gramotnost-mediakritika-i-mediakultura> (Application date: 24.04.2022).
14. Shapovalov V.I., Shuvanov I.B., Shuvanov V.P. Sredstva massovoi kommunikatsii v professionalnoi orientatsii podrostkov v postolimpiyskiy period razvitiya goroda Sochi // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2018. – № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27914> (Application date: 26.04.2022).
15. Shuvanov I.B., Shapovalov V.I. SMI v upravlenii protsessom proforientatsii molodezhi // Kulturnaya zhizn Yuga Rossii. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-v-upravlenii-protsessom-proforientatsii-molodezhi> (Application date: 26.04.2022).
16. Jeong, S.-H., Cho, H. and Hwang, Y. Media Literacy Interventions: A Meta-Analytic Review // Journal of Communication, 62, 2012. – Pp. 454-472.
17. Potter, James W. The State of Media Literacy // Journal of Broadcasting & Electronic Media, 54:4, 2010. – Pp. 675-696.
18. Rimal, R.N., Chung, A.H. and Dhungana, N. Media as Educator, Media as Disruptor: Conceptualizing the Role of Social Context in Media Effects // J Commun, 65, 2015. – Pp. 863-887.
19. Vetitnev A., Kruglova M., Shuvanova V. & Shuvanov I. Volunteer Internships as a Factor of Formation of Students' Professional Competence for the Educational Program «Advertising and Public Relations» // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Science and Social Development (ESSD 2019) – July 2019. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 298. – Pp. 200-204.
20. Zhang X., Ghorbani, A., An overview of online fake news: Characterization, detection, and discussion. // Information Processing & Management, Volume 57, Issue 2, 2020. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.03.004>.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022

В.М. Минияров, С.Д. Сазонова

ИНФОРМАЦИОННАЯ АДАПТАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ АДАПТИВНЫЕ УСТАНОВКИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛЕ

Аннотация: Целью работы является изучение информационной адаптации как процесса психической активности человека, в основе которой лежат адаптивные установки. Идея адаптации как активного взаимодействия с миром дополняется идеями конструктивного изменения сознания. «Адаптивная установка» понимается как состояние сознания субъекта адаптации, а именно степень активности в его отношении к миру, к новым обстоятельствам, к окружающим, к себе. Проведено экспериментальное исследование по проблеме информационной адаптации старшеклассников, что позволит расширить трактовку понятий социокультурных представлений и практически использовать инструментарий формирования адаптивных установок как позитивных или негативных реакций на новые обстоятельства и информационные технологии. Были выделены адаптивные установки, которые способствуют активному реагированию на изменяющиеся обстоятельства, а именно: ролевая установка взрослого (по Э. Берну), установка воли как готовности к изменению себя, установка веры в свои силы по преодолению неблагоприятных обстоятельств, установка доверия к окружающим и готовности рисковать, установка открытости и свободы выбора, а также установки как негативные личностные законы: трудно, смирение с обстоятельствами, неудача в активности и ролевые установки ребёнка и родителя (по Э. Берну). Разработана методика оценки направленности адаптивных установок у обучающихся. Проведено исследование адаптивных установок у обучающихся 8-11 классов. Показана негативная направленность адаптивных установок старшеклассников, что является важным доказательством необходимости коррекции установок. Указано на необходимость использования дифференцированного подхода формирования адаптивных установок у юношей и девушек как задачи информационной адаптации.

Ключевые слова: информационная адаптация; адаптивные установки; состояния сознания; позитивная и негативная направленность; ролевые установки.

Внутренними критериями психологического здоровья обучающихся в школе могут быть следующие: адаптированность к информационным влияниям и информационная безопасность, личностная активность и автономность, внутренние установки на образовательные ценности. Информационная безопасность как один из показателей психологического здоровья нуждается в информационной адаптации при взаимодействии с информационной средой.

Проведенное экспериментальное исследование по проблеме информационной адаптации старшеклассников актуально тем, что рассматривает противоречия между необходимостью выдержать информационные нагрузки и реагировать на них конструктивно, не меняя своих субъективных позиций личности, и происходящими изменениями в реальности, связанными с введением новых информационных технологий обучения. Для работы в этом направлении необходимо понимание адаптации как в широком смысле, так и в узком как процесса психической активности человека, в основе которой лежат адаптивные установки.

При изучении процесса адаптации как психологической активности человека были использованы идеи А.Ф. Лазурского [5],

Д.Н. Узнадзе [13], Ж. Пиаже [21], Л.С. Выготского [2], К. Юнга [18], В.А. Петровского [7]. Они позволили представить процесс адаптации как динамический процесс взаимодействия личности с миром, и установку как механизм, приводящий в движение личность, обеспечивая ей активное взаимодействие с миром.

Наряду с этим, идея адаптации как активного взаимодействия с миром дополняется идеями конструктивного изменения сознания. Практические методы конструктивного изменения сознания рассматриваются в работах зарубежной психологии, а именно в работах Р. Ассаджоли [19], Э. Берна [1], С. Грофа [3], А. Маслоу [20], Ф. Перлза [6], К. Роджерса [9], Э. Фромма [14], Д. Харриса [15], Э. Эриксона [17],

Процессуальный подход к адаптации как активность субъекта адаптации позволяет определить содержание понятия адаптивной установки.

«Адаптивная установка» понимается как состояние сознания субъекта адаптации, а именно степень активности в его отношении к миру, к новым обстоятельствам, к окружающим, к себе. Исследуется позитивная или негативная направленность адаптивной установки, которая может меняться в зависимости от того,

готов ли человек воспринять новый опыт или отказывается от него [11].

Попытка использования в экспериментальных исследованиях адаптивных установок личности для изучения системы информационной адаптации должна быть дополнена межпредметным подходом, в котором соединяются мировоззренческий, онтологический, аксиологический и антропологический направления, раскрывающие содержание понятия «информационная адаптация». Мировоззренческое направление «информационной адаптации» определяет стремление личности к внутреннему и внешнему устойчивому равновесию с информационной средой. Онтологические взгляды позволяют «информационную адаптацию» рассматривать как необходимую основу позитивного существования субъекта за счет сохранения устойчивого развития в информационной среде. Аксиологическое направление позволяет раскрыть содержание категории «информационная адаптация» за счёт общечеловеческих ценностей. И, наконец, антропологическое направление «информационной адаптации» рассматривает социальное конструирование, позволяя создать «обитаемый» мир, где возникают условия информационной адаптации, способствующие развитию личности.

Рассмотренные аспекты информационной адаптации позволили увидеть определенные противоречия, конфликт между декларируемыми обществом социокультурными представлениями и бессознательными индивидуальными установками личности как адаптивной реакцией на новые и непредсказуемые обстоятельства. Как правило, этот вопрос решается в контексте культурного воспитания и развития личности, приобретения новых социокультурных представлений. При этом за рамки идеологии воспитания и формирования новых ценностных ориентаций выносятся вопросы о достойном приспособлении к новым обстоятельствам и информационной технологии, т.е. проблема формирования социокультурных представлений отделяется от проблемы информационной адаптации личности.

Вместе с тем, изучение адаптивных установок и их формирование в практических задачах, например, в задаче обеспечения информационной адаптации личности, позволит расширить трактовку понятий социокультурных представлений и практически использовать инструментарий формирования адаптивных установок как позитивных или негативных реакций на новые обстоятельства и информационные технологии.

Итак, адаптивная установка может иметь позитивную или негативную направленность в зависимости от восприятия нового опыта или отказа от него в силу внутренних противоречий, которыми могут быть требования общества в изменении его представлений о внутренних потребностях личности и сохранение привычных для него позиций с целью поддержания равновесия.

Для описания адаптивных установок используются известные исследования различных социальных уровней проявления установок в структуре личности. Так, были использованы наиболее известные системы установок личности: система «осознанного движения к поставленной цели» Х. Маккей, «законы успеха» Н. Хилла [16], система «позитивного сознания» Ч.К. Тойча [12], «психология победителя» М. Джеймса, Д. Джонгарда [4], система «положительных психологических установок» Дж. Рейноутер [8], система позиций самодостойчивой личности.

Мы считаем, что наиболее актуальными в системе воспитания являются представления Э. Берна о ролевых установках личности как позитивных и негативных отношениях к себе и окружающим.

Также использованы идеи К. Роджерса, который рассматривает личностную позицию человека через адаптивную установку и уделяет внимание негативным адаптивным установкам личности, а также психотерапевтическим способам, преследующим цель изменения негативной направленности личности.

Проведенный анализ работ позволяет говорить о многообразных адаптивных установках, которые обеспечивают процесс адаптации обучающихся к изменяющимся жизненным обстоятельствам.

Были выделены адаптивные установки, которые способствуют активному реагированию на изменяющиеся обстоятельства. Такими установками могут быть: ролевая установка Взрослого (позиция «Я хороший, Ты хороший», по Э. Берну), установка Воли как готовности к изменению себя, установка Веры в свои силы по преодолению неблагоприятных обстоятельств, установка Доверия к окружающим и готовности. Рисковать, установка Открытости и установка Свободы выбора.

Противоположными позитивным адаптивным установкам могут быть установки негативной направленности: ролевые установки по Э. Берну – Ребёнка (позиция «Я – плохой, Ты – хороший»), Родителя (позиция «Я – хороший, Ты – плохой»), Несформировавшейся личности

(«Я – плохой, Ты – плохой»), а также установки как негативные личностные законы: Трудно, Смирение с обстоятельствами, Неудача в активности, необходимость Контроля.

На основе рассмотренных двух видов адаптивных установок в структуре личности была разработана методика оценки направленности адаптивных установок у обучающихся. Согласно данной методике было проведено исследование адаптивных установок у обучающихся 8-11 классов [10].

Как показали результаты исследования, старшие подростки и юноши имеют чаще позитивные адаптивные установки, чем девушки, так как они реже соглашаются со складывающимися вокруг них безвыходными обстоятельствами. Однако ещё значительная часть юношей и девушек остаются с негативными адаптивными установками. Это ещё раз доказывает, что необходима коррекционная работа с ними. Для этого значительный интерес представляют выявленные данные о динамике адаптивных установок у обучающихся в зависимости от пола и возраста. Так, например, старшие школьники (15-17 лет) по сравнению со школьниками среднего возраста (13-14 лет) характеризуются большим проявлением адаптивных установок негативной направленности, в то время как школьники 13-14 лет более уверены в своих силах и не пасуют перед складывающимися обстоятельствами, чем школьники 15-17 лет.

Для старших школьников больше характерна готовность к принятию существующих обстоятельств, а школьники 13-14 лет в меньшей степени готовы к изменению своих личностных качеств, что свидетельствует ещё о неготовности их к работе над собой, то есть самовоспитанию, которое свойственно уже старшеклассникам.

Это связано с тем, что восьмиклассники не склонны считать себя неудачниками и не думают, что им трудно противостоять обстоятельствам жизни, но у них нет ни воли, ни сил изменить свой характер. Достигая юношеского

возраста, у обучающихся появляется вера в собственные силы, они не желают мириться с безвыходностью своего положения, что приводит к юношескому бунтарству, то есть, как говорит Э. Берн, позиции Взрослого. Такая позиция формирует у них ответственность и, в то же время, как и у 16-17 летних школьников, у них нет уверенности в своих возможностях в силу не пройденной сепарации от своих родителей. Вот почему, не взирая на попытку оторваться от своих родителей, они испытывают негативную установку Ребёнка. И в то же время у них внутри созревает позитивная адаптивная установка, делая их постепенно взрослыми.

Таким образом, адаптивные установки девушек 14-17 лет носят более негативный характер чем у юношей. В целом юноши оказались относительно более социально зрелыми, чем девушки, хотя данные других исследователей говорят о том, что девушки этого возраста более зрелые чем юноши в половом и социальном отношении.

Адаптивные установки негативной направленности в большей степени присущи девушкам, чем юношам, так как девушки проявляют её по отношению к себе и к окружающим. Следовательно, результаты опроса показали, что негативные адаптивные установки старшеклассников отличаются по половозрастным особенностям, но не нарушают естественную тенденцию в их социальном развитии.

В целом, результаты опроса показали негативную направленность адаптивных установок старшеклассников, что является важным доказательством необходимости коррекции установок.

Полученные результаты исследования указывают на необходимость использования дифференцированного подхода формирования адаптивных установок у юношей и девушек к различным видам деятельности, в особенности к использованию компьютерных технологий.

Список литературы:

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1992. – 399с.
2. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский; под ред. В.В. Давыдова. – Москва: Педагогика-Пресс, 1999. – 536с.
3. Гроф, С. Путешествие в поисках себя: Измерения сознания. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира / С. Гроф. – Москва: Изд-во Трансперс. ин-та., 1994. – 338 с.
4. Джеймс, М. Рожденные выигрывать / М. Джеймс, Д. Джонгвард. – Москва: Прогресс, 1993. – 336 с.
5. Лазурский, А.Ф. Избранные труды по психологии / А.Ф. Лазурский; ред. кол.: А.В. Брушлинский [и др.]: Рос АН, Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1995. – 445с.

6. Перлз, Ф. Опыты психологии самопознания: Практикум по гештальт терапии / Ф. Перлз. – Москва, 1993. – 210с.
7. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский. – Москва: Горбунок, 1992. – 224с.
8. Рейнуотер, Дж. Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом / Дж. Рейнуотер. – Москва: Прогресс, 1993. – 238 с.
9. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – Москва: Прогресс. Универс, 1994. – 479 с.
10. Сазонова, С.Д. Становление гражданской позиции и формирование установок личности. Учебное пособие / С.Д. Сазонова. – Самара: СамГПУ, 2002. – 64 с.
11. Сазонова, С.Д. Изучение компетентности социальной адаптивности и гражданство творчества обучающихся / С.Д. Сазонова. – Москва: ГБОУ МЦ ЗОУО ДОГМ, 2012. – 41с.
12. Тойч, Ч.К. Второе рождение или искусство познать и изменить себя / Ч.К. Тойч. – Москва, 1994. – 170 с.
13. Узнадзе, Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки / Д.Н. Узнадзе. – Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. – 210 с.
14. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва, Назрань: АСТ, 1998. – 670 с.
15. Харрис, Дж. Я – хороший, ты – хороший / Дж. Харрис. – Москва: АО «Знак», 1993. – 120 с.
16. Хилл, Н. Думай и богатей / Н. Хилл. – Москва: Прогресс, 1997. – 410 с.
17. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва: Прогресс, 1996. – 340 с.
18. Юнг, К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Унив. книга, 1996. – 715 с.
19. Assagioli, R. Act of will / R. Assagioli. – New York, 1974.
20. Maslow, A. Motivation & Personality / A. Maslow. – New York, 1954.
21. Piaget, J. Logic & Psychology / J. Piaget. – Manchester: Manchester Uni. Press, 1953.

V.M. Minyiarov, S.D. Sazonova
**INFORMATION ADAPTATION AND MODERN ADAPTIVE ATTITUDES
AMONG SCHOOLCHILDREN**

Abstract: The purpose of the work is to study information adaptation as a process of human mental activity, which is based on adaptive attitudes. The idea of adaptation as an active interaction with the world is complemented by the ideas of constructive change of consciousness. «Adaptive attitude» is understood as the state of consciousness of the subject of adaptation, namely the degree of activity in his attitude to the world, to new circumstances, to others, to himself. An experimental study was conducted on the problem of information adaptation of senior schoolchildren, which will expand the interpretation of the concepts of socio-cultural images and use practically the tools for the formation of adaptive attitudes as positive or negative reactions to new circumstances and information technologies. Adaptive attitudes were identified that contribute to an active response to changing circumstances, namely: the role-playing attitude of an adult (according to E. Bern), the attitude of will as a readiness for changing oneself, the attitude of faith in one's own strength to overcome adverse circumstances, the attitude of trust in others and willingness to take risks, the attitude of openness and freedom of choice, as well as the attitude as negative personal laws: difficult, resignation to circumstances, failure in activity and role-playing attitudes of the child and the parent (according to E. Bern). A methodology for assessing the orientation of adaptive attitudes among pupils has been developed. A study of adaptive attitudes among pupils of 8-11 grades was conducted. The negative orientation of adaptive attitudes of senior schoolchildren is shown, which is an important proof of the need to correct attitudes. The necessity of using a differentiated approach to the formation of adaptive attitudes in boys and girls as a task of information adaptation is indicated.

Key words: information adaptation; adaptive attitudes; states of consciousness; positive and negative orientation; role-based attitudes.

References:

1. Bern E. Iгры, v kotorye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnosheny. Lyudi, kotorye igrayut v igrы. Psikhologiya chelovecheskoi sudby. – SPb: Lenizdat, 1992. – 399 p.
2. Vygotsky L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya. / Ed. by Davydov V.V. – M.: Pedagogika-Press, 1999. – 536 p.
3. Grof S. Puteshestviye v poiskakh sebya. Izmereniya soznaniya. Novye perspektivy v psikhoterapii i issledovanii vnutrennego mira. – M.: PH Preanspers. in-ta., 1994. – 338 p.
4. James M., Jongeward D. Rozhdennye vyigryvat. – M.: Progress, 1993. – 336 p.
5. Lazursky A.F. Izbrannye trudy po psikhologii / Ed. col.: A.V. Brushlinsky and oth.: Ros AS, Institute of Psychology. – M.: Nauka, 1995. – 445 p.
6. Perls F. Opyty psikhologii samopoznaniya: Praktikum po geshtalt terapii. – M., 1993. – 210 p.
7. Petrovsky V.A. Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti. – M.: Gorbunok, 1992. – 224 p.
8. Rainwater J. Eto v vashikh silakh. Kak stat sobstvennym psikhoterapevtom. – M.: Progress, 1993. – 238 p.
9. Rodgers C.R. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovleniye cheloveka. – M.: Progress. Univers., 1994. – 479 p.
10. Sazonova S.D. Stanovleniye grazhdanskoi pozitsii i formirovaniye ustanovok lichnosti – Uchebnoye posobiye, SamSPU, 2002. – 64 p.
11. Sazonova S.D. Izucheniye kompetentnosti sotsialnoi adaptivnosti i grazhdanstvo tvorchestva obuchayushchikhsya. – M.: SBEI MC WRAE DEcM, 2012. – 41 p.
12. Teutsch Ch.K. Vtoroye rozhdeniye ili iskusstvo poznat i izmenit sebya. – M., 1994. – 170 p.
13. Uznadze D.N. Eksperimentalnye osnovy psikhologii ustanovki. – Tbilisi: PH Acad. Sc. Georg. SSR, 1961. – 210 p.
14. Fromm E. AnATOMiya chelovecheskoi destruktivnosti. – M., Nazran: AST, 1998. – 670 p.
15. Harris J. Ya – khoroshy, ty – khoroshy. – M.: AO «Znak», 1993. – 120 p.
16. Hill N. Dumai i bogatei. – M.: Progress, 1997. – 410 p.
17. Erikson E. Identichnost: yunost i krizis. – M.: Progress, 1996. – 340 p.
18. Jung C.G. Psikhologicheskiye tipy. – M.: AST, SPb.: Univ. kniga, 1996. – 715 p.
19. Assagioli R. Act of will. – New York, 1974.
20. Maslow A. Motivation & Personality. – N.Y., 1954.
21. Piaget J. Logic & Psychology. – Manchester: Manchester Uni. Press, 1953.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022

В.И. Седин, А.А. Авдейчик

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЗДАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: Рассматриваются инновационные варианты методических подходов в целях формирования психологических барьеров девиантного поведения при профилактической работе с обучающимися в учебных заведениях. Предлагается использовать неинвазивные методики психозондирования и технологии виброизображения для объективного выявления признаков употребления наркотиков, алкоголя, криминала и суицидального намерения.

Предполагается формирование психологических барьеров при осознании невозможности скрыть проявления девиантного поведения при систематическом использовании психофизиологических диагностических методик. При обеспечении в эксперименте гарантированного аппаратурно-программного выявления контакта с наркотиками, что влечет за собой необходимость проведения служебного расследования инцидента с негативными последствиями для карьеры, у испытуемых формируется психологический барьер – как понимание объективной преграды, существующей лишь на уровне психики и мешающей человеку выполнять определенные девиантные действия с надеждой на авось: «Авось никто не узнает», «Авось ничего не будет».

Ключевые слова: психологический барьер; профилактика; девиантное поведение; виброизображение; психозондирование.

Решение проблем, связанных с медико-психологической профилактикой развития девиантного поведения среди обучающихся в учебных заведениях, остается актуальным направлением исследований, проводимых администраторами, психологами, медицинскими сотрудниками. На это обращают внимание многие исследователи, педагоги, психологи, предлагающие различные подходы к организации и проведению профилактической работы с подростками, обучаемыми.

Ими рассматриваются различные причины девиантного поведения [13]. Предлагается дифференцированный подход к различным группам подростков, учёт их индивидуальных психологических особенностей, жизненных условий и ситуаций в семьях. Выделяют следующие формы проявления девиантного поведения среди молодёжи: алкоголизм и пьянство (детский, подростковый, женский алкоголизм, «пивоалкоголизация» молодёжи), табакокурение, наркомания и токсикомания, правонарушения и преступления, агрессия, суициды, социальный паразитизм: проституция, бродяжничество и др.

Девиантное поведение рассматривается в рамках психолого-педагогической проблемы, которое с точки зрения различных методологических подходов представляет собой как «предосудительное и недопустимое отклонение от нормы» от базовых нравственных норм, установленных обществом.

В качестве борьбы с распространением различных форм девиантного поведения

рассматриваются различные профилактические меры для улучшения нравственной атмосферы в обществе, воспитания нетерпимости к преступлениям, аморальности, а также пропаганда здорового образа жизни [9].

Дьячкова М.В. (2013), Шамсутдинова Д.В. (2013) отмечают важность и необходимость развития механизма социального контроля, который отличается от внутреннего контроля [3, 12, 14].

Однако, несмотря на проводимую работу, проблема девиантного поведения продолжает волновать общество, а ещё больше, родителей [2, 5, 6].

Осознавая сложности в организации и проведении предлагаемых мероприятий, мы обратили внимание на важность для молодёжи скрываемости своего первого опыта применения психоактивных веществ, ещё не осознавая начала пути к девиантному поведению. Многочисленные контакты с молодёжью с целью выявления мотивов первого контакта, например, с наркотиками, позволили выявить склонность респондентов надеяться на авось: «Авось никто не узнает», «Авось ничего не будет».

Возникла идея о создании таких условий, которые бы обеспечивали практически 100% выявление и вероятность обсуждения девиантного поведения. Для этой цели наиболее подходящим оказалось применение программы психозондирования, разработанной под руководством

академика РАЕН И.В. Смирнова⁷. В 2002 г. Смирнов И.В. выделил один из способов психозондирования (рабочее название «MindReader») [12]. АПК MindReader – современная система, позволяющая решать задачи любой сложности:

- надёжность и предсказуемость человека;
- профессиональная надёжность;
- профессиональная пригодность;
- определение истинных мотивов выбора места работы, службы;
- оценка отношения к работе, определённому деянию, явлению, персоне;
- предрасположенность к совершению противоправных деяний.

В основу психозондирования заложен метод компьютерного психосемантического анализа, исключаяющий как осознанное восприятие вопросов теста, так и контролируемый выбор ответов со стороны тестируемого, то есть полностью исключает субъективность оценки (<http://psycor.ru/index.php/2012-07-21-10-11-00.html>).

Используемая в исследовании программа, названная разработчиками «Risk», позволяла выявлять принадлежность испытуемых к темам «Наркотик», «Алкоголь», «Криминал» и «Суицид». Процедура тестирования занимала всего лишь 5-7 минут. Вероятность ошибки составляла, по данным разработчиков, менее одного процента.

Для достижения цели – создания психологических барьеров в профилактике девиантного поведения была предложена процедура, которая включала:

1. Инструктаж участников эксперимента – курсантов военного учебного заведения.
2. Ознакомительное тестирование с помощью программы «Risk».
3. Проведение тестирования с пояснениями каждому испытуемому полученных результатов.

Во время проведения инструктажа обращалось внимание на особенности предъявления стимульного материала, реагирование на него испытуемого, времени процедуры. Также сообщалось, что такое обследование будет обязательным для каждого с интервалом в один квартал. Сообщалось, что в случае выявления признаков, которые свидетельствуют о принадлежности к какой-либо теме, будет проведено служебное расследование, по результатам которого

будет приниматься решение о возможности продолжения обучения в учебном заведении.

Ознакомительное тестирование преследовало цель показать испытуемым невозможность искажения результатов тестирования, т.к. стимул предъявляется на неосознаваемом уровне. Скорость предъявления стимула в программе менее возможности зрительного анализатора.

Особенностями проведения тестирования заключалось в том, что обеспечивался строгий учёт испытуемых и обсуждение полученного им результата. При наличии данных о принадлежности испытуемого к той или иной теме, выяснялись возможные причины получения такой оценки.

Апробация предложенного исследования была проведена с согласия курсантов и, в соответствии с решением командования, которое присутствовало на инструктировании.

Результаты тестирования и собеседования заносились в протокол психологического обследования.

Повторные обследования были проведены, как и было сказано, через три и шесть месяцев. Результаты сравнения предыдущих данных с последующими показали об отсутствии испытуемых, у которых была выявлена принадлежность к темам, свидетельствующая о наличии у курсанта диагностических признаков девиантного поведения.

При проведении собеседования при повторных обследованиях курсанты отмечали осознание ответственности за использование психоактивных средств и, следовательно, негативных последствий для своей карьеры.

Таким образом, результаты применения такой процедуры, создают уверенность в профилактической эффективности использования психодиагностических методик в целях создания психологического барьера к возможности «попробовать» зелье, при этом уже не надеяться на авось.

Полученный опыт, позволил сформулировать принципы, которые должны учитываться при создании такого рода процедур.

Первый принцип: использование методик отвечающим требованиям валидности и надёжности.

Второй принцип: используемые методики должны быть предназначены для исследования психофизиологических особенностей личности. Это позволяет исключить мотивационные

⁷Игорь Викторович Смирнов (1951-2004) – врач, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН, Академии энергoinформационных наук, основоположник

компьютерных психотехнологий, генеральный директор Института компьютерных психотехнологий.

искажения, как правило, имеющиеся при применении большинства психодиагностических методик.

Третий принцип: время проведения тестирования должно быть минимально возможным.

Четвертый принцип: до испытуемых должна быть доведена реальность последствий выявления диагностических признаков девиантного поведения.

Кроме методик психозондирования, основанных на изучении личности на неосознаваемом уровне предъявления стимульного материала, могут использоваться и другие, например, получившие признание и разработанные с применением технологии виброизображения [1, 7, 8].

Данная технология оценки психофизиологического состояния соответствует предложенным принципам для использования соответствующих методик, разработанных на её основе, в целях создания условий формирования у личности психологического барьера к «апробированию» своего участия в сомнительных мероприятиях, которые относятся к девиантному поведению [11]. Важно также отметить, что эта технология полностью соответствует условиям

производства судебной психологической и комплексных экспертиз видеоматериалов, т.к. принципиально возможно изучение подэкспертного посредством современных телекоммуникационных каналов (Енгальчев, 2017). Ведутся пилотажные эксперименты, изучающие возможности применения технологии и на законченных (завершённых) видеоматериалах [4].

Таким образом, под психологическим барьером, упомянутым в настоящей работе, следует понимать преграду, существующую лишь на уровне психики и мешающая человеку выполнять определенные действия. Она возникает как следствие индивидуальных психологических особенностей человека, прогнозирующего личностно значимые негативные последствия своего поведения.

Формирование психологического барьера может рассматриваться в качестве первичной профилактики, направленных на устранение неблагоприятных факторов, вызывающих определенное явление, а также на повышение устойчивости личности к влиянию этих факторов. Первичную профилактику можно обозначить как массовое и универсальное предупреждение действий, отклоняющихся от социальных норм [10].

Список литературы:

1. Бобров, А.Ф. Технология виброизображения в задачах экспресс-диагностики состояния здоровья лиц опасных профессий [Электронный ресурс] / А.Ф. Бобров [и др.] // Труды 4-й Международной научно-технической конференции: Современная психофизиология. Технология виброизображения. Июнь 2021 г., Санкт-Петербург, Россия, – С. 111-119. – URL: <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC4.RU.09> (дата обращения: 05.06.2022).
2. Гоголева, А.В. Аддитивное поведение и его профилактика: Учебно-методическое пособие / А.В. Гоголева. – Москва: МПСИ, 2003. – 237 с.
3. Дьячкова, М.В. Факторы, способствующие приобщению молодёжи к употреблению психоактивных веществ [Электронный ресурс] / М.В. Дьячкова // Экология человека. – 2013. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-sposobstvuyuschie-priobshcheniyumolodezhi-k-upotrebleniyu-psihoaktivnyh-veschestv> (дата обращения: 05.06.2022).
4. Енгальчев, В.Ф. Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы / В.Ф. Енгальчев // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: Сб. научных статей. – Москва: РГУП, 2017. – С. 11-16.
5. Кондрашенко, В.Т. Девиантное поведение у подростков: Диагностика. Профилактика. Коррекция: Учебное пособие / В.Т. Кондрашенко, С.А. Игумнов. – Минск: Аверсэв, 2004. – 365 с.
6. Коробкин, З.В. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодёжи / З.В. Коробкин. – Москва: Академкнига, 2002. – 416 с.
7. Минкин, В.А. О точности технологии виброизображения [Электронный ресурс] / В.А. Минкин // Труды 2-й международной научно-технической конференции: Современная психофизиология. Технология виброизображения. 25-26 июня 2019 г., Санкт-Петербург, Россия. – С. 167-179. – URL: <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC2.RU.21> (дата обращения: 05.06.2022).
8. Минкин, В.А. Диагностика здоровья по оценке десинхронизации сигналов физиологических систем. Первые результаты практического применения программы HealthTest [Электронный ресурс] / В.А. Минкин, А.Ф. Бобров // Труды 3-й международной научно-технической конференции: Современная психофизиология. Технология виброизображения. 25-26 июня 2020 г., Санкт-

- Петербург, Россия. – С. 121-130. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.14.VC3.RU> (дата обращения: 05.06.2022).
9. Павленок, П.Д. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения. Учебное пособие / П.Д. Павленок, М.Я. Руднева. – Москва, 2007.
  10. Паршева, Е.А. Особенности профилактики отклоняющегося поведения современных подростков / Е.А. Паршева // Форум молодых ученых. – 2018. – №3(19). – С. 479-485.
  11. Патент № 2218867 С1 Российская Федерация МПК А61В 5/16 Способ психозондирования от 11.12.2002 [Электронный ресурс] / И.В. Смирнов. – URL: <http://psycog.ru/index.php/mindreader.html> (дата обращения: 05.06.2022).
  12. Патент WO 2018/174745 A1 Способ оценки психофизиологического состояния человека. Дата международной публикации 27.09.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psymaker.com/Bibliography/pat/RU2017109920.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
  13. Профилактика девиантного поведения молодёжи. Учебно-методическое пособие. – Ижевск, УдГУ, 2017. – 82 с.
  14. Хагуров, Т.А. Девиантное поведение подростков и молодёжи: формы, причины, профилактика. Учебно-методическое пособие / Т.А. Хагуров, Л.М. Чепелева, Н.А. Рябченко, В.Н. Ракачев. – Краснодар, 2020. – 100 с.
  15. Шамсутдинова, Д.В. Опыт изучения и характеристика профилактических мероприятий девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] / Д.В. Шамсутдинова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №5. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-izucheniya-i-harakteristika-profilakticheskikh-meropriyatij-deviantnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 05.06.2022).

V.I. Sedin, A.A. Avdeichik
**INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN CREATING PSYCHOLOGICAL BARRIERS
IN PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOUR**

Abstract: Innovative variants of methodological approaches are considered in order to form psychological barriers of deviant behaviour during preventive work with students at educational institutions. It is proposed to use non-invasive psychosonding techniques and vibration imaging technologies for the objective detection of signs of drug and alcohol use, crime and suicidal intent. It is assumed that psychological barriers are formed when realizing the impossibility of hiding the manifestations of deviant behaviour with the systematic use of psychophysiological diagnostic techniques. When providing guaranteed hardware and software detection of drug contact in the experiment, which entails the need for an internal investigation of an incident with negative consequences for a career, a psychological barrier is formed in the subjects – as an understanding of an objective barrier that exists only at the level of the psyche and prevents a person from performing a certain deviant acts with hope «Nobody will know», «There won't be any punishment».

Key words: psychological barrier; prevention; deviant behavior; vibration imaging; psychosonding.

References:

1. Bobrov, A.F., and oth., (2021) Tekhnologiya vibroizobrazheniya v zadachakh ekspres-diagnostiki sostoyaniya zdorovya lits opasnykh professy. Trudy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii: Sovremennaya psikhofiziologiya. Tekhnologiya vibroizobrazheniya [Electronic resource]: June 2021, Saint-Peterburg, Russia, P. 111-119. – <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC4.RU.09> (Application date 05.06.2022).
2. Gogoleva A.V. Additivnoye povedeniye i ego profilaktika: Uchebno-metodicheskoye posobiye. M.: MPSI, 2003. – 237 p.
3. Dyachkova M.V. Faktory, sposobstvuyushchiye priobshcheniyu molodezhi k upotrebleniyu psikhoaktivnykh veshchestv [Electronic resource] // Ekologiya cheloveka. 2013. №2. <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-sposobstvuyushchie-priobshcheniyumolodezhi-k-upotrebleniyu-psihoaktivnyh-veshestv> (Application date 05.06.2022).
4. Engalychev V.F. Psikhologichesky analiz povedeniya, zafiksirovannogo na videozapisi, kak novoye napravleniye sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy // Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisei: Sb. Nauchnykh statei. M.: RGUP, 2017. P. 11-16.

5. Kondrashenko V.T., Igumnov S.A. Deviantnoye povedeniye u podrostkov: Diagnostika. Profilaktika. Korrektsiya: Uchebnoye posobiye. Minsk: Aversev, 2004. – 365 p.
6. Korobkin Z.V. Profilaktika narkoticheskoi zavisimosti u detei i molodezhi. M.: Akademkniga, 2002. – 416 p.
7. Minkin, V.A. O tochnosti tekhnologii vibroizobrazheniya, Trudy 2-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii: Sovremennaya psikhofiziologiya. Tekhnologiya vibroizobrazheniya [Electronic resource]. 25-26 June 2019, Saint-Peterburg, Russia. P. 167-179. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC2.RU.21> (Application date 05.06.2022).
8. Minkin, V.A., Bobrov, A.F. (2020) Diagnostika zdorovya po otsenke desinkhronizatsii signalov fiziologicheskikh sistem. Pervye rezultaty prakticheskogo primeneniya programmy HealthTest, Trudy 3-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii: Sovremennaya psikhofiziologiya. Tekhnologiya vibroizobrazheniya [Electronic resource]. 25-26 June 2020, Saint-Peterburg, Russia, P. 121-130. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.14.VC3.RU> (Application date 05.06.2022).
9. Pavlenok P.D., Rudneva M.Ya. Sotsialnaya rabota s litsami i gruppami deviantnogo povedeniya. Uchebnoye posobiye. M., 2007.
10. Parsheva E.A. Osobennosti profilaktiki otklonyayushchegosya povedeniya sovremennykh podrostkov // Forum molodykh uchenykh, № 3 (19). 2018 P. 479-485.
11. Patent «Sposob psikhozondirovaniya» (open). No. 2218867 (open) dated December 11, 2002, Smirnov I.V. [Electronic resource]: <http://psycor.ru/index.php/mindreader.html> (Application date 05.06.2022).
12. Patent «Sposob otsenki psikhofiziologicheskogo sostoyaniya cheloveka». WO 2018/174745 A1. Date of international publication 27.09.2018 [Electronic resource]. <http://www.psymaker.com/Bibliography/pat/RU2017109920.pdf> (Application date 05.06.2022).
13. Profilaktika deviantnogo povedeniya molodezhi. Uchebno-metodicheskoye posobiye / UdGU. Izhevsk, 2017. – 82 p.
14. Khagurov T.A., Chepeleva L.M., Ryabchenko N.A., Rakachev V.N. Deviantnoye povedeniye podrostkov i molodezhi: formy, prichiny, profilaktika. Uchebno-metodicheskoye posobiye. – Krasnodar, 2020. 100 p.
15. Shamsutdinova D.V. Opyt izucheniya i kharakteristika profilakticheskikh meropriyaty deviantnogo povedeniya podrostkov [Electronic resource] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. №5. <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-izucheniya-iharakteristika-profilakticheskikh-meropriyatiy-deviantnogo-povedeniya-podrostkov> (Application date 05.06.2022).

Статья поступила в редакцию 20.04.2022

Д.Р. Белодед

ВЛИЯНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

Аннотация: В борьбе за внимание интернет-пользователей моральные аспекты игнорируются или полностью дискредитируются. В целях обеспечения психологической безопасности и противодействия деструктивному влиянию шок-контента на правовую культуру во всемирной паутине должны приниматься специальные меры со стороны государства, а также родителей и педагогов. В настоящее время существуют законы, направленные на борьбу с нарушениями в сфере массовых коммуникаций, но их сила и влияние недостаточны для защиты уязвимых групп пользователей глобальных сетей. Информационные материалы, запрещенные российским законодательством, могут легко и свободно распространяться с целью привлечения внимания пользователей, тем более что представители крупнейших компаний выполняют обязательство по удалению запрещенного контента со значительными задержками или вообще не соблюдают. Помимо нелегального контента, существует множество источников, публикующих фейковые новости. Если оставить интернет без должного надзора, неизбежны разрушительные последствия для психологической безопасности и правовой культуры общества.

Ключевые слова: шок-контент; интернет; правовая культура; деструктивный контент; психологическая безопасность; социальные сети.

Распространение крайне деструктивного контента в Интернете – современная проблема, распространенная не только в России, но и в других странах мира. Большая часть этой информации публикуется в даркнете и скрывается от обычных пользователей, но время от времени появляется в общем доступе и влияет на сознание пользователей, в особенности детей и подростков. Многие страны пытаются бороться с деструктивным контентом, но у их ресурсов для реализации этой задачи недостаточно.

Несмотря на активную борьбу с шокирующим контентом в мире, эта форма передачи информации используется во многих рекламных кампаниях, включая от некачественных тизерных кампаний до современных маркетинговых агентств высшего уровня. Правильный и серьезный подход к рекламе, нейтральные картинки, жизнеутверждающие надписи, фотографии счастливых семей – это приемлемо, но скучно и обыденно. Тяготение большей части потребителей к эффектным зрелищам, побуждает видеохостинги, социальные сети, кинематографию и СМИ к трансляции скандалов, заговоров, расследований, сенсационных открытий. Материалы такого рода представляют наибольший интерес для зрителя, так как вызывают очень сильные эмоции. Страх – базовая эмоция, способная оказывать давление на ум и вызывать изменения в модели поведения [14]. Детские страхи, фобии, подсознательные страхи – волнуют миллионы людей и позволяют маркетологам манипулировать ими рекламой. Нередко можно наблюдать рекламные сюжеты, в которых транслируются

страхи, приводящие к некоторым негативным последствиям, которых можно избежать с помощью их рекламируемого продукта.

Причина интереса к шок-контенту кроется в том, что люди могут косвенно переживать события, с которыми они на самом деле не хотели бы быть связаны в реальной жизни. Шокирующее содержание дарит новые эмоции. Шок-контент можно встретить в различных формах подачи (аудио, видео, текст), основная цель – оказать сильное влияние на восприятие, вызвать душевные переживания и остаться в памяти как в день ознакомления с такой информацией, так и надолго, заставляя периодически воссоздавать запечатленный образ в сознании [6]. Когда пользователи видят захватывающий сюжет, они испытывают прилив адреналина, страх, возбуждение, тревогу, беспокойство и прочие сильные эмоции. Это во многом и объясняет популярность триллеров, которые позволяют испытывать подобные эмоции, оставаясь в полной целостности и безопасности вдалеке от накала страстей.

Иногда объектом рекламы выступает канал видеохостинга или группа в социальной сети. Молодое поколение порой чрезмерно привязано к пребыванию в интернете, особо популярны в настоящее время социальные сети [5, 9, 16]. В борьбе за внимание пользователя многие владельцы групп и их модераторы полностью пренебрегают морально-нравственным содержанием своего контента [2]. Однако, несмотря на этические и правовые запреты, социальные сети не признают ответственность

за размещенный на страницах контент. В сложившейся ситуации для социальных сетей и мессенджеров в закон должны быть введены дополнительные обязательства по регулированию деструктивного или фейкового контента, а владельцев разрушительного контента необходимо привлекать к ответственности в случае распространения информации, оказывающей пагубное влияние на психическое и физическое здоровье своих зрителей.

Что касается зарубежных видеохостингов, следует отметить, что их платформы всё же координируют различные типы контента. Но на практике их действия довольно противоречивы. Не всегда, к сожалению, понятно, почему заблокирована та или иная официальная информация, в то время как не предпринимаются шаги по удалению и блокировке той информации, на которую поступают множество жалоб, обращений и письма официальных представителей с требованием удаления контента, противоречащему законодательству РФ.

Существующая практика показывает, что действующие в настоящее время механизмы на самом деле не работают и не позволяют защитить граждан от распространения такой деструктивной информации, особенно детей и подростков. Большинство молодых пользователей испытывают психологический дискомфорт от такого содержания [3]. Текущий процесс соблюдения регламента по удалению деструктивного контента очень медленный, на блокировку информации может потребоваться месяц после её опубликования. За это время видео может набрать более 15 миллионов просмотров в зависимости от посещаемости канала и количества подписчиков. Публика просмотров сложена в основном из детской и молодой аудитории. Скорость государственного регулирования и действующее законодательство существенно уступают скорости распространения информации, наносящей вред психологическому здоровью молодого поколения.

Нужно заметить, что социальные сети реагируют по-разному, встречаются модераторы, оперативно реагирующие на жалобы и официальные запросы, но, как правило, большинство из них личной ответственности не признают и не проявляют никакой активности по модерации содержания собственного контента. В частности, YouTube не реагирует на жалобы пользователей, жалобы правительства или запросы правоохранительных органов. Единственный способ – добавить определенный адрес сайта в список заблокированных сайтов. Данный метод не является надежным, так как пользователи

успевают скопировать эти видеофайлы и отправляют их в другие социальные сети. В таком случае становится необходимым каждое из этих видео идентифицировать и уже предпринимать дальнейшие действия. Для успешного поиска деструктивной информации, с целью дальнейшего взаимодействия с ней, необходимы актуальные достижения в области высоких технологий, так как процессы подобного поиска должны быть автоматизированы.

Социальные сети и видеохостинги, безусловно, должны нести ответственность за публикуемый контент. Деструктивная информация вредит не только психическому, но, к сожалению, зачастую и физическому здоровью граждан. Когда речь идет о детях, результат совершенно непредсказуем и зависит от ряда личностных особенностей и внешних условий. Некоторые молодые зрители увидят, дадут общую оценку и просто расскажут своим друзьям, а другие захотят повторить и сделают в реальности то, что может навредить их здоровью и жизни или окружающим. Проблема невыраженной агрессии может подтолкнуть пользователя с неустойчивой психикой к созданию такого же материала, который случайно или намерено оказался в его поле зрения.

Большинство групп, содержащих шок-контент, не нуждаются в какой-либо специальной экспертизе информационных материалов квалифицированными экспертами. Для большей части медиафайлов достаточно адекватной оценки модератора, чтобы определить, что публикуемый материал не предназначен для детей. Такое содержание оказывает сильное влияние на психику ребёнка, негативная информация разного рода постоянно удерживает ребёнка в состоянии стресса, страха и депрессии. После длительного просмотра шок-контента представители молодого поколения уже не так восприимчивы к нейтральной информации и не готовы к положительному содержанию. Демонстрируемый негатив настолько блокирует здравый смысл, что критическое мышление будто вовсе исключается. При этом не стоит забывать, что, помимо явного шок-контента, существует и иные юридически значимые материалы, по которым могут быть инициированы экспертизы в рамках уголовного или гражданского процесса по психологическому анализу поведения участников судебного дела [1]. И такое поведение может быть чрезвычайно опасным [8].

По мнению некоторых экспертов, бороться с деструктивным контентом не стоит, так как цифровые платформы собирают много информации о пользователях и их публикациях:

геолокация размещенного контента, виртуальный круг общения, номер телефона и устройство, которым они пользуются, и другую информацию о себе... Люди, использующие эти платформы, нередко оставляют много персональных данных, что позволяет легко идентифицировать распространителей деструктива, передавать эти сведения в правоохранительные органы или блокировать таких пользователей.

Необходимо правовыми рычагами принудить соцсети и видеохостинги работать в сфере российского права, требуя соблюдения норм, регулирующих интернет-среду, включая обязательства всех действующих в России сайтов, платформ и ИТ-компаний.

Десять лет назад такие термины, как «шок-контент» или «стрельба в школе», были известны лишь нескольким экспертам. История о том, что кто-то принес в школу пистолет и начал стрелять в детей или учителей, была известна в России только по телевидению. Вспышки агрессивного поведения среди подростков выявляются с тревожной частотой декриминализации их поступков, и не всегда принимаются меры по их предупреждению. Нынешнее молодое поколение растет в сложных условиях информационной пропаганды [4; 6; 9, 15]. Доступ к информационному потоку почти не ограничен, нелегко влиять на то, что видят дети и что их интересует. С появлением Интернета и социальных сетей родителям и педагогам стало труднее контролировать интересы подростков, на чём сосредоточены их мысли. Видео в социальных сетях и на YouTube имеют всё больше влияния на осведомленность молодого поколения, а содержание демонстрируемого медиа часто вызывает сомнения, а порой и опасения.

Явление деструктивного поведения давно известно и изучается психологами, но довольно сложно измерить его объёмы во всемирной сети, чтобы оценить, насколько оно распространено сейчас. С плюрализмом мнений и пропагандой свободы в Интернете сайты, группы и каналы, открыто защищающие самые мерзкие проявления человеческой природы, обретают высокую популярность. Дети, подростки и любой желающий могут легко найти в Интернете видеоролики о том, как они убивают животных или людей, рассказы о том, как причинить вред другим, и видеоролики, призывающие к травмам. В такой группе часто упоминается мысль о том, что для достижения максимального уровня удовлетворения, подобные действия должны происходить не в интернете, а в реальной жизни. После

этих внушений последствия могут возникнуть самые непредсказуемые.

Одним из наиболее распространенных видов деструктивных сообществ являются шок-группы. При этом речь идет о сообществе, которое регулярно (обычно в виде картинок или видео) распространяет информацию вместе со сценами насилия, жестокости, порнографии или другими материалами, которые могут шокирующе повлиять на зрителей. Вообще шокирующее содержание относится к информации, нарушающей общепринятые морально-этические нормы или просто запрещённой. В таких группах часто встречаются материалы о смерти или загробной жизни, пропаганда суицида или наркомании, материалы сексуального характера и пр. [10; 11; 12].

Однако на самом деле спектр информации в группах шокирующего контента намного больше, чем в кровавых картинках или порнографических видео. Со временем они эволюционировали и начали поощрять отношения, которые, на первый взгляд, должны были казаться неприемлемыми. Например, они выступают за непристойные способы общения с друзьями, откровенную ложь родителей и учителей, необходимость «идти против системы» и, конечно же, ругаться при любых обстоятельствах. Учитывая, что возраст зрителей такого контента редко превышает аудиторию лиц, старше 18 лет, последствия такой пропаганды не заставят себя долго ждать.

Если группа, транслирующая шокирующее содержание, деформирует психологическую защищенность подростков, сообщество, поощряющее расстрелы в школах, будет подвергаться прямой опасности для жизни и здоровья подростков. Скулшутинг переводят как «школьный расстрел», но сейчас этот термин применяется к любому нападению на ученика или учителя в любом учебном заведении. Сегодня насчитывается более 100 000 веб-сайтов, групп в социальных сетях и других онлайн-сообществ, которые продвигают идеи зачисления в школу. И только в России к ним привлекалось около 112 тысяч молодых людей [13].

Главная мысль, которую пропагандируют некоторые группы скулшутинга, заключается в том, что зло романтично и красиво. Разрушение чужой судьбы выделяет приверженца субкультуры из общей массы людей, делает его особенным, а жизнь, свобода и здоровье других людей не должны его заботить [7; 10; 12]. Такие группы постоянно делятся историями о массовых убийствах в разных школах, подсознательно заставляя людей думать, что быть убийцей – это

достижение, а причинять боль другим – это весело и эффективно. Образ такого публичного преступника часто возвеличивается и заставляет думать подписчиков, что даже после смерти подростка все будут его уважать и долго помнить за этот поступок. В то время, когда школьника захлестывают чувства обиды, агрессия и ненависть к одноклассникам, ученикам и учителям, такие группы подталкивают к выводу, что эти объекты ненависти заслуживают смерти. Особую опасность этот вывод несет в случае, когда переживания подростка связаны с трудными отношениями со школьной командой или семьей.

Меры по предотвращению школьных расстрелов разрабатываются только потому, что эта проблема возникла в России относительно недавно. Учителям и родителям рекомендуется обращать внимание на внутреннее эмоциональное состояние детей, не допускать преследования со стороны сверстников и публиковать соответствующий контент в Интернете. Очень важно защитить детей от насилия и огнестрельного оружия, чтобы создать нормальные условия для обучения и развлечений.

Длительный просмотр деструктивного шок-контента (особенно несовершеннолетними пользователями интернета) снижает способность мыслить самостоятельно и принимать рациональные решения. В целевой аудитории зрителей деструктивных материалов получают положительное подкрепление:

- отсутствие желания учиться, развиваться и работать,
- желание быть унижающим и быть лучшим из худших,
- отказ от ответственности,
- отсутствие авторитета значимых взрослых,

Список литературы:

1. Алиэскеров, М.А. Юридический психолог в гражданском судопроизводстве: возможности и функции / М.А. Алиэскеров, В.Ф. Енгальчев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 3. – С. 21-26.
2. Белодед, Д.Р. Обеспечение психологической безопасности несовершеннолетних в образовательном интернет-пространстве / Д.Р. Белодед // Психология в пространстве образования и личностного развития: перспективные практики научного исследования и сотрудничества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Калуга, 09-10 декабря 2021 года. – Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», 2022. – С. 230-238. – EDN RUJPGG.
3. Белодед Д.Р. Особенности воздействия цифрового контента на развитие психологической безопасности личности / Д.Р. Белодед // Весенние психолого-педагогические чтения: Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти почётного профессора АГУ А.В. Буровой, Астрахань, 19 апреля 2022 года. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2022. – С. 86-89. – EDN LTUORB.

- падение моральных норм и универсальных ценностей,
- желание нарушать правила, сражаться и уничтожать и др.

Роль социальных сетей в современном обществе трудно переоценить. В настоящее время они активно используются не только в коммуникативных целях, но и в деловых целях, и для предоставления общественно важной информации. Однако практика последних лет показала, что угроза использования соцсетей в незаконных целях значительно возросла из-за увеличения популярности соцсетей в процессе информирования граждан. Например, вмешательство в избирательные кампании, политические конфликты свободы внутри страны и за рубежом.

Отсутствие надежных средств контроля информационных данных приводит к разрушительным последствиям для психологической безопасности пользователей и правовой культуры зрителей. Пользователем ресурсов и возможностей сети может быть человек, замысливший преступление, имеющий судимости или любое психическое заболевание – все они равны в Интернете. Важно понимать, что деструктивного контента гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Ответственные за государственную информационную безопасность, семейную политику (защиту детства) должны утвердить четкие правила размещения и потребления деструктивного контента. Наряду с необходимостью помнить об ответственности государственных учреждений, а также об ответственности родителей и образовательных учреждений за воспитание молодого поколения, формирование и социализацию личности в условиях нравственности и высокой правовой культуры.

4. Берендеев, М.В. Медиаэкология киберпространства как сфера безопасности потребления информации в Российской интернет-среде / М.В. Берендеев, М.М. Друкер // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т.1. – №1(34). – С. 109-117. – DOI 10.51965/2076-7919_2021_1_1_109. – EDN OGNOAJ.
5. Буграева, А.Р. Проблемы обеспечения психологической безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве / А.Р. Буграева, Н.П. Исмаилова. // Развитие правового сознания в образовательном пространстве: материалы 6-й Международной научно-практической конференции, в 4-х частях, Махачкала, 22 февраля 2019 года. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2019. С. 153-167. – EDN BAPVGM.
6. Гончаров, Ю.О. Оценка опасности деструктивного контента в социальной сети Youtube / Ю.О. Гончаров, В.Д. Менжунов, В.Р. Носоленко // Информация и безопасность. – 2019. – Т.22. – №2. – С. 260-263. – EDN FLRLOG.
7. Диденко, К.В. «Колумбайнеры» – новый тип личности несовершеннолетнего преступника / К.В. Диденко, Л.Н. Бочарникова // Современный ученый. – 2020. – № 5. – С. 267-273. – EDN EOUVNJ.
8. Енгальчев, В.Ф. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р. / В.Ф. Енгальчев, Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 206-214.
9. Крюкова, И.А. Место социальных сетей в жизни современной молодёжи / И.А. Крюкова, А.А. Захарченко // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2017. – Т.7. – №1. – С. 135. – EDN YHCCQX.
10. Ромашкина, Н.П. Вооружения без контроля: современные угрозы международной информационной безопасности / Н.П. Ромашкина // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 2(55). – С. 64-83. – DOI 10.20542/2307-1494-2018-2-64-83. – EDN VPJXEN.
11. Сундиев, И.Ю. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодёжи / И.Ю. Сундиев, А.А. Смирнов // Научный портал МВД России. – 2020. – № 4(52). – С. 35-44. – EDN VNAMIP.
12. Тимошина, Е.М. Деструктивные субкультуры несовершеннолетних как условия их виктимизации и криминализации [Электронный ресурс] / Е.М. Тимошина // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – №2 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnye-subkultury-nesovershennoletnih-kak-usloviya-ih-viktimizatsii-i-kriminalizatsii> (дата обращения: 02.06.2022).
13. Шок-контент и скулшутинг: причины деструктивного поведения подростков [Электронный ресурс]. – URL: <https://offshoreview.eu/2019/10/07/shok-kontent-i-skulshuting-prichiny-destruktivnogo-povedeniya-podrostkov/>.
14. Pohanyar, A.N.Sh. Aggression and fear in preschool children / A.N.Sh. Pohanyar // Herald of the Pedagogical University. Series 2: Pedagogy and Psychology, Theory and Teaching Methods. – 2020. – N 3(3). – P. 258-262. – EDN VEZMUQ.
15. Quaglio, G. How the internet can harm us, and what can we do about it? / G. Quaglio // By Scientific Foresight (STOA). – February 18, 2019. – URL: <https://epthinktank.eu/2019/02/18/how-the-internet-can-harm-us-and-what-can-we-do-about-it/>.
16. Sobkin, V.S. Teenagers in Social Networks: Patterns of Usage and Aggressiveness / V.S. Sobkin, A.V. Fedotova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12. – No 9. – P. 1733-1752. – DOI 10.17516/1997-1370-0480. – EDN JDKYIU.

D.R. Beloded

**IMPACT OF DESTRUCTIVE DIGITAL CONTENT
ON PSYCHOLOGICAL SAFETY OF INTERNET USERS**

Abstract: In the struggle for the attention of Internet users, moral aspects are ignored or completely discredited. In order to ensure psychological safety and counteract the destructive impact of shock content on the legal culture on the World Wide Web, special measures should be taken by the state, as well as parents and teachers. Laws currently exist to combat violations in the field of mass communications, but their strength and influence are insufficient to protect vulnerable groups of users of global networks. Information materials prohibited by Russian law can be easily and freely distributed in order to attract the attention of users, especially since representatives of the largest companies comply with the obligation to remove prohibited content with significant delays or do not comply at all. In addition to illegal content, there are a lot of sources that publish fake news. If the Internet is left without proper oversight, devastating consequences for the psychological safety and legal culture of the society are inevitable.

Key words: shock content; Internet; legal culture; destructive content; psychological safety; social networks.

References:

1. Alieskerov M.A., Engalychev V.F. Yuridichesky psikholog v grazhdanskom sudoproizvodstve: vozmozhnosti i funktsii // Arbitrazhny i grazhdansky prtscess. 2004. № 3. P. 21-26.
2. Beloded D.R. Obespechenie psikhologicheskoi bezopasnosti nesovershennoletnikh v obrazovatelnom internet-prostranstve / Beloded D.R. // Psikhologiya v prostranstve obrazovaniya i lichnostnogo razvitiya: perspektivnye praktiki nauchnogo issledovaniya i sotrudnichestva: Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kaluga, 09-10 December 2021. Kaluga: FBSEI HPE «Kaluga State university named after K.E. Tsiolkovsky», 2022. P. 230-238. EDN RUJPGG.
3. Beloded D.R. Osobennosti vozdeistviya tsifrovogo kontenta na razvitiye psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti / Beloded D.R. // Vesenniye psikhologo-pedagogicheskiye chteniya: Sbornik materialov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchyonnoi pamyati pochyotnogo profesora AGU A.V. Burovoi, Astrakhan, 19 April 2022. Astrakhan: Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Astrakhan State university», 2022. P. 86-89. EDN LTUORB.
4. Berendeev M.V. Mediaekologiya kiberprostranstva kak sfera bezopasnosti potrebleniya informatsii v Rossiiskoi internet-srede / M.V. Berendeev, M.M. Druker // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2021. V. 1. № 1(34). P. 109-117. DOI 10.51965/2076-7919_2021_1_1_109. – EDN OGNOAJ.
5. Bugraeva A.R. Problemy obespecheniya psikhologicheskoi bezopasnosti nesovershennoletnikh v tsifrovom prostranstve / Bugraeva A.R., Ismailova N.P. // Razvitiye pravovogo soznaniya v obrazovatelnom prostranstve: materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 4-h chastyakh, Makhachkala, 22 February 2019. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical university, 2019. P. 153-167. EDN BAPVGM.
6. Goncharov, Yu.O. Otsenka opasnosti destruktivnogo kontenta v sotsialnoi seti Youtube / Yu.O. Goncharov, V.D. Menzhunov, V.R. Nosolenko // Informatsiya i bezopasnost. 2019. V. 22. № 2. P. 260-263. – EDN FLRLOG.
7. Didenko K.V. «Kolumbainery» – novy tip lichnosti nesovershennoletnego prestupnika / K.V. Didenko, L.N. Bocharnikova // Sovremenny ucheny. 2020. № 5. P. 267-273. EDN EOUVNJ.
8. Engalychev V.F., Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Psikhologo-kriminalistichesky analiz sluchaya massovogo ubiistva: psikhologichesky profil Galyavieva I.R. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 475. P. 206-214.
9. Kryukova I.A. Mesto sotsialnykh setei v zhizni sovremennoi molodezhi / I.A. Kryukova, A.A. Zakharchenko // Byulleten meditsinskikh internet-konferentsy. 2017. V. 7. № 1. P. 135. EDN YHCCQX.
10. Romashkina N.P. Vooruzheniya bez kontrolya: sovremennye ugrozy mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti / N.P. Romashkina // Puti k miru i bezopasnosti. 2018. № 2(55). P. 64-83. DOI 10.20542/2307-1494-2018-2-64-83. EDN VPJXEN.
11. Sundiev I.Yu. «Toksichny» kontent v seti Internet i ego vliyaniye na radikalizatsiyu molodezhi / I.Yu. Sundiev, A.A. Smirnov // Nauchny portal MVD Rossii. 2020. № 4(52). P. 35-44. EDN VNAMIP.

12. Timoshina E.M. Destruktivnye subkultury nesovershennoletnikh kak usloviya ikh viktimizatsii i kriminalizatsii // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. №2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnye-subkultury-nesovershennoletnih-kak-usloviya-ih-viktimizatsii-i-kriminalizatsii> (Application date: 02.06.2022).
13. Shock kontent and schoolshuting: причины деструктивного поведения подростков prichiny destruktivnogo povedeniya podrostkov. <https://offshoreview.eu/2019/10/07/shok-content-i-skulshuting-prichiny-destruktivnogo-povedeniya-podrostkov/>.
14. Pohanyar A.N.Sh. Aggression and fear in preschool children / A.N.Sh. Pohanyar // Herald of the Pedagogical University. Series 2: Pedagogy and Phychology, Theory and Teaching Methods. 2020. N 3(3). P. 258-262. EDN VEZMUQ.
15. Quaglio G. How the internet can harm us, and what can we do about it? By Scientific Foresight (STOA). February 18, 2019. URL: <https://epthinktank.eu/2019/02/18/how-the-internet-can-harm-us-and-what-can-we-do-about-it/>.
16. Sobkin V.S. Teenagers in Social Networks: Patterns of Usage and Aggressiveness / V.S. Sobkin, A.V. Fedotova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12. – No 9. – P. 1733-1752. – DOI 10.17516/1997-1370-0480. – EDN JDKYIU.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022

И.С. Седенкова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Аннотация: В интернет-сети существуют интолерантные виртуальные группы/сообщества/паблики, объединенные ненавистью к противоположному полу, активно транслирующие деструктивные настроения на широкий круг пользователей. Интернет-посты таких групп часто содержат вербальную агрессию, раскрывают темы противостояния двух полов, демонстрируют негативное уничижительное отношение к представителям противоположного пола. В данной статье представлен анализ таких групп. В ходе проведенного исследования выявлено, что виртуальные группы «против мужчин», объединяющие женщин, широко распространены в социальной сети «ВКонтакте» и имеют большее количество подписчиков, в отличие от мужских групп, направленных на агрессию в отношении женщин. Подобные виртуальные сообщества в своих постах используют креолизованный текст, посредством которого осуществляют воздействие на пользователей, способное модифицировать их поведение как в сети, так и в реальной жизни. Поставлена проблема необходимости дальнейшего исследования деструктивного контента и его влияния на психику пользователей различного возраста.

Ключевые слова: гендерные аспекты; гендер; проявление агрессии в сети; агрессия; социальные сети; вербальная агрессия; интолерантные сетевые сообщества.

Давно не секрет, что современные технологии проникли во все сферы жизнедеятельности человека, трансформируют его быт и влияют на социализацию [13]. Распространение деструктивных виртуальных групп в интернет-сети, транслирующих агрессивное поведение в отношении кого-либо по половому признаку – острая проблема современности. Особенно распространены такие сообщества в социальных сетях. Большая часть из них в открытом доступе, при вступлении не требуют регистрации и подтверждения возраста.

Под виртуальной группой понимают объединение индивидов со сходными интересами, целями и обычаями, продолжительное взаимодействие которых полностью осуществляется посредством интернет-сети [11].

Одной из важных характеристик виртуальных групп, является то, что образуются они, как правило, на основе личного выбора человека. В то время как в реальные группы человек может вступать из-за территориального фактора [12]. Виртуальный мир позволяет пользователю жить иную жизнь, играть разные роли, выдавать себя совершенно за другую личность [1]. Взаимодействия в таких группах менее регламентированы чем в реальных. Например, если человек захочет прервать нежелательное общение он может просто заблокировать другого пользователя, выйти из сети и т.п.

Виртуальная коммуникация во многом отличается от общения в реальной жизни. Виртуальное взаимодействие чаще проходит посредством текстовых сообщений, в связи с чем отсутствует психологический контакт между

участниками коммуникации. Более того, невербальные компоненты (мимика, жесты и т.п.) остаются невидимыми для собеседников, вербальные характеристики (тон голоса, интонация и т.п.) также чаще всего скрыты. В связи с чем общение становится неискренним, формализованным [3]. Также посредством текстового сообщения легче скрывать свои истинные эмоции, или наоборот транслировать те эмоции, которые при реальном коммуникативном взаимодействии субъект проявить не смог бы. Например, проявлять агрессию в реальной жизни не всегда предоставляется возможным, а потребность может оставаться и нарастать. В сети это сделать проще по ряду причин: 1) в момент совершения агрессивных действий в виртуальной среде агрессор находится в безопасной зоне; 2) страница, с которой проявляется агрессия, может быть «фейковой» и не отражать реальные личные данные человека, в связи с чем снимается ответственность за свои виртуальные действия; 3) адресат деструктивного поведения обобщен; 4) подписчики совершают схожие деструктивные действия, рассеивается ответственность; 5) контент группы отражает положительное отношение к проявлению агрессии к противоположному полу и многое другое. Отсюда следует, что посредством пассивного (просмотр контента) или активного (вступление в переписку, комментирование или создание постов) поведения человек может удовлетворять ту потребность, которую по тем или иным причинам не может реализовать в реальной жизни [15], например, потому, что некоторые действия

могут перерасти в драку или правонарушение/преступление.

Чаще всего виртуальные группы/сообщества/паблики представляют собой тематические страницы, публикующие определенный информационный контент, на который можно подписаться, участвовать в комментировании и обсуждении тех или иных тем, создавать собственные посты.

Виртуальные группы в своих интернет-постах активно используют креолизованный текст, представляющий собой соединение вербального (текст) и невербального (изображение) компонентов, образующих одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое [17]. Публикуемая этими сообществами информация также часто сопровождается музыкой или видеорядом. Данный информационный материал способен оказать комплексное воздействие [7] на пользователей, активизировать ту или иную эмоцию, побудить к определенному поведению, как в сети, так и в реальной жизни. Важно отметить, что виртуальные сообщества способны оказывать влияние на формирование системы ценностей молодёжи [10], являющиеся основополагающим звеном в формировании личности.

Согласно классификации социальных сетей и сетевых сообществ по наличию в них агрессивной, насильственной и экстремистской информации, С.В. Бондаренко выделяет толерантные и интолерантные виртуальные сетевые сообщества. Под толерантными сетевыми сообществами автор понимает объединения для предоставления информации и интерактивных услуг, в которых участвующие в деятельности акторы не ставят перед собой задачи сбора и распространения информации, направленной против кого-либо. Интолерантные сообщества, напротив, пропагандируют идею противодействия какому-либо актору, в качестве которого может выступать индивид, группа и т.д. К интолерантным сообществам автор относит сообщества, содержащие компрометирующую информацию, пропагандирующие идею превосходства одних над другими. В таких интернет-сообществах, как правило, размещается информация клеветнического, ложного, враждебного характера по отношению к кому-либо [2].

Среди российских пользователей широко распространена социальная сеть «ВКонтакте» (далее ВК), ежемесячная аудитория которой на 2022 г. составляет 73,4 млн [20]. В ВК существуют интолерантные виртуальные группы, контент которых направлен на проявление агрессии к противоположному полу. Интернет-посты таких групп часто транслируют темы

противостояния двух полов, демонстрируют негативное уничижительное отношение к представителям противоположного пола. Если виртуальная группа создается в социальной сети и является публичной и открытой, то её называют – «паблик».

Примером такой виртуальной группы является паблик «Куны Не Нужны (КНН)», количество подписчиков которого составляет 48,9 тысяч человек, подавляющее большинство женщины. В данной группе содержатся ссылки на 25 сообществ, схожих по направленности контента, восемь фотоальбомов, 296 видеозаписей. Паблик ведет свою деятельность в интернет-сети с 2013 года. На него легко подписаться, регистрация не требуется. Паблик ведется очень активно, посты публикуются каждый день. Организаторы данной виртуальной группы публикуют контент, в котором откровенно обсуждают интимно-личностные отношения мужчины и женщины, все политические и экономические и иные ситуации связанные с «несправедливым», по их мнению, отношением к женщинам. Участники унижают и высмеивают мужчин, за то, что они мужчины, за их «антиморальное» поведение, проявляют агрессивное отношение к ним и т.п. В обсуждениях информационного контента подписчики и организаторы группы приписывают женщинам качества жертвы, оправдывают их поведение, и перекладывают негативные характеристики на мужчин, позиционируя их как агрессоров. Стоит отметить, что публикуемая в данной группе информация имеет феминистскую направленность, содержит в себе идею равенства полов, освобождения женщин и защиты их прав [9].

На стене паблика закреплена запись от 10 октября 2020 года, из которой следует, что данное сообщество ранее было заблокировано, в связи с чем организаторы внесли ряд правил для подписчиков. Первое правило отражает требования к тексту постов. Авторов просят «не использовать слова оскорбительного характера, оскорбления по половому, национальному и религиозному признакам и другие враждебные высказывания». Если автор не соблюдает данное правило, то «пост может быть отредактирован модерацией, либо удален». Второе правило касается комментариев участников группы. Модераторы сообщают, что при написании комментариев недопустимо использовать угрозы и оскорбления. Нельзя прикреплять ссылки и призывать к травле какого-либо человека, либо провоцировать «набеги» на паблики. Также они информируют, что будет обновлен фильтр на слова, и «если комментарий внезапно

пропадет, значит, он не подходит под правила написания комментариев в сообществе». Этот пост просмотрели 707 385 человек, прокомментировали 92 раза, поделились 194 человека, поставили лайк 649 пользователей.

Обращает на себя внимание реакция подписчиков в комментариях к данному информационному посту. Даже в данных правилах, участники группы усматривают неравенство полов и дискриминацию в отношении женщин. Например, комментарий пользователя от 11 октября 2020 года: «Удивительное дело. Мужчины кричат что в мире матриархат, но спокойно пишут пожелания смерти, угрозы и рассказы как они приманили женщину и съели (убили, изнасиловали, избили) или инструкцию по этому и куча поддержки даже от женщин. Женщинам же стоит сказать что тот или иной мужчина не хороший и сразу в бан отправляем её». Этот комментарий набрал 142 лайка. Что свидетельствует о том, что 142 пользователя солидарны с этим мнением. Ещё один комментарий, транслирующий гендерное неравенство: «Мужичьё хочет оскорблять женщин, но не хочет читать правду о себе», собрал 570 лайков. Встречаются также агрессивные комментарии, в которых пользователи высказывают своё недовольство новыми правилами группы, заявляют, что отпишутся, предъявляют претензии модераторам. Например, комментарий участника от 10 октября 2020 года: «Вк скоро пойдет * с такими правилами серьёзн. Я лучше буду сидеть в ватсапе, где мама мне православные картиночки присылает чем в сети, которая банит фем группы», набрал 631 лайк.

Также к этому посту с правилами организаторы прикрепляют ссылку, перейдя по которой пользователи могут ознакомиться с правилами платформы ВК <https://vk.com/safety?section=standards>. При переходе по данной ссылке открывается страница с информацией от Центра безопасности ВК. На ней представлено подробное описание того, как модерруется контент, какие материалы запрещены на платформе, что представляет собой разжигание вражды и ненависти, как проявляется риторика насилия и ненависти и т.п. Здесь же приведена статистика за 2020 год, с указанием заблокированных по теме разжигания ненависти и вражды. Из этой статистики следует, что за второй квартал 2020 года было заблокировано 228 500 единиц контента, 660 личных страниц, 1210 сообществ. Это свидетельствует о широкой распространенности проблемы проявления агрессивного поведения в сети.

Виртуальные группы со схожей направленностью контента, есть и в отношении женщин, но их гораздо меньше и количество подписчиков у них достаточно низкое. Например, в паблике «Мизогиник», созданном в ВК в 2012 г. транслируется агрессивное отношение к женщинам, используется обценная лексика, количество подписчиков составляет 238 человек. Публикационная активность низкая, последний пост был выложен в декабре 2012 г. Открытая группа «Против БАБ!!!» также публикует агрессивный контент в отношении женщин, в их постах ведется обсуждение интимно-личностных отношений, описываются женские недостатки, женщину считают «существом», которому не стоит доверять. В группе состоят 65 участников, выложено 430 фотографий, 18 видео и 9 аудиозаписей. Публикационная активность низкая, последний пост был в 2018 году.

Отсюда следует, что виртуальные группы, контент которых направлен на проявление негативного отношения к мужчинам и «защиту» женщин, более распространен в социальной сети ВК. Это может быть связано с тем, что женщины являются более многочисленной и активной пользовательской аудиторией. Так, по данным Mediascope в аудитории «ВКонтакте» преобладают женщины – 54,9% пользователей в возрасте от 25 до 34 лет[6].

Вступая в подобного рода виртуальное сообщество личность может реализовывать свои потребности, которые невыполнимы по различным причинам в реальной жизни. Виртуальная активность в информационном пространстве внутри группы отражает то, насколько человек разделяет те нормы, правила и ценности, которые в ней приняты.

Информационный материал, публикующийся на страницах подобных виртуальных групп, представляет большой интерес для некоторых пользователей, так как связан с проявлением такой базовой эмоции как гнев [14]. Особенно ярко проявление данной эмоции выражено в комментариях к различным постам, когда подписчики вступают в конфликтное обсуждение какой-либо острой темы. Посредством виртуального поведения в таких группах пользователь с лёгкостью проявляет вербальную агрессию посредством интернет-постов, комментариев, публикаций креолизованного текста и много другого. Под вербальной (речевой) агрессией на уровне негативных эмоций и чувств понимают малоосознанную активность, проявляющуюся в образцах и стереотипных действиях, усвоенных человеком либо

на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта [4]. Речевая агрессия позволяет выражать неприязнь к кому-либо/чему-либо, посредством враждебной манеры речи, оскорбляющей достоинство личности. По мнению Т.А. Воронцовой агрессивный тип речевого поведения способствует выражению негативного отношения к кому-либо/чему-либо и ориентированно на антидиалог, т.е. на субъектно-объектный, некооперативный тип общения с адресатом [5]. Проявляется речевая агрессия посредством вербально-агрессивных актов, таких как оскорбления, враждебные замечания, угрозы, грубые требования, порицания, обвинения, ирония [19], «наклеивание» ярлыков, унижительные характеристики объекта агрессии, негативные ассоциации, прямое оскорбление [5]. В случае рассматриваемых нами интолерантных пабликов, описываемые проявления речевой агрессии направлены на представителей противоположного пола.

Настораживающее большое количество подписчиков в таких группах и лайков под подобным контентом свидетельствует

о положительном отношении к агрессивной негативной информации пользователей по отношению к противоположному полу.

Данные виртуальные группы и их возможное влияние на пользователей сети интернет в настоящее время никем не исследуются. Экспертиза информационного материала, публикуемого в таких виртуальных группах может проводиться только в рамках юридически значимой ситуации [16] по назначению суда, следствия, адвоката и др. [8]. Экспертиза по определению возраста, допустимого к содержанию таких виртуальных групп также не проводится. Сами организаторы не закрывают доступ и не интересуются возрастом подписчиков, что может привести к негативному влиянию на психику ребёнка или подростка, на его мировоззрение, способствовать формированию деструктивного поведения как в сети так и в реальной жизни, и т.п. [18].

Таким образом, виртуальная среда содержит в себе латентную проблему, на которую стоит обратить внимание психологам любой сферы деятельности.

Список литературы:

1. Белинская, Е.П. К проблеме групповой динамики сетевого сообщества / Е.П. Белинская // Вторая Российская конференция по экологической психологии: тезисы. 2000. – С. 249-251.
2. Бондаренко, С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ / С.В. Бондаренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. – 320 с.
3. Васенина, И.В. Речевая агрессия в социальных сетях интернета / И.В. Васенина // Образование и право. – 2018. – № 2. – С. 170-177.
4. Внебрачных, Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р.А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2012. № 1. – С. 36-39.
5. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия в публичной коммуникации / Т.А. Воронцова // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – Москва: Изд-во МГУ, 2004.
6. Гаитбаева, С. Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году: изучаем инсайты [Электронный ресурс] / С. Гаитбаева // PPC.WORLD. – URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya> (дата обращения: 01.06.2022).
7. Енгальчев, В.Ф. Об особенностях применения метода контет-анализа в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности / В.Ф. Енгальчев, И.Г. Моисеева, А.В. Моисеев // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 3. – С. 39-45.
8. Енгальчев, В.Ф. Судебная психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессах: вопросы теории и практики / В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. – Москва: Московского социально-психологического университета, 2015. – 456 с.
9. Клименкова, Т.А. Феминизм / Т.А. Клименкова // Современная западная философия: Словарь / сост.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. – Москва: Политиздат, 1991. – 414 с.
10. Краснощеченко, И.П. Жизненные ценности и приоритеты студенческой молодёжи регионального вуза / И.П. Краснощеченко // Социализация в глобальном мире: вызовы современности: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Калуга, 20-21 мая 2021 года. – Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2021. – С. 118-123.
11. Курбатов, В.И. Ракурсы социологического исследования сетевых сообществ Интернета / В.И. Курбатов, Л.Ш. Крупеникова // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 19. – № 3. – С. 50-58.

12. Михайлова, И.В. Психологические особенности участников виртуальной группы / И.В. Михайлова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – №8. – С. 62-65.
13. Нежебицкая, И.А. Влияние виртуальной реальности на подростков / И.А. Нежебицкая // Молодой ученый. – 2017. – № 51(185). – С. 259-262.
14. Петровский, А.В. Общая психология / А.В. Петровский. – Москва, 1977. – 480 с.
15. Пылаев, А.А. Восприятие виртуального сообщества в качестве группового субъекта его членами / А.А. Пылаев // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 5. – С. 135-140.
16. Секераж, Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности / Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – № 14(1). – С. 35-43.
17. Сорокин, Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. Коллективная монография. – Москва, 1990. – С. 180-186.
18. Стародубцева, Г.А. Влияние негативной информации на развитие психики ребёнка / Г.А. Стародубцева. – Иркутск: ИПКРО, 2014. – 39 с.
19. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – Москва: КомКнига, 2006. – 360 с.
20. «ВКонтакте» подвела итоги I квартала 2022 года [Электронный ресурс] // CNews. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-04-28_vkkontakte_podvela_itogi (дата обращения: 01.06.2022).

I.S. Sedenkova

GENDER ASPECTS OF AGGRESSION IN SOCIAL NETWORK

Abstract: On the Internet, there are intolerant virtual groups /communities / publics united by hatred of the opposite sex, actively broadcasting destructive moods to a wide range of users. Internet posts of such groups often contain verbal aggression, reveal the themes of confrontation between two sexes, and demonstrate a negative derogatory attitude towards representatives of the opposite sex. In this article, a brief analysis of such groups is given. It was revealed that virtual groups "against men" uniting women are widespread in the social network VKontakte and have a larger number of subscribers, unlike groups for men aimed at aggression against women. These virtual communities use the creolized text in their posts, through which they influence users that can modify their behavior both online and in real life. The problem of the need to investigate this destructive content and its impact on the psyche of users of different ages is posed.

Key words: gender aspects; gender; manifestation of aggression in network; aggression; social networks; verbal aggression; intolerant network communities.

References:

1. Belinskaya E.P. К проблеме групповой динамики сетевого сообщество // Vtoraya Rossiiskaya konferentsiya po ekologicheskoi psikhologii: tezisy. 2000. P. 249-251.
2. Bondarenko S.V. Sotsialnaya struktura virtualnykh setevykh soobshchestv / S.V. Bondarenko, Rostov-na-Donu: PH Rostov university, 2004. 320 p.
3. Vasenina I.V. Rechevaya agressiya v sotsialnykh setyakh interneta // Obrazovaniye i pravo. 2018. № 2. P. 170-177.
4. Vnebrachnykh R.A. Trolling kak forma sotsialnoi agressii v virtualnykh soobshchestvakh // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2012. № 1.
5. Vorontsova T.A. Rechevaya agressiya v publichnoi kommunikatsii // II Mezhdunarodny kongress issledovatelei russkogo yazyka. Russky yazyk: istoricheskiye sudby i sovremennost. Trudy i materialy. M.: PH MSU. 2004.
6. Gaitbaeva S. Auditoriya shesti krupneishikh sotssetei v Rossii v 2020 godu: izuchayem insaity // PPS.WORLD [Electronic resource]. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya> (Application date: 01.06.2022).
7. Engalychev, V.F., Moiseeva I.G., Moiseev A.V. Ob osobennostyakh primeneniya metoda kontet-analiza v sudebno-psikhologicheskoi ekspertize razlichnoi predmetnoi napravlenosti // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2015. № 3. P. 39-45.

8. Engalychev, V.F., Shipshin, S.S. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom i grazhdanskom protsessakh: voprosy teorii i praktiki / V.F. Engalychev, S.S. Shipshin. M: Moskovskogo sotsialno-psikhologicheskogo universiteta, 2015. 456 p.
9. Klimenkova T.A. Feminizm // Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar / Coll.: Malakhov V.S., Filatov V.P.M. / T.A. Klimenkova, Politizdat, 1991. 414 p.
10. Krasnoshchechenko I.P. Zhiznennye tsennosti i priority studencheskoi molodezhi regionalnogo vuza // Sotsializatsiya v globalnom mire: vyzovy sovremennosti: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kaluga, 20-21 May 2021. – Kaluga: PH Kaluga State university named after K.E. Tsiolkovsky, 2021. 2021. P. 118-123.
11. Kurbatov V.I. Rakursy sotsiologicheskogo issledovaniya setevykh soobshchestv Interneta // Gumanitary Yuga Rossii. 2016. № 19 (3). P. 50-58.
12. Mikhailova I.V. Psikhologicheskiye osobennosti uchastnikov virtualnoi gruppy // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2019. (8). P. 62-65.
13. Nezhebitskaya I.A. Vliyanie virtualnoi realnosti na podrostkov // Molodoi ucheny. 2017. № 51 (185). P. 259-262.
14. Petrovsky A.V. Obshchaya psikhologiya / A.V. Petrovsky, M: 1977. 480 p.
15. Pylaev A.A. Vospriyatiye virtualnogo soobshchestva v kachestve gruppovogo subyekta ego chlenami // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2020. № 5. P. 135-140.
16. Sekerazh T.N. Psikhologicheskoye issledovaniye informatsionnykh materialov: stanovleniye novogo vida sudebnoi psikhologicheskoi ekspertizy i novoi ekspertnoi spetsialnosti // Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. 2019. № 14(1). P. 35-43.
17. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. 1990. P. 180-186.
18. Starodubtseva G.A. Vliyaniye negativnoi informatsii na razvitiye psikhiki rebyonka / G.A. Starodubtseva, Irkutsk: IPKRO, 2014. 39 p.
19. Shcherbinina Yu.V. Verbalnaya agressiya / Yu.V. Shcherbinina. M: KomKniga, 2006. 360 p.
20. «Vkontakte» podvela itogi I kvartala 2022 goda [Electronic resource] // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-04-28_vkontakte_podvela_itogi (Application date: 01.06.2022).

Статья поступила в редакцию 05.05.2022

Ю.Е. Соломатина, Ю.Н. Гут
**ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА
И КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ
У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ВИКТИМНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Аннотация: В данной статье представлено исследование особенностей проблемного использования Интернета подростков с разным уровнем виктимной идентичности. В рамках проведения исследования были использованы психодиагностические методики (Тест виктимной идентичности О.О. Андронниковой; Общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS3) А.А. Герасимовой, А.Б. Холмогоровой; Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот); методы количественной и качественной обработки информации (критерии Колмогорова-Смирнова и Крускала-Уоллиса, использование элементов описательной статистики).

Подчеркивается важность рассмотрения проявления виктимной идентичности личности в подростковом возрасте как следствия негативного проживания кризиса в контексте проявления у детей компьютерной зависимости и проблемного использования Интернета на фоне активной цифровизации среды.

В результате проведенного исследования подтверждена гипотеза о существовании различий в выраженности показателей проблемного поведения в Интернете и компьютерной зависимости у подростков с разным уровнем виктимной идентичности, а именно: для подростков с высоким уровнем виктимной идентичности характерны высокие значения признаков когнитивной поглощенности, компульсивного использования виртуального пространства, негативных последствий использования Интернета; для подростков с высоким уровнем виктимной идентичности типично увеличение риска проявления компьютерной зависимости.

Ключевые слова: проблемное использование интернета; виктимная идентичность; компьютерная зависимость; интернет-зависимость.

Введение. Важность рассмотрения проблемы функционирования современного человека в виртуальной реальности обусловлена актуализацией поведенческих нарушений, феномены которых описываются исследователями в рамках феномена интернет зависимости и проблемного использования Интернета. Доступность использования всемирной сети определяет фокусировку внимания на подростковый период онтогенеза человека, основной задачей которого выступают интимно-личностные отношения в рамках социального окружения.

Проблема исследования состоит в определении особенностей проблемного использования Интернета подростков с разным уровнем виктимной идентичности.

При планировании модели исследования было предположено, что у подростков с разным уровнем виктимной идентичности существуют различия в выраженности показателей проблемного поведения в Интернете и компьютерной зависимости.

Данное предположение было обусловлено рядом теоретических обоснований.

Обзор литературы. Подростковый возраст является периодом формирования ряда новообразований, при этом активное психо-

физиологическое развитие и перестройка социального взаимодействия являются предикторами повышенной эмоциональности и чувствительности, откуда могут наблюдаться сложности контроля собственного поведения. И.А. Андреева и С.А. Анохина уточняют, что данный период можно обозначить как кризис идентичности, зависимости субъективного образа «Я» от референтной группы [1]. А.А. Коновалов, Е.Д. Божкова актуализируют данные о существовании связи увеличения использования современных технологий и проблемами психического здоровья у детей и подростков [13]. П.А. Понизовский с соавторами уточняет, что для лиц, у которых проявляется склонность к интернет-зависимости характерно наличие ряда признаков, которые в подростковом возрасте могут обусловить негативное проживание кризисного периода: присутствие тревоги, депрессии, эмоциональная лабильность, социальная пассивность, наличие негативной коммуникативной установки и склонность к неконформизму [11]. Данные положения свидетельствуют о важности рассмотрения выраженности виктимной идентичности как феномена, наблюдаемый у лиц со слабой личностной идентичностью, и исследования проблемного поведения в Интернете

и компьютерной зависимости подростков вследствие наблюдаемого в современном обществе феномена цифровизации.

О.О. Андронникова раскрывает значение понятия виктимной идентичности через обращение к феномену виктимности, который понимается автором как комплекс свойств, содействующий дезадаптивному стилю реагирования и имеющий негативное воздействие на эмоционально-психическое и физическое здоровье, проявление данных качеств зависит от сочетания условий социального, психологического и биофизического уровней функционирования человека. Предложенное определение позволяет отразить сущность феномена виктимной идентичности как сложное образование, виктимное содержание которого характеризуется присутствием ядерных и околядерных образований, которые выражаются на эмоционально-волевом (эмоциональные реакции) и поведенческом уровнях (поведенческие паттерны и привычные способы реагирования). Автор уточняет, что виктимная идентичность проявляется у лиц со слабой идентичностью [3].

О.О. Андронникова предполагает, что рассматриваемое образование может стать предиктором формирования комплексов созависимости и зависимости [2]. Автор выделяет следующие психологические особенности личности со слабой (виктимной) идентичностью: сложность реализации социальных ролей, несформированность временной парадигмы, склонность к аутодеструктивному поведению, непредсказуемость поведенческих реакций, возможность реализации сценария созависимых отношений [3].

О.Н. Афанасьева, Е.А. Шаламова обозначают компьютерную зависимость как предпочтение занятий, связанных с использованием компьютера, подчеркивает редукцию остальных видов деятельности. Авторы выделяют следующие виды компьютерной зависимости: веб-серфинг – посещение множества сайтов в сети Интернет; предпочтение виртуальных знакомств реальным; игровая зависимость проявляется в приобщении к онлайн-играм; финансовая потребность, характеризующаяся навязчивостью – азартные игры, онлайн-шопинг; стремление к просмотру фильмов через Интернет; увлечение направлением «киберсекс» [4]. Рассмотрение данного понятия в источниках пересекается с использованием понятия интернет-зависимости, которую Christakis D. A обозначил как «эпидемию XXI века» [18].

Обращение к феномену интернет-зависимости приводит к необходимости рассмотрения ряда аспектов вследствие рассмотрения

поведенческих нарушений, связанных с технологической зависимостью, с помощью дефиниций «интернет-расстройства», «аддиктивные интернет-расстройства», «патологическое использование интернета» и др., что вызвано актуальными методологическими вопросами основных симптомов интернет-зависимости [12]. А.Е. Войскунский, выделяет следующие поведенческие характеристики феномена: нежелание переключаться на деятельность, не связанную с использованием Интернета; переживание негативных эмоций при прекращении работы в виртуальном пространстве, появление навязчивых мыслей о возвращении в сеть; неспособность контроля времени, проводимого в Интернет-пространстве; увеличение затрат для обеспечения деятельности в Интернете; нивелирование деятельности реальной жизни; ощущение приятных эмоций во время нахождения в Интернете; пренебрежение физическим состоянием, избегание спортивной активности, пренебрежение физиологическими потребностями [7].

Описание неоднозначности ситуации взаимодействия Интернет-пространства и человека через термин «зависимость» признается стигматизирующим как отечественными, так и зарубежными специалистами [8; 9; 20], откуда предлагается использование понятия «проблемное использование Интернета», в рамках которого делается акцент на механизмах негативных последствий использования Интернет-сети и предотвращения рассмотрения наличия цифровой среды как причины зависимости. А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова уточняют главную тенденцию рассмотрения проблемного использования Интернета – отнесение феномена к сфере поведенческих нарушений, авторы подчеркивают также значимость влияния возможной и осуществляемой активности в виртуальной среде на характер взаимодействия и отношения к Интернет-пространству [8]. К.Ю. Ерицян, Н.А. Антонова подчеркивают широту понимания рассматриваемого феномена в научном мире, уточняя тенденцию рассматривать проблемное использование Интернета как цельный феномен вне зависимости от форм проявления, авторы на основе аналитической работы с источниками выделяют следующие признаки проявления проблемного использования Интернета: работа за компьютером сочетается с обсессивным пристрастием к этой форме деятельности; навигация в виртуальном пространстве носит компульсивный характер; наблюдается стремление к использованию опосредованных Интернетом программ (онлайн покупки, азартные игры и др.); чрезмерный интерес к материалам

направления «киберсекс» (просмотр порнографии); преобладание и предпочтение коммуникации в виртуальном пространстве [10]. Поведенческие отклонения в сфере коммуникации могут выражаться в феномене кибербуллинга как систематического прямого или косвенного агрессивного поведения в виртуальном пространстве, данное явление в подростковом возрасте может иметь характер компенсации реального общения, экспериментирования с различными социальными ролями и «Я» [6].

Sharma M.K., Palanichamy T.S в рамках определения вариантов психотерапевтической помощи уточняют существование многочисленных преимуществ использования виртуального пространства и позитивного влияния Интернета на жизнь человека, откуда предлагают придерживаться стратегии «умеренного и контролируемого использования» [21]. Согласно Romano M., Osborne L.A. и др., умеренное использование возможностей цифрового пространства обуславливает более успешную социальную реализацию и обеспечивает ощущение субъективного благополучия [19].

В.Р. Орестова, О.С. Филиппова в своём исследовании выявили следующие различия психологических характеристик людей с адаптивным и проблемным использованием Интернета: для лиц с проблемным использованием Интернета характерна меньшая выраженность открытости к получению нового опыта, осознанности, стрессоустойчивости, использование Интернета в данном случае является средством регуляции своего состояния, повышения жизнестойкости и психологического благополучия, при этом демонстрируют оторванность от реального мира; лица с адаптивным использованием ресурсов Интернета демонстрируют большую выраженность жизнестойкости и осознанности, безоценочности по отношению к полученному опыту, что способствует формированию специфических личностных свойств, связанных с самоконтролем использования виртуального пространства [15].

Т.С. Спиркиной в исследовании динамики Интернет-зависимости на основе анализа субъективных переживаний респондентов, признает в качестве одного из ключевых факторов снижения Интернет-зависимости во времени включение в активную деятельность в реальной жизни [16].

Обобщая вышесказанное, виктимная идентичность личности характеризуется виктимным содержанием, признаки виктимной идентичности проявляются на эмоционально-волевом и поведенческом уровне:

непредсказуемость эмоциональных реакций, нереализованность социальных ролей, наличие негативных предубеждений относительно общения в реальном мире, склонность к нонконформизму. Авторы рассматривают феномены компьютерной и Интернет-зависимости как связанные явления: определение компьютерной зависимости подчеркивает навязчивое использование возможностей компьютера, в первую очередь, Интернета, нивелируя тем самым остальные виды деятельности. Актуальным направлением научных интересов исследователей является разработка методологических оснований рассматриваемых феноменов; авторы говорят о стигматизирующем значении понятия «зависимость» предлагая в качестве альтернативного решения использования понятия «проблемное использование Интернета», тем самым перенося акцент рассмотрения феномена на проблемное содержание. Рассмотрение предлагаемого феномена раскрывает неоднозначность взаимодействия систем «человек» – «виртуальное пространство», тем самым в качестве общей стратегии поведения в конфликте выступает умеренное и контролируемое использование сети, включение в активную деятельность реального мира. Реализация негативного сценария становления идентичности личности в подростковом возрасте может проявляться в проявлении виктимной идентичности ребёнка и реализации стремления ухода от реальности с помощью аддиктивного поведения, на данный момент активная цифровизация среды может стать предиктором проявления компьютерной зависимости и проблемного использования Интернета.

Методы исследования. В рамках проведения эмпирического исследования был применен комплекс методов: организационные (сравнительный), эмпирические методы осуществлялись посредством применения психодиагностических методик; были использованы методы количественной и качественной обработки информации (статистический анализ характеризуется применением критериев Колмогорова-Смирнова и Крускала-Уоллиса, использованием элементов описательной статистики); исследование структуры рассматриваемого феномена определило использование структурного подхода в рамках интерпретационных методов.

Осуществление исследования определялось использованием ряда психодиагностических методик:

1. Тест виктимной идентичности (О.О. Андронникова).

2. Общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS3) (А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова).

3. Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости (Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот).

Для определения особенностей проблемного использования Интернета подростков с разным уровнем виктимной идентичности было проведено исследование, в котором участвовали 59 учащихся 8 и 9 классов общеобразовательной школы г. Крымска Краснодарского края.

Результаты и дискуссия. Исследование полученных данных помощью элементов описательной статистики позволило выявить преобладание в данной выборке учащихся со средним уровнем виктимной идентичности (67,8%), что свидетельствует о присутствии некоторых признаков оптимальной идентичности: самоуважение, признание важности собственной социальной роли, осознание степени ответственности за происходящее, ориентация во временной перспективе, самоуважение в случае присутствия способности к саморефлексии.

Анализ распределения учащихся по признакам проблемного использования Интернета позволил выявить преобладание подростков с низким (50,5%) и со средним (33,9%) уровнями предпочтения общения в режиме онлайн; для 40,7% учащихся в средней степени характерно использование Интернета с целью улучшения эмоционального состояния, для 28,8% подростков типична сильная мотивация использования Интернета для регуляции эмоционального состояния; неконтролируемые обсессивные мысленные возвращения в онлайн пространство в средней степени характерно для 3,4% обучающихся, в сильной степени данный феномен когнитивной поглощенности типичен для 39%

подростков; сильная выраженность компульсивного компонента использования Интернета наблюдалась у 11,9% учащихся, в средней степени этот феномен проявляется у 39% людей; отрицательное воздействие Интернета на реальную жизнь было выявлено у 8,9% подростков, признание средней степени негативных последствий использования виртуального пространства отметили 27,1% респондентов.

Использование психодиагностической методики «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости» Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Больбот позволило выявить стадию увлеченностью компьютером у 45,8% подростков; 33,9% учащихся находятся в зоне риска развития компьютерной зависимости [17].

Обобщая приведенные данные, можно заключить о преобладании недостаточной сформированности личностной идентичности учащихся, что может быть обусловлено прохождением кризисного подросткового периода; присутствии признаков проблемного использования Интернета (подросткам в большей степени характерно использование Интернета с целью регуляции эмоционального состояния, компульсивность обращения к компьютеру, и предпочтения онлайн-коммуникации); выявлении преобладания учащихся со стадией увлеченностью компьютером и риском возникновения компьютерной зависимости.

С целью изучения проблемного использования Интернета и компьютерной зависимости у подростков с разным уровнем виктимной идентичности был применен критерий Крускала-Уоллиса вследствие выявления ряда признаков с ненормальным распределением в результате использования метода Колмогорова-Смирнова. Результаты применения критерия Крускала-Уоллиса отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Определение статистических различий показателей проблемного использования Интернета и компьютерной зависимости у подростков с разным уровнем виктимной идентичности

Показатели проблемного использования интернета и компьютерной зависимости подростков	Уровень виктимной идентичности			Н _{эмп}
	Низкий	Средний	Высокий	
Когнитивная поглощенность	8,1	7,5	15,0	4,743*
Уровень когнитивной поглощенности	1,5	1,4	2,5	4,949*
Компульсивное использование	7,8	8,2	18,5	5,034*
Уровень компульсивного использования	1,5	1,6	3,0	5,875*
Уровень негативных последствий	1,3	1,5	2,5	5,014*
Компьютерная зависимость	18,2	20,8	28,0	7,221**
Уровень компьютерной зависимости	1,8	2,2	3,0	6,900**

Примечание: p≤0,1*, p≤0,05**, p≤0,01***

Исследование проблемного использования Интернета и компьютерной зависимости у подростков с разным уровнем виктимной

идентичности позволило обнаружить различия на уровне статистической тенденции (p≤0,1) по показателям «Когнитивная поглощенность»

(Нэмп=4,743, $p \leq 0,1$), «Уровень когнитивной поглощенности» (Нэмп=4,949, $p \leq 0,1$), «Компульсивное использование» (Нэмп=5,034, $p \leq 0,1$), «Уровень комппульсивного использования» (Нэмп=5,875, $p \leq 0,1$), «Уровень негативных последствий» (Нэмп=5,014, $p \leq 0,1$); были обнаружены различия на лосроверном уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) по показателям «Компьютерная зависимость» (Нэмп=7,221, $p \leq 0,05$), «Уровень компьютерной зависимости» (Нэмп=6,900, $p \leq 0,05$).

Как отражено в таблице 1, для учащихся со средним уровнем виктимной идентичности характерно снижение обсессивных мысленных возвращений в онлайн-пространство, по сравнению со значениями респондентов с низким уровнем виктимной идентичности. По мнению В.М. Блейхер появление навязчивых мыслей оставляет сознание незамутненным, не отражаются на интеллектуальном уровне и критичности человека, основываясь на данном тезисе, полученная закономерность может быть объяснена большей критичностью и возможностью рефлексии подростков с низким уровнем виктимной идентичности [5]. Самые большие значения обсессивного компонента у лиц с высоким уровнем виктимной идентичностью объясняются характерной склонностью к зависимостям данной категории людей, их сложностей в области социального взаимодействия.

Анализ таблицы позволяет также выявить увеличение выраженности комппульсивности использования Интернета у лиц с более высоким уровнем виктимной идентичности, что также обуславливается тенденцией людей данной категории избегать реального мира с помощью аддиктивного поведения, неудовлетворенности социальным положением, восприятия негативно окружающего мира.

Аналогичным образом у подростков с более высоким уровнем виктимной идентичности наблюдается увеличение негативного влияния Интернета на повседневную жизнь. Полученные данные могут свидетельствовать о неудовлетворенности данной категории лиц повседневной жизнью, негативное восприятие окружающего у данной категории лиц может экстраполироваться и на виртуальное пространство.

Увеличение риска возникновения компьютерной зависимости, как отражено в таблице, также типично для обучающихся с высоким уровнем виктимной идентичности вследствие использования паттерна ухода от реальности посредством изменения психического состояния путём фиксации на какой-либо деятельности, что соответствует определению зависимости,

предложенное Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой [14], данная тенденция также отражена в исследованиях О.О. Андронниковой [2].

Заключение. На основе анализа литературных источников следует отметить значимость рассмотрения подросткового возраста как проживания кризиса идентичности, несформированность данного новообразования может означать проявление феномена виктимной идентичности. Виктимная идентичность понимается авторами как сложное образование виктимного содержания, проявляющееся на эмоционально-волевом (эмоциональные реакции) и поведенческом уровнях (поведенческие паттерны и привычные способы реагирования), людей с высоким уровнем виктимной идентичности характеризуется сложностью восприятия временной перспективы, реализации социальных ролей, склонностью к зависимому поведению и созависимости, негативными установками в коммуникативной сфере. Компьютерная зависимость и Интернет-зависимость может рассматриваться в подходе проблемного содержания, через введение понятия «проблемное использование Интернета», в качестве признаков которого авторы выделяют обсессивные мысли об использовании компьютера, комппульсивность использования Интернета, когнитивную поглощенность, предпочтение коммуникации в режиме онлайн. Данные теоретические положения обуславливают важность рассмотрения проявления виктимной идентичности личности в подростковом возрасте в контексте проявления у детей компьютерной зависимости проблемного использования Интернета на фоне активной цифровизации среды.

Обобщая полученные в результате проведения исследования данные, следует отметить преобладание подростков, демонстрирующих признаки недостаточной сформированности личностной идентичности, что выражается в проявлении показателей виктимной идентичности личности; среди показателей проблемного использования Интернета подросткам в большей степени характерно использование Интернета с целью регуляции эмоционального состояния, предпочтения общения в виртуальном пространстве, комппульсивность использования возможностей компьютера; следует отметить преобладание подростков со стадиями «увлеченность компьютером» и «риск возникновения компьютерной зависимости».

Была подтверждена гипотеза о существовании различий в выраженности показателей проблемного поведения в Интернете и компьютерной зависимости у подростков с разным

уровнем виктимной идентичности, а именно: для подростков с высоким уровнем виктимной идентичности характерны высокие значения признаков когнитивной поглощенности, импульсивного использования виртуального пространства, негативных последствий использования Интернета; для подростков с высоким уровнем виктимной идентичности типично

увеличение риска проявления компьютерной зависимости. Следует отметить выявление у подростков с низким уровнем виктимной идентичности присутствие obsessивных мыслей о возможности использования компьютера, данный факт был объяснен большей критичностью респондентов данной категории.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-29-14177 мк.

Список литературы:

1. Андреева И.А., Анохина С.А. Стресс в подростковом возрасте / И.А. Андреева, С.А. Анохина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №4. – С. 374-380.
2. Андронникова, О.О. Виктимная идентичность личности созависимого типа / О.О. Андронникова // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – №2. – С. 92-97.
3. Андронникова, О.О. Онтогенетическая концепция виктимности личности: Дисс. ... д-р психол. наук: 19.00.13 / О.О. Андронникова. – Новосибирск, 2018. – 566 с.
4. Афанасьев, О.Н. Компьютерная зависимость / О.Н. Афанасьев, Е.А. Шаламова // Медицинская сестра. – 2015. – №2. – С. 40-43.
5. Блейхер, В.М. Расстройства мышления / В.М. Блейхер. – Киев: Здоровье, 1983. – 192 с.
6. Бочавер, А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177-191.
7. Войскунский, А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 90-100.
8. Герасимова, А.А. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника / А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 56-79.
9. Гут, Ю.Н. Проблема влияния современных образовательных технологий на развитие когнитивных функций и личностных особенностей школьников / Ю.Н. Гут // Юность и знания – гарантия успеха – 2020: сборник научных трудов 7-й Международной молодежной научной конференции: в 3 томах, Курск, 17-18 сентября 2020 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 299-301.
10. Ерицян, К.Ю. Проблемное использование Интернета в контексте интернет-коммуникации / К.Ю. Ерицян, Н.А. Антонова, Н.М. Марудова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2013. – №2. – С. 15-22.
11. Кибитов, А.О. Индивидуально-психологические характеристики мужчин и женщин с интернет-зависимостью / А.О. Кибитов, П.А. Понизовский, Е.П. Скурат, А.В. Трусова, А.Б. Шмуклер, // Социальная и клиническая психиатрия. – 2021. – №2. – С. 33-43.
12. Колесников, В.Н. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте / В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова // Национальный психологический журнал. – 2019. – №1(33). – С 34-46.
13. Коновалов, А.А. Влияние современной цифровой среды на психическое здоровье / А.А. Коновалов, Е.Д. Божкова // Медицинский альманах. – 2021. – №1 (66). – С. 6-15.
14. Короленко, Ц.П. Психодинамические механизмы аддикций: Монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Т.А. Шпикс. – Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG Heinrich-Böcking-Str. 6-8. 66121., 2011. – 188 с.
15. Орестова, В.Р. Различия психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети интернет / В.Р. Орестова, О.С. Филиппова // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2022. – №1. – С 119-133.
16. Спиркина, Т.С. Исследование динамики Интернет-зависимости / Т.С. Спиркина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – №311. – С. 159-162.
17. Юрьева, Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография / Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Большот. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.

18. Christakis, D.A. Internet addiction: a 21st century epidemic? / D.A. Christakis // BMC Medicine. – 2011. – 8:61. – URL: <https://doi.org/10.1186/1741-7015-8-61>.
19. Romano, M. Differential psychological impact of Internet exposure on Internet addicts / M. Romano, L.A. Osborne, R. Truzoli, P. Reed // PLoS One. – 2013. – 8(2):e55162. – URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0055162>.
20. Ryding, F.C. «Internet addiction»: a conceptual minefield / F.C. Ryding, L.K. Kaye // Int J Ment Health Addict. – 2018. – 16(1):225-232. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-017-9811-6>.
21. Sharma, M.K. Psychosocial interventions for technological addictions / M.K. Sharma, T.S. Palanichamy // Indian J Psychiatry. – 2018. – 60(Suppl 4): S541-S545.

Yu.E. Solomatina, Yu.N. Gut

**FEATURES OF PROBLEM USE OF INTERNET AND COMPUTER DEPENDENCE
AMONG ADOLESCENTS WITH DIFFERENT LEVEL OF VICTIM IDENTITY**

Abstract: This article presents a study of the features of the problematic use of the Internet by adolescents with different levels of victim identity. As part of the study, psychodiagnostic methods were used (Test of victim identity by O.O. Andronnikova; General scale of problematic use of the Internet-3 (GPIUS3) by A.A. Gerasimova, A.B. Kholmogorova; Screening diagnostics of computer addiction by L.N. Yurieva, T.Yu. Bolbot); methods of quantitative and qualitative information processing (Kolmogorov-Smirnov and Kruskal-Wallis criteria, use of elements of descriptive statistics).

The importance of considering the manifestation of victim identity in adolescence as a consequence of the negative experience of the crisis in the context of the manifestation of computer addiction among children and problematic use of the Internet against the background of active digitalization of the environment is emphasized.

As a result of the study, the hypothesis has been confirmed that there are differences in the severity of indicators of problematic behaviour on the Internet and computer addiction in adolescents with different levels of victim identity, namely: adolescents with a high level of victim identity are characterized by high values of signs of cognitive absorption, compulsive use of virtual space, negative consequences of using the Internet; adolescents with a high level of victim identity typically have an increased risk of computer addiction.

Key words: problematic use of Internet; victim identity; computer addiction; Internet addiction.

References:

1. Andreeva I.A., Anokhina S.A. Stress v podrostkovom vozraste // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2006. № 4. P. 374-380.
2. Andronnikova, O.O. Viktimnaya identichnost lichnosti sozavisimogo tipa // Sibirsky pedagogichesky zhurnal. 2017. № 2. 3.92-97.
3. Andronnikova, O.O. Ontogeneticheskaya kontseptsiya viktimnosti lichnosti: dis. ... D-r Psychol. Sc. Novosibirsk, 2018. 566 p.
4. Afanasev O.N., Shalamova E.A. Kompyuternaya zavisimost // Meditsinskaya sestra – 2015. № 2. P. 40-43.
5. Bleikher V.M. Rasstroistva myshleniya. – Kiev: Zdorovye, 1983. 192 p.
6. Bochaver A.A., Khlovov K.D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnology // Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki, 2014 vol. 11. № 3. P. 177-191.
7. Voiskunsky A.E. Aktualnye problemy zavisimosti ot Interneta // Psikhologichesky zhurnal. 2004. № 1. P. 90-100.
8. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. Obshchaya shkala problemnogo ispolzovaniya interneta: aprobatziya i validizatsiya v rossiiskoi vyborke tretyei versii oprosnika // Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2018. V. 26. № 3. P. 56-79.
9. Gut, Yu.N. Problema vliyaniya sovremennykh obrazovatelnykh tekhnology na razvitiye kognitivnykh funktsy i lichnostnykh osobennostei shkolnikov // Yunost i znaniya – garantiya uspekha – 2020: sbornik nauchnykh trudov 7-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii: v 3 tomakh, Kursk, 17-18 September 2020. Kursk: Yugo-Zapadny gosudarstvenny universitet, 2020. P. 299-301.

10. Eritsyanyan K.Yu., Antonova N.A., Marudova N.M. Problemnoye ispolzovaniye Interneta v kontekste internet-kommunikatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya, 2013. № 2. P. 15-22.
11. Kibitov A.O. Individualno-psikhologicheskiye kharakteristiki muzhchin i zhenshchin s internet-zavisimostyu / Kibitov A.O., Ponizovsky P.A., Skurat E.P., Trusova A.V., Shmukler A.B. // Sotsialnaya i klinicheskaya psikhiatriya, 2021. № 2. P. 33-43
12. Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. Internet-aktivnost i problemnoye ispolzovaniye interneta v yunosheskom vozraste // Natsionalny psikhologichesky zhurnal. 2019. № 1 (33). P. 34-46.
13. Konovalov A.A., Bozhkova E.D. Vliyaniye sovremennoi tsifrovoi sredy na psikhicheskoye zdorovye // Meditsinsky almanakh – Medical Almanac, 2021. № 1 (66). P. 6-15.
14. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V., Shpiks T.A. Psikhodinamicheskiye mekhanizmy addiktsii: Monografiya. PH: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG Heinrich-Bocking-Str. 6-8. 66121 Saarbrucken, Germany, 2011. – 188 p.
15. Orestova V.R., Filippova O.S. Razlichiya psikhologicheskikh kharakteristik lyudei s problemnym i adaptivnym ispolzovaniyem seti internet // Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye», 2022. № 1. P. 119-133.
16. Spirikina T.S. Issledovaniye dinamiki Internet-zavisimosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. № 311. P. 159-162.
17. Yureva L.N., Bolbot T.Yu. Kompyuternaya zavisimost: formirovaniye, diagnostika, korrektsiya i profilaktika: Monografiya. – Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. – 196 p.
18. Christakis D.A. Internet addiction: a 21st century epidemic? BMC Medicine 2011; 8: 61, <https://doi.org/10.1186/1741-7015-8-61>.
19. Romano M., Osborne L. A., Truzoli R., Reed P. Differential psychological impact of Internet exposure on Internet addicts. PLoS One 2013; 8(2): e55162, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0055162>.
20. Ryding F.C., Kaye L.K. «Internet addiction»: a conceptual minefield. Int J Ment Health Addict 2018; 16(1): 225-232, <https://doi.org/10.1007/s11469-017-9811-6>.
21. Sharma M.K., Palanichamy T.S. Psychosocial interventions for technological addictions. Indian J Psychiatry 2018; 60(Suppl 4): pp. 541-545.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Дмитрий Анатольевич – студент 3 курса направления подготовки «Юриспруденция». РГСУ филиал в г. Минске. Минск, Республика Беларусь. E-mail: Ddima93080@gmail.com.

Авдейчик Анастасия Алексеевна – аспирант Института медико-биологических проблем РАН, Москва, Россия. E-mail: NastAnd@yandex.ru.

Алексеева Любовь Васильевна – доктор психологических наук, доцент, экс-заведующая кафедрой клинической и юридической психологии Тюменского государственного университета, свободный исследователь. Тюмень, Россия. E-mail: alex-lubov2008@yandex.ru.

Ахмедшин Рамиль Линарович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Томского государственного университета. Томск, Россия. E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru.

Ахмедшина Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического факультета Томского университета систем управления и радио электроники. Томск, Россия. E-mail: dana74@mail.ru.

Бегунова Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории научных основ детской практической психологии Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИРАО»). Москва, Россия. E-mail: lab6510@list.ru.

Белодед Диана Роландовна – судебный эксперт-психолог, аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». Калуга, Россия. E-mail: dr_beloded@mail.ru.

Бочарова Ольга Станиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса. РГСУ филиал в г. Минске. Член-корр. МНОО «МАИТ», судебный эксперт-криминалист. Минск, Республика Беларусь. E-mail: nihil13@mail.ru.

Гут Юлия Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Психологический институт Российской академии образования, ведущий научный сотрудник лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии. Белгород – Москва, Россия. E-mail: gut@bsu.edu.ru.

Егиазарян Ани Артуровна – ассистент кафедры медицинской психологии Ереванского государственного медицинского университета им. М. Гераци. Ереван, Армения. E-mail: anipsy@gmail.com.

Енгальчев Вали Фатехович – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». Калуга, Россия. E-mail: valiyen@gmail.com.

Замышевская Елена Александровна – эксперт отдела психологических экспертиз ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН». Нижний Новгород, Россия. E-mail: elena-zam@yandex.ru.

Казанцева Ирина Леонидовна – эксперт отдела фоноскопических, лингвистических и видеофонографических экспертиз ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН». Нижний Новгород, Россия. E-mail: ikazantseva@esin-expert.ru.

Казарян Гаяне Акоповна – кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии Ереванского государственного медицинского университета им. М. Гераци. Ереван, Армения. E-mail: ghazaryan.psy@gmail.com.

Кравченко Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры психологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: ugurrost@rambler.ru.

Круглова Марина Сергеевна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры Общей психологии и социальных коммуникации ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет». Сочи, Россия. E-mail: marin.kruglova@gmail.com.

Кузнецов Александр Юрьевич – генеральный директор Центра информационно-психологической безопасности, ассоциированный член Психологического института РАО, член Президиума Ассоциация спортивной и прикладной психологии России. Москва, Россия. E-mail: stressnet@mail.ru.

Левшук Марина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета, преподаватель инжинирингового колледжа. Белгород, Россия. E-mail: lmv18@mail.ru.

Махмудова Хулкар Тилабовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры профессиональные навыки Высшей школы судей при высшем Судейском совете Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан. E-mail: Khulkar_makhmudova@mail.ru.

Минияров Валерий Максимович – доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета, Самарский филиал. Россия, Самара. E-mail: Filomena2022@yandex.ru

Орлов Владимир Владимирович – кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС, Академия ФСИН России. Рязань, Россия. E-mail: pallidum@yandex.ru.

Сазонова Светлана Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент Московского городского педагогического университета. Москва, Россия. E-mail: Saz-svetlana@yandex.ru.

Седенкова Ирина Сергеевна – эксперт-психолог Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». Калуга, Россия. E-mail: Sedenkova.ir@yandex.ru.

Седин Виктор Иванович – доктор медицинских наук, профессор, действительный член Академии военных наук РФ, ведущий научный сотрудник ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России. Москва, Россия. E-mail: visedin@mail.ru.

Соломатина Юлия Евгеньевна – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета НИУ «БелГУ». Белгород, Россия.

Тер-Степанян Анаит Грантовна – кандидат психологических наук, преподаватель кафедры медицинской психологии Ереванского государственного медицинского университета им. М. Гераци, Ереван, Армения. E-mail: anahitterstepanyan@gmail.com.

Хащенко Татьяна Геннадьевна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой права, педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина. Ульяновск, Россия. E-mail: roleta2011@yandex.ru.

Шапалов Владимир Иванович – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры Общей психологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет». Сочи, Россия. E-mail: shapovalov_vi@mail.ru.

Шуванов Игорь Борисович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой Общей психологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет». Сочи, Россия. E-mail: schuvanov@rambler.ru

Шуванова Виктория Петровна – старший преподаватель кафедры Общей психологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет». Сочи, Россия. E-mail: v.shuvanova@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abakumov Dmitry Anatolyevich – 3rd year student of the training course «Jurisprudence». RSSU Minsk branch, Minsk, Belarus Republic. E-mail: Ddima93080@gmail.com.

Akhmedshin Ramil Linarovich – Doctor of Legal Sciences, professor at Criminalistics department of Tomsk State University. Tomsk, Russia. E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru.

Akhmedshina Natalia Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, associate professor at Criminal Law Department at faculty of Law of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. Tomsk, Russia. E-mail: dana74@mail.ru.

Alekseeva Lyubov Vasilyevna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, former head of Clinical and Legal Psychology department of Tumen State university, free researcher. E-mail: alex-lubov2008@yandex.ru.

Avdeichik Anastasia Alekseevna – post-graduate student at Institute of Medical-Biological Problems at RAS, Moscow, Russia. E-mail: NastAnd@yandex.ru.

Begunova Lyudmila Anatolyevna – Candidate of Legal Sciences, leading researcher at Laboratory of Scientific Fundamentals of Child Practical Psychology of Federal State Budgetary Scientific Institution «Psychological Institute at Russian Academy of Education» (FSBSE «PIRAE»). Moscow, Russia. E-mail: lab6510@list.ru.

Beloded Diana Rolandovna, forensic expert-psychologist, post-graduate student at Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Kaluga State university named after K.E. Tsiolkovsky». Kaluga, Russia. E-mail: dr_beloded@mail.ru.

Bocharova Olga Stanislavovna, – Candidate of Legal Sciences, associate professor at Criminal Law and Procedure Department of RSSU Minsk branch. Correspondent Member at ISPA IAIT, forensic expert-psychologist. Minsk, Belarus Republic. E-mail: nihil13@mail.ru.

Egiazaryan Ani Arturovna – assistant at Medical Psychology Department of Erevan State Medical university named after M. Geratsi, Erevan, Armenia. E-mail: anipsy@gmail.com.

Engalychev Vali Fatekhovich – Doctor of Psychological Sciences, professor at General and Social Psychology Department, head of Scientific-Research Centre of Forensic Expertise and Criminalistics of Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Kaluga State university named after K.E. Tsiolkovsky». Kaluga, Russia. E-mail: valiyen@gmail.com.

Gut Yulia Nickolaevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Age and Social Psychology Department of Psychology Faculty of Belgorod State National Research University, Psychological Institute at Russian Academy of Education, leading researcher at Laboratory of Differential Psychology and Psychophysiology. Belgorod – Moscow, Russia. E-mail: gut@bsu.edu.ru.

Kazantseva Irina Leonidovna – expert at Phonoscope, Linguistic and Videophonographic Expertise Department LLC «Centre of Expertise and Assessment «ESIN»». Nizhni Novgorod, Russia. E-mail: ikazantseva@esin-expert.ru.

Kazaryan Gaiane Akopovna – Candidate of Psychological Sciences, associate professor at Medical Psychology Department of Erevan Medical university named after M. Geratsi. Erevan, Armenia. E-mail: ghazaryan.psy@gmail.com.

Khashchenko Tatiana Gennadiyevna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, head of Law, Pedagogy and Psychology Department of Federal State Budgetary Educational institution Ulyanovsk State Agricultural University named after P.A. Stolypin. Ulyanovsk, Russia. E-mail: roleta2011@yandex.ru.

Kravchenko Aleksandr Vladimirovich – senior lecturer at Psychology Department of Military university named after Prince Alexander Nevsky of Ministry of Defence of Russian Federation. Moscow, Russia. E-mail: ugurrost@rambler.ru.

Kruglova Marina Sergeevna – Candidate of Economic Sciences, senior lecturer at General Psychology and Social Communications Department of FSBEI HE «Sochi State university». Sochi, Russia. E-mail: marin.kruglova@gmail.com.

Kuznetsov Aleksandr Yurievich – general director of Information-Psychological Security Centre, associated member of Psychological institute at Russian Academy of Education, member of Presidium of Russian Sport and Applied Psychology Association. Moscow, Russia. E-mail: stressnet@mail.ru.

Levshuk Marina Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, associate professor at Belgorod State National Research university, lecturer at Engineering college. Belgorod, Russia. E-mail: lmv18@mail.ru.

Makhmudova Khulkar Tilabovna – Candidate of Psychological Sciences, associate professor at Department of Professional Skills of Higher School at Supreme Judicial Court of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan. E-mail: Khulkar_makhmudova@mail.ru.

Miniyarov Valery Maksimovich – Doctor of Psychological Sciences, professor at MCPU Moscow City Pedagogical university, Samara branch. Samara, Russia. E-mail: Filomena2022@yandex.ru.

Orlov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Medical Sciences, senior lecturer at Professional Activity Department in PES, Russian Academy FSPE. Ryazan, Russia. E-mail: pallidum@yandex.ru.

Sazonova Svetlana Dmitrievna – Candidate of Psychological Sciences, associate professor at MCPU Moscow City Pedagogical university. E-mail: Saz-svetlana@yandex.ru.

Sedenkova Irina Sergeevna – expert-psychologist at Scientific-Research Centre of Forensic Expertise and Criminalistics of Federal State Budgetary Educational institution of Higher Education «Kaluga State university named after K.E. Tsiolkovsky». Kaluga, Russia. E-mail: Sedenkova.ir@yandex.ru.

Sedin Viktor Ivanovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, full member of Academy of Military Sciences of RF, leading researcher at FSBI SRC Russian FMBC named after A.I. Burnazyan. Moscow, Russia. E-mail: visedin@mail.ru.

Shapovalov Vladimir Ivanovich – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, professor at General Psychology and Social Communications Department of FSBEI HE «Sochi State university». Sochi, Russia. E-mail: shapovalov_vi@mail.ru.

Shuvanov Igor Borisovich – Candidate of Psychological Sciences, head of General Psychology and Social Communications Department of FSBEI HE «Sochi State university». Sochi, Russia. E-mail: schuvanov@rambler.ru.

Shuvanova Viktoria Petrovna – senior lecturer at General Psychology and Social Communications Department of FSBEI HE «Sochi State university». Sochi, Russia. E-mail: v.shuvanova@mail.ru.

Solomatina Yulia Evgenievna – student at Belgorod State National Research university NRU «BelsU». Belgorod, Russia.

Ter-Stepanyan Anait Grantovna – Candidate of Psychological Sciences, lecturer at Medical Psychology Department of Erevan State Medical university named after M. Geratzi. Erevan, Armenia. E-mail: anahitterstepanyan@gmail.com.

Zamyshevskaya Elena Aleksandrovna – expert at Psychological Expertise Department LLC «Centre of Expertise and Assessment «ESIN»». Nizhni Novgorod, Russia. E-mail: elena-zam@yandex.ru.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия «Психологические науки. Педагогические науки»

Научный журнал

Том 5. Выпуск 2 (2022)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
от 03.06.2022 ПИ № ФС 77-83369

Дата выхода в свет 31.12.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. 20. Тираж 500 экз.
Максимальный объем 160 страниц формата А4
Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского. 248023 Калуга, ул. Разина, 22/48.

Отпечатано «Наша Полиграфия». 248600 Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лицензия ПЛД № 42-29 от 23.12.99.